МЕЖДУНАРОДНЫЙ АСПИРАНТСКИЙ ВЕСТНИК

Русский язык за рубежом

 $N_{2} 1-2$

Редакционная коллегия	Н.А. Башатова, канд. филол. наук — доцент кафедры русского языка Национального университета Узбекистана имени Мирзо Улугбека (г. Ташкент); Н.Г. Брагина, д-р филол. наук — профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина; Н.В. Кулибина, д-р пед. наук, профессор — декан факультета повышения квалификации и постградуального обучения Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина; А.О. Орусбаев, д-р филол. наук, профессор — декан гуманитарного факультета Киргизско-российского славянского университета (г. Бишкек); В.П. Синячкин, канд. филол. наук, доцент — зав. кафедрой русского языка Института иностранных языков Российского университета дружбы народов; Е.Ф. Тарасов, д-р филол. наук, профессор — зав. сектором психолингвистики Института языкознания РАН; С.Н. Травников, д-р филол. наук, профессор — зав. кафедрой мировой литературы Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина; Е.А. Хамраева, д-р пед. наук — профессор кафедры славянских языков и методики их преподавания Московского педагогического государственного университета, главный редактор журнала «Русский язык в национальной школе»		
Главный редактор	Ю.Е. Прохоров, д-р филол. наук и д-р пед. наук, профессор, ректор Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, главный редактор журнала «Русский язык за рубежом»		
Зав. редакцией	Т.К. Будовская		
Ответственный секретарь	Е.В. Розанова		
Выпускающий редактор	Г.В. Хруслов, канд. филол. наук		
Корректор	Н.В. Прилуцкая		
Верстальщик	А.Г. Гейн		
Обложка	Е.А. Еремин		
Адрес редакции	дрес редакции 117485, Россия, Москва, ул. Академика Волгина, 6, комн. 430 Тел.: +7 (495) 335-05-66 E-mail: aspvest@pushkin.edu.ru		
Информация в Интернете	http://www.russianedu.ru/magazine/postgraduate.html		
Издательская подписка Менеджер			
Издатель	ООО «Издательство «Отраслевые ведомости»		
Учредитель	ЗАО «Отраслевые ведомости»		
	Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-32091 от 30 мая 2008 года		
	Отпечатано в типографии ООО «АВПРИНТ»		
	Тираж 1500 экз. Подписано в печать 20.05.2010		
	Журнал входит в рекомендованный ВАК Минобрнауки РФ перечень ведущих рецензируемых изданий, в которых могут быть опубликованы результаты научных исследований соискателей ученой степени доктора и кандидата наук.		
	Статьи печатаются в авторской редакции. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Любое использование материалов допускается только с письменного разрешения редакции. Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов.		
	© ЗАО «Отраслевые ведомости, 2010		

Содержание

Виноградова Л.В. (Россия). Термины туризма в русском и английском языках: понятийная система
Гончарова Л.М. (Россия). Адресат рекламного текста в представлении рекламодателя (на примере рекламы сферы туризма)
Добровольская М.Г. (Россия). Понимание скрытых смыслов
Евтушенко О.В. (Россия). Мышление и сознание как основные термины теории познания 21
Заболотских Л.В. (Россия). Ключевые концепты австрийской культуры
Красникова О.В. (Россия). Речевая характеристика Ахиллы Десницына в хронике Н.С. Лескова «Соборяне»
Крючкова Л.С. (Россия). Лингвометодические основы обучения китайских учащихся грамматике русского языка как иностранного
Ле Минь Нгок (Вьетнам). Сопоставительный диахронический анализ концепта «счастье» в русском и вьетнамском языках
Макаревич Т.В. (Россия). Языковые особенности текста учебной лекции, обусловленные устной формой ее реализации
Мандрикова Г.М. (Россия). Агнонимы: способы семантизации
Маркина Н.А. (Россия). Принципы дифференцированного подхода в обучении детей-мигрантов
Музычук Т.Л. (Россия). Невербальный дискурс как речевая деятельность
Озерова Е.А. (Россия). К вопросу о межкультурной коммуникации на занятиях по РКИ в интернациональной группе
Паремузашвили Э.Э. (Россия).   Стратегия доминирования в структуре непрямого речевого акта
Самойлова С.П. (Россия).   Принцип дополнительности Н. Бора как метод анализа языкового сознания   78
Синячкин В.П. (Россия). Методы исследования восприятия ценностей
Соколянский А.А. (Россия). Фонология, фонетика и орфоэпия в преподавании русского языка как иностранного
Ткач Т.Г. (Иран). Персидская артикуляционная база в сопоставлении с русской: приемы коррекции артикуляции
Тюпенко Н.А. (Россия). Совершенствование навыков владения средствами выражения субъективной модальности в научной речи иностранных студентов
Фу Яньцзе (Китай). Взаимодействие пространственных и временных представлений в эпоху создания национальных языковых картин мира (на примере русских и китайских слов $вчерa-cero\partial ня$)
Шалыгина О.В. (Россия). Мюнхенские главы «Сквозных ликов» — ключ к изучению композиции и языка «Четвертой симфонии» А. Белого
Шафаги Марьям (Иран). Коммуникативно-прагматический анализ речевого жанра «покаяние» в русском языке (с позиции носителя персидской культуры)
Юнусова А.А. (Таджикистан). Основные черты языковой ситуации в Таджикистане 117

Л. В. Виноградова

ludvin@inbox.ru ст. преподаватель Санкт-Петербургского государственного университета сервиса и экономики, Псковский филиал

Псков, Россия

Термины туризма в русском и английском языках: понятийная система

Термин, терминосистема, понятийная система, логико-понятийный анализ, туризм.

Статья посвящена изучению понятийной системы туристской терминологии в русском и английском языках. Исследованы 700 русских и 990 английских терминов туризма. На основе логико-понятийного анализа все термины группируются в два понятийно-терминологических поля, которые, в свою очередь, делятся на микрополя и тематические блоки. Таким образом, выявляется иерархическая структура обеих терминосистем. Наиболее крупным понятийно-терминологическим полем в обоих языках является поле «туристская индустрия», что объясняется прежде всего тем, что сфера туризма представляет собой сложный многоотраслевой комплекс, основанный на взаимодействии многих отраслей экономики. Также и в русском, и в английском языках наибольшую долю в поле «туристская индустрия» занимают термины микрополей «организация туризма», «индустрия гостеприимства» и «перевозки», без которых не может существовать организованный туризм. Однако, несмотря на вышеперечисленные сходства понятийной организации туристских терминов изучаемых языков, в статье устанавливается не полное, а лишь частичное совпадение элементов, что обусловлено особенностями исторического формирования терминосистем. Таким образом, в статье утверждается, что понятийная система терминологии туризма в английском и русском языках отражает соответствующую систему отрасли, которая в целом сходна в обоих языках. В то же время выявленное своеобразие наполнения микрополей может свидетельствовать о различных путях формирования терминосистем и возможной их эволюции.

На сегодняшний день массовый туризм продолжает развиваться и укреплять свои позиции: «Сегодня туризм — мощная мировая индустрия, производящая до 10 % мирового валового продукта, в которой задействованы огромные массы работников, основных средств, привлечены крупные капиталы» [1: 30]. Он представляет собой систему туристских связей и коммуникаций не только на национальном уровне, но и на международном, являясь, таким образом, мультикультурным по своей природе явлением.

В связи с этим актуальным представляется сопоставительное изучение терминов туризма, в частности в таких языках, как русский и английский. Материалом для нашего исследования послужили термины из специализированных словарей и журналов, учебников и учебных пособий по туризму, а также справочных изданий. В результате изучения названных источников сформирован корпус из 700 русских и 990 английских терминов туризма. При этом необходимо отметить, что третью часть выборки составляют термины, функционирующие в текстах, но не нашедшие отражения в специализированных словарях.

Проведенные нами исследования туристских терминов были посвящены вопросам изучения особенностей формирования терминологий [2],

их структурной характеристики [4], семантической деривации [5], процесса ассимиляции заимствованных терминов [3]. Однако комплексный процесс исследования терминологии невозможен без ее логико-понятийного анализа, который «составляет содержание систематизации понятий в работе по определению терминов» [6: 35] и предполагает:

- 1) выделение исходного числа специальных понятий:
- 2) определение категориальных классов специальных понятий;
- 3) определение характера отношений между специальными понятиями.

Классы специальных понятий образуют понятийно-терминологические поля (ПТП), которые являются важнейшими структурными частями всей понятийной организации терминологической системы. Наиболее четко и теоретически определенно на эту тему высказался С.Д. Шелов, который трактовал ПТП как «совокупность специальных для данной области понятий, которые необходимы для понятийной идентификации данного термина, понятий, для идентификации которых необходим данный термин, а также отношений между ними и понятием, выраженным данным термином» [7: 3]. По его мнению, ПТП являются с теоретической

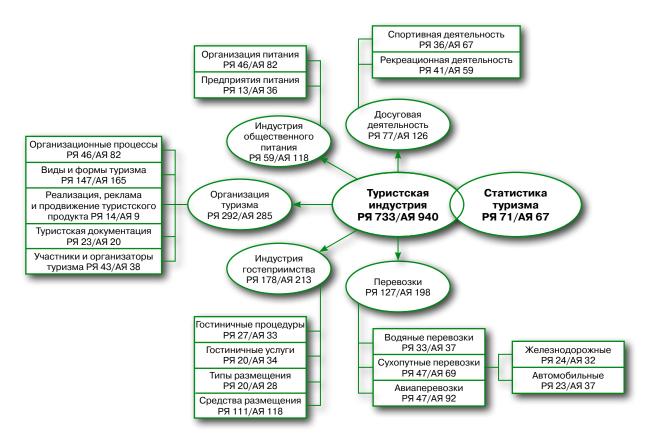

Рис. 1. Понятийная система туристской терминологии в русском и английском языках¹

точки зрения наиболее интересной структурной частью.

Как и любое другое поле — лексическое, семантическое, — ПТП имеет ядро (общее для всех членов поля понятие) и периферию. Таким образом, специальные понятия, образуя систему, формируют ПТП с иерархическим строением.

На основе существующих классификационных подотраслей сферы туризма и с учетом особенностей функционирования терминов были выделены ядро и периферия русской и английской терминологии сферы туризма, в результате чего все термины были разбиты на два ПТП. Количественное соотношение и иерархическая структура данных полей представлены на рис. 1.

Как видно из рис. 1, терминология сферы туризма в обоих языках отражает систему понятий, которыми оперируют ее многочисленные отрасли. Ядром данной системы являются термины ПТП «туристская индустрия» и «статистика туризма», при этом эти поля имеют область пересечения, поскольку статистические знания могут применяться к различным понятиям туристской индустрии, что объясняет многозначность некоторых терминов и их одновременное функционирование в нескольких микрополях.

Как видно из рис. 1, в туристской терминологии выявлено 5 микрополей: досуговая деятельность, индустрия общественного питания, организация туризма, индустрия гостеприимства и перевозки. Данные микрополя, в свою очередь, разбиты на тематические блоки. Сопоставление приведенных ПТП позволяет обнаружить, что их набор, полученный в результате логико-понятийного анализа туристской терминологии, совпадает в исследуемых языках, что в некоторой степени обусловлено сближением модели развития сферы туризма в России и зарубежных странах.

Представим процентное соотношение ПТП, сопоставив результаты анализа на рис. 2 и 3, что позволит выявить сходства и различия понятийной структуры туристской терминологии в русском и английском языках.

Как видно из рис. 2, и в англоязычной, и в русскоязычной туристской терминологии ПТП «туристская индустрия» намного крупнее, чем ПТП «статистика туризма», что объясняется прежде всего тем, что сфера туризма представляет собой сложный многоотраслевой комплекс, основанный на взаимодействии многих отраслей экономики: пассажирского транспорта, жилищно-коммунального хозяйства, общественного питания и т.д. Каждая отрасль

¹ РЯ – термины русского языка; АЯ – термины английского языка

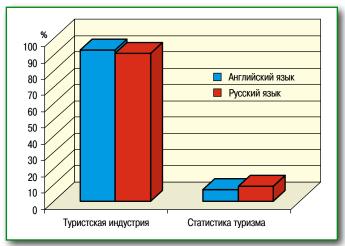

Рис. 2. Процентное соотношение понятийно-терминологических полей сферы туризма в русском и английском языках

в туризме представлена группой однотипных предприятий, формирующих туристскую индустрию. Однако не включить малочисленное ПТП «статистика туризма» в изучаемую терминосистему не представляется возможным, поскольку исследование туризма требует расчета и анализа количественных показателей, в основе которых лежат статистические данные. Поэтому проблемы статистического учета, а вместе с ним и соответствующей терминологии являются центральными в исследованиях туризма.

Сравнение микрополей, входящих в состав ПТП «туристская индустрия» и представленных на рис. З, позволяет выявить еще одну черту, свойственную как русскоязычной, так и англоязычной терминологии: наибольшую долю в ПТП занимают термины микрополей «организация туризма», «индустрия гостеприимства» и «перевозки», что также неслучайно.

Во-первых, организованный туризм не может существовать без организаций, занимающихся составлением и продажей туров, а также подготовкой и проведением экскурсий, в соответствии с чем в рамках микрополя «организация туризма» можно выделить следующие тематические группы:

- 1) участники и организаторы туризма: npuhu-мающая сторона host, asmomypucm motorist, myponepamop tour operator, pumeŭnep retailer, nocmas mypucmckux ycnyz supplier, $mypnu\partial ep$ tour leader;
- 2) виды и формы туризма: тур «все включено» — all-inclusive tour, караванинг — caravanning, культурно-познавательный туризм — cultural tourism, ознакомительный тур — familiarization tour, лечебно-оздоровительный туризм health tourism;
- 3) организационные процессы: бронирование booking, туристский маршрут itiner-

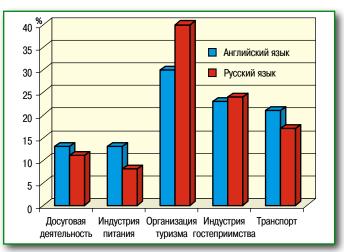

Рис. 3. Процентное соотношение микрополей сферы туризма в русском и английском языках

ary, встреча и проводы — meet and greet, место сбора — pick-up point, изменение маршрута — rerouting, аннуляция тура — tour cancellation;

- 4) туристская документация: агентский договор agency agreement, купон travel coupon, дорожный чек traveller's cheque, ваучер voucher;
- 5) реализация, реклама и продвижение туристского продукта: туристский каталог—travel catalogue, туристская ярмарка—travel fair, тревелог—travelogue, туристская брошюра—tourist brochure.

Во-вторых, исторически сложилось так, что одной из важнейших потребностей туриста, которую нужно удовлетворить во время его туристской поездки, — это ночлег. Поэтому на втором по численности месте стоит микрополе «индустрия гостеприимства», которое включает следующие тематические блоки:

- 1) средства размещения: anapm-omeль apart hotel, коммерческий отель commercial hotel, смежные номера connecting rooms, флотель flotel, гостевой дом —guest house, курортный отель resort hotel;
- 2) гостиничные процедуры: perucmpaция check-in, paнний заезд early arrival, noздний выезд late check-out, незаезд no show, список размещения в номерах rooming list;
- 3) гостиничные услуги: валет-паркинг valet parking, обслуживание на этаже floor service, поднос багажа porterage, побудка wake up call;
- 4) типы размещения: размещение без питания accommodation only, размещение и завтрак bed and breakfast, полупансион half board, европейский план European plan, семейный план family plan.

В-третьих, ключевым этапом туристского путешествия является перевозка. Формально при ее отсутствии туризм не состоится, что следует

из самого определения туризма. Человек, попадающий под категорию туриста, должен временно выехать из своего постоянного места жительства в другую местность или страну [1: 110]. Таким образом, микрополе «транспорт» также является наиважнейшим компонентом терминосистемы сферы туризма, который имеет следующие тематические блоки:

- 1) авиаперевозки: авиаперевозчик aircarrier, зал прибытий arrival hall, посадочный талон boarding pass, чартерный авиарейс charter flight, консолидатор consolidator, внутренний авиарейс domestic flight;
  - 2) сухопутные перевозки:
- автомобильные: автодом сатрег, аренда автомобиля car rental, туристский автобус coach, лимузин-сервис limousine service;
- железнодорожные: $круизный noes \partial cruise$ train, вагон-ресторан dining car, спальный вагон sleeping car;
- 3) водные перевозки: бербоут-чартер bareboat charter, круизная линия cruise line, внешняя каюта outside cabin.

Однако, несмотря на вышеперечисленные сходства понятийной организации туристских терминов изучаемых языков, обращает на себя внимание и тот факт, что лишь 63 % русских терминов имеют полные или частичные англоязычные эквиваленты, что означает не полное, а лишь частичное совпадение элементов ПТП в русском и английском языках. Данное явление объясняется прежде всего особенностями исторического формирования терминосистем. Так, если мы посмотрим на процентное соотношение терминов в микрополе «организация туризма», то обнаружим, что количество русских терминов на 10 % превышает количество английских. При этом многие термины, не имеющие англоязычных соответствий, были созданы в советский период, когда осуществлялось руководство туризмом в добровольно-общественной форме, а затем, профсоюзно-государственной, когда туризм приравнивался к виду спорта.

Так, в работе П.С. Пасечного читаем: «Большой популярностью среди членов трудовых коллективов пользуются путешествия по плановым туристским маршрутам» — и далее: «Туристские слеты составляют, как правило, первый раздел массовых туристских мероприятий, которые проводятся ежегодно в нашей стране» (Пасечный П.С. Туристская работа в трудовом коллективе. М., 1983). В нормативном документе 1982 года также можно найти термины, являющиеся реалиями советских времен, но функционирующие и сегодня: «Придавая важное значение совершенствованию и развитию массового сатодеятельного туризма, Секретариат ВЦСПС и коллегия Комитета по физичес-

кой культуре и спорту при Совете Министров СССР постановляют: осуществлять работу по оборудованию и маркировке туристских маршрутов, походов выходного дня в пригородных зонах и зонах массового отдыха трудящихся и членов их семей...» (Постановление Секретариата ВЦСПС «О мерах по дальнейшему совершенствованию массового самодеятельного туризма» от 1 ноября 1982 г.). Данные термины функционируют и в сегодняшних специальных текстах: «Органы государственной власти Кемеровской области осуществляют поддержку социального и самодеятельного туризма» (RATA-news. 07.02.2010. № 2502); «С 23 no 25 апреля 2010 г. в районе д. Межисетки Могилевского района пройдет 38-й Могилевский городской туристский слет «Подснежник-2010», посвящённый 65-й годовшине Победы в Великой Отечественной войне» (RATA-news. 02.04.2010. № 2514); «Один из самых интересных маршрутов – это новый плановый туристский маршрут по Горному Алтаю «Озеро Шавло — король красоты» (RATA-news. 18.11.2009. № 2415).

Примерами подобных терминов могут служить: *гусятник* (встреча туристов в городе после похода), *дневка* (день в походе, в течение которого группа никуда не идет, а стоит на месте), *радиальный маршрут* (путь следования с посещением, как правило, одной точки обслуживания и экскурсионного показа, т. е. начало и окончание маршрута происходит в одном пункте пребывания). В английском же языке подобные термины отсутствуют, что свидетельствует о наличии терминологических лакун.

Наше предположение о частичном совпадении элементов ПТП в изучаемых языках подтверждается также и при обратном рассмотрении русско-английских соответствий: в некоторых тематических блоках превалируют англоязычные термины, которые не имеют соответствующих русских эквивалентов. К таковым прежде всего относятся термины, означающие еще пока новые и неизвестные российской действительности предметы, объекты и явления сферы туризма, что в первую очередь касается видов и форм туризма (community tourism – an approach to tourism in which the needs and views of local residents are incorporated in the planning and development process; island hopping - travel from island to island, staying only a short time on each one), средств размещения (dude ranch — a ranch that people visit as a tourist attraction and where they can stay and spend a holiday; rest-camp – a campsite on a safari where you rest after traveling in the bush), *aвиаперевозок* (blackout – a day, usually a public holiday, when cheaper fares are not available on flights, commuter flight - a flight between towns used regularly by commuters),

npednpusmuй numahus (carvery — a restaurant where hot roast meals are offered at the buffet table for the customer to carve his/her own portion; singles bar — a bar where unmarried or divorced people go, hoping to meet others), видов спорта для туристов (coasteering — a sport that takes place along a coast and combines scrambling, rock climbing, traversing, swimming and cliff jumping; kloofing — the extreme sport of following the course of a river through a gorge by climbing, swimming and jumping).

Важно отметить, что туристская терминосистема русского языка постоянно стремится заполнить имеющиеся лакуны путем прямых заимствований. Так, недавно на зарубежном туристском рынке появился новый вид специального туризма, который получил название glamping (от glamourous camping). По нашим данным, данный термин еще не зафиксирован даже англоязычными словарями. В то же время, несмотря на отсутствие данного вида деятельности в России, российские специалисты сферы туризма уже используют русский аналог «глемпинг». Так, в статье «Поход со всеми удобствами» читаем: «Многие кемпы располагаются на лоне природы и обладают великолепными интерьерами, отличным сервисом и гастрономическим рестораном. Но только избранные, наделенные особым стилем, шиком и гламуром, имеют право называться глэмпингом (гламурным кемпингом). Именно туда устремляются поклонники уединенного отдыха в глуши, не желающие отказывать в себе в комфортных и элегантных условиях» (Всемирный следопыт. 2009. № 5). Примерами подобных случаев заполнения лакун также могут служить: couch surfing — каучсерфинг, boosterism — бустеризм, ganja tour — ганджа-тур, hobby tourism — хобби-туризм, flash-раскіпд — флэшпэкинг.

Таким образом, в результате проведенного анализа удалось установить, что понятийная система терминологии туризма в английском и русском языках отражает соответствующую систему отрасли, которая в целом схожа в обоих языках. В то же время выявленное своеобразие наполнения микрополей может свидетельствовать о различных путях формирования терминосистем и возможной их эволюции.

Литература

- 1. Биржаков М.Б. Введение в туризм: Учебник. 8-е изд., перераб. и доп. СПб., 2006.
- 2. Виноградова Л. В. Особенности формирования терминосистемы «Туризм» в русском языке // Культура и сервис: взаимодействие, инновации, подготовка кадров: Сборник материалов I Межрегиональной научно-практической конференции 17 апреля 2009 года /Сост. В.Г. Велединский, Н.М. Мышьякова. СПб., 2009.
- 3. Виноградова Л.В. Особенности ассимиляции прямых англоязычных заимствований в русском языке (на примере терминосистемы «туризм») // Сборник материалов II Межвузовской научно-практической конференции 02-03 апреля 2009 года «Псковский регион как приграничное пространство (перспективы, направления развития, проблемы)» / Под ред. А. В. Аврамова. Псков, 2009.
- 4. Виноградова Л.В. Русская терминология туризма: структурная характеристика // Вестник НовГУ. Сер. История. Филология. 2009. № 52.
- 5. Виноградова Л.В. Терминология туризма в аспекте семантической деривации (на материале русского и английского языков) // Службы сервиса и социально-экономическое развитие региона: Сборник материалов I Всероссийской научнопрактической конференции с международным участием; 26—27 октября 2009 г. Псков, 2009.
- 6. Гринев С.В. Введение в терминографию. М., 1995.
- 7. Шелов С.Д. Терминологические поля и понятийная организация терминологии // Структурная и прикладная лингвистика. 2008. № 7.

L.V. Vinogradova

TOURISM TERMS IN THE RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES: CONCEPT SYSTEM

Term, terminology system, concept system, logical conceptual analysis, tourism.

In terminological literature the importance of concept relations and systems is emphasized. The purpose of this article is to describe a concept system of tourism terminology in the Russian and English languages. We analyzed 700 Russian and 990 English tourism terms. Based on the method of logical conceptual analysis, this article focuses on grouping all the terms into two conceptual fields which are divided into microfields and thematic groups. Thus we reveal the hierarchical structure of both terminology systems. Results showed that the largest conceptual filed in both languages is the field "tourism industry" as tourism itself is a complicated diversified business. In the Russian language as well as in English the largest share within the field "tourism industry" is held by 3 microfields: "tourism arrangements", "hospitality industry" and "transportation", without which organized tourism is impossible. However, despite the above mentioned similarities of the two language systems we also reveal partial overlapping of the elements. This fact can be explained by different historical development of terminology systems. Therefore, we come to the conclusion that the concept system of tourism terminology in the Russian and English languages reflects the corresponding system of the tourism industry which is similar in both languages. At the same time the revealed variety in microfields can indicate different ways of terminology development and its evolution.

Л. М. Гончарова lmg@hotmail.ru канд. филол. наук, доцент,

докторант Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина Москва. Россия

Адресат рекламного текста в представлении рекламодателя

(на примере рекламы сферы туризма)

Адресат, рекламодатель, речевая коммуникация, рекламный текст, сфера туризма, речевое воздействие.

Статья посвящена особенностям адресации рекламных текстов в сфере туризма. Описаны формы обращения, охарактеризован общий тон рекламного сообщения, рассмотрены речевые приемы, использующиеся для воздействия на целевую аудиторию в зависимости от ее предпочтений.

Взаимодействия автора и адресата рекламной коммуникации в сфере туризма определены особенностями данной сферы деятельности и спецификой продвигаемого продукта. Рекламируя турпродукт, рекламодатель воздействует на сознание, интеллект рекламополучателя/потребителя, привлекая его фоновые знания, пробуждая стремление к постижению нового, стимулируя интерес и вызывая любопытство. Рекламополучателя/ адресата приглашают отдохнуть в суперсовременных отелях, предлагают посетить удивительные страны, узнать экзотические обычаи, увидеть уникальные места и т. д. Таким образом, реклама сферы туризма оказывает влияние на интеллект, эстетические чувства и потребности человека.

Несмотря на неизменно сохраняющиеся основные цели и задачи рекламного текста - продать, внушить, сбыть, реализовать, расширить круг потребителей, удержать постоянных клиентов и т. д., – для рекламы туризма особенно необходим позитивный эмоциональный фон для обеспечения комфортного и взаимовыгодного сотрудничества. Это частично объясняется тем, что представления потребителя о турпродукте (в отличие от продукта любой другой сферы - коммерческой, медицинской, политической и т. д.) связаны с целым рядом заключенных в нем предложений и обещаний: предложением уйти от обыденной жизни и бытовых проблем, обещанием новых впечатлений, возможностью самому посетить необычные места, познакомиться с культурой других народов, узнать нечто новое о мире, подарить себе и близким отдых, развлечения и т.д.

Для достижения конечных целей рекламодателю/адресанту необходимо решить ряд сопутствующих коммуникативных задач: завлечение потенциального потребителя путем оказания на него определенного речевого воздействия, а также создание благоприятной тональности общения.

Ведь именно ради адресата рекламодатель/адресант выстраивает рекламный дискурс, так как вся рекламная коммуникация рассчитана на него, поскольку без адресата/потребителя рекламная коммуникация полностью теряет смысл. Кроме того, в туризме рекламное произведение любого жанра (объявление, статья, буклет и пр.) быстро утрачивает актуальность в силу сезонности, несохраняемости и неосязаемости предлагаемых услуг (в отличие, например, от жанров литературных или научных). Рекламная коммуникация рассчитана, «на удовлетворение пресуппозиций и интенциональных ожиданий адресата, на инференции и перлокутивный эффект» [7: 176].

Таким образом, адресанту/рекламодателю необходимо составить некоторый обобщенный образ потенциального потребителя, адресата рекламной коммуникации, в котором будут учтены его социальный статус, социо- и психолингвистические особенности, социальная роль, ожидаемые речевые интенции, ответные реакции и пр.

Как уже говорилось, взаимодействие адресанта/рекламодателя и адресата/рекламополучателя определяется рядом особенностей рекламной коммуникации в сфере туризма. Итак, основываясь на конкретных примерах¹, рассмотрим, каков адресат рекламного текста в представлении рекламодателя в рекламе туристской сферы.

1. Адресат — коллегиальный речедеятель, принимающий участие в коммуникативном процессе.

Адресант и адресат должны говорить «на одном языке». Адресат/рекламополучатель, принимая участие в процессе коммуникации, заставляет рекламодателя выбирать языковые, речевые, стилистические особенности рекламного текста.

¹ Все примеры взяты из рекламных каталогов и буклетов различных турфирм.

Поскольку рекламный текст, как практически все тексты массовой коммуникации, ориентирован в первую очередь на доступность и понятность адресату, то кооперативность, нацеленная на максимальное удовлетворение потребностей участников совместной деятельности, должна быть реализована на речевом уровне:

- возможность свободного декодирования текста со стороны адресата (единство языковой системы рекламодателя и рекламополучателя);
- возможность правильного толкования понятий и образов со стороны адресата (единство моральной, этической и эстетической системы рекламодателя и рекламополучателя): как показывает практика, использование креативных текстов с «низовым», грубым юмором плохо воспринимается рекламополучателями и вызывает вполне оправданное возмущение последних («Сбрось тещу в море всего за 399 долл.», «Закопай маму в песок всего за 399 долл.», «Раздену мужа на глазах у всех всего за 399 долл.» и пр.)²;
- возможность кооперации взаимодействия рекламодателя и рекламополучателя, удовлетворения взаимных потребностей и достижение целей всех участников коммуникации в результате общения.
- 2. Адресат близкий человек, забота о котором первый долг рекламодателя.

Рекламная коммуникация сферы туризма является дистантной опосредованной формой письменного общения рекламодателя с потребителем (поскольку туристская реклама преимущественно реализуется в письменных текстах, реже в текстах наружной рекламы или в телевизионных роликах). Однако наблюдения показывают, что рекламодатель из опосредованного письменного общения стремится как бы перейти в сферу контактного непосредственного общения, сблизиться с адресатом, сделав его участником общения, проникнуть в личную сферу адресата путем навязывания ему ряда потребностей (я-здесь-сейчас-с тобой-готов вместе увидеть все обещанные чудеса). Это в свою очередь предопределяет языковые особенности туристской рекламы (значительное количество тропов, использование речевых тактик и пр.). Именно это заставляет рекламодателя использовать побудительную форму императива, подталкивая адресата определиться с выбором и совершить приобретение немедленно: Позвольте себе «сладкую жизнь»... насладитесь незабываемыми моментами красоты и романтики под теплым южным солнцем; Проведите отпуск понастоящему весело; Выберите Вашу каюту на круизном лайнере Thomson Celebration; Просто опуститесь под воду с маской, Вы увидите бесчисленные стайки рыб вех цветов радуги; В Луксоре почувствуйте величие храма Карнак и прогуляйтесь по Долине Царей; Изведайте зиму по-новому и т. п.

В силу целого ряда причин рекламодатель стремится быть подчеркнуто вежливым по отношению к потенциальному потребителю. Это обусловлено такими экстралингвистическими факторами, как социально-статусное положение потребителя, возраст, предполагающиеся финансовые взаимо-отношения, ситуация опосредованного общения с массовой аудиторией. Это «прогнозируемый обобщенный адресат, с которым автор вступает в опосредованное дистантное общение» [7: 175]. Его образ создает для себя адресант/рекламодатель поскольку «своеобразие адресата, его социальные признаки, фоновые знания, апперцепционная база и т.д. требуют от адресанта соответствующей настройки в реализации текста» [7: 176].

Рекламодатель и адресат рекламного текста территориально разобщены, однако рекламодатель стремится максимально сблизиться с адресатом и в пространстве, и во времени, показать ему свое незримое присутствие, заботу, искренность:

Уважаемые коллеги, партнеры, туристы! Мы впервые представляем на Ваш суд наш новый продукт – каталог Абхазии. Этот каталог – плод нашего долгого труда, изучения истории, культуры и курортной индустрии этой страны. История Абхазии насчитывает не одно тысячелетие, этот край является частью древней Колхиды. Легенды говорят, что к горе, спускающейся к морю, был прикован Прометей. Абхазия страна, где практически нет промышленности, где очень бережно относятся к уникальным природным ресурсам. Последние годы облик Абхазии постоянно меняется: реконструируются поврежденные здания, приводятся в порядок дороги, строятся новые санатории и пансионаты. Мы предлагаем Вашему вниманию значительный спектр санаториев, пансионатов и гостиниц. Здесь представлены как недорогие объекты, так и новые современные отели, удовлетворяющие самый изысканный вкус. Все это плюс уникальная природа, знаменитое абхазское гостеприимство - сделают ваш отдых приятным, полезным и запоминающимся надолго! Счастливого пути!

² Широко известен случай, когда в 2007 г. Федеральная антимонопольная служба возбудила дело против екатеринбургской турфирмы «Виста», рекламировавшей свои услуги под оскорбительными девизами: «Сбрось маму в море за 399 у.е.», «Закопай тещу в песок за 399 у.е.» и др. Против компании выдвинули обвинения в призывах к насилию и жестокости, а также в нарушении этических норм.

3. Адресат — уважаемый, взрослый, состоявшийся человек, обращение к которому должно быть корректным и вежливым.

Говоря о формах указания на адресата, следует отметить, что в большинстве случаев (80 % обращений) выбирается Вы-форма: Выберите Вашу каюту на круизном лайнере; Позвольте себе «сладкую жизнь»; В Египте Вас всегда ждет яркое солнце, лучшие пляжи и курорты мира; К Вашим услугам: четыре дорожки технологии ВRUNSWICK, бар с большим выбором напитков, а также Вам будет предложена организация турниров по системе Беккера и т. п.

Подобный предпочтительный вариант отнюдь не случаен. Адресат в сфере туризма (практически всегда) совершеннолетний, социально независимый, платежеспособный, т. е. человек, которого почти наверняка оскорбит или покоробит фамильярное обращение.

4. Адресат не склонен верить любому предложению.

Сегодня потребители менее склонны доверять рекламе, они стали более подозрительными, больше присматриваются к качеству, требуют гарантий. Кроме того, конкуренция во всех сферах деятельности чрезвычайно высока, что также побуждает потребителя подумать, кому или чему отдать предпочтение перед тем, как сделать окончательный выбор. В туризме же вообще практически не бывает импульсивных покупок, напротив, приобретение тура тщательно планируется, продумывается, просчитывается. «Поэтому задача рекламодателя - каждый день совершенствовать свое предложение. Необходимо искать новые подходы к потребителю» [5: 29]. Таким образом, рекламный текст должен включать четыре важных элемента психологического воздействия [1: 19] и «подстройки» к адресату, которые бы заставили потенциального потребителя пробежать его глазами:

- аттракцию. Текст должен содержать в себе что-то, что привлечет к нему внимание, создаст возможность выделить данное сообщение из ряда конкурентных (иногда, заметим, это элемент оформления шрифт, изображение, цветовая гамма). Например: Так отдыхали Боги! (реклама туров в Грецию);
- возбуждение интереса. Лексическое и семантическое содержание текста должно отвечать запросам адресата/реципиента, стимулировать его любопытство, так как только при таком условии он дочитает текст до конца и станет его обдумывать, а не переключится на другой: Магия Красного моря это там, где древние чудеса, освещенные солнцем берега ласкового моря, завораживающий подводный мир, уникальные памятники истории и высокий уровень сервиса...;
- эмоциональное воздействие. Содержание текста должно доставлять реципиенту/адресату

удовольствие, чтобы потенциальный потребитель отождествлял с ним себя, свои потребности, свои привычки и желания: Зимой Бамберг привлекателен по-особому. Здесь и тишина, в которой забываются будни, и череда культурных мероприятий — сменяющих друг друга восторгов. Конечно же, и в это время года вкусны бамбергское пиво и франконская национальная кухня...;

• запоминание. Текст должен обладать достаточно стабильным «последействием», которое создаст достаточно стабильный отпечаток в памяти реципиента [1] и тем самым послужит дополнительным аргументом при принятии окончательного решения.

Как уже говорилось, адресат/рекламополучатель желает быть уверенным в качестве предоставляемой услуги, видеть надежность продавца и заручиться гарантиями. Для этого в рекламный текст включаются такие речевые тактики, как:

- апелляция к честности и надежности: 17 лет на туристском рынке; 16 лет доверия!; Надежность, качество: индивидуальный подход к каждому клиенту уже 50 лет! МТК «Спутник»; Гарантированные номера в отелях и блоки мест на авиарейсах; Лучшие «спецы» от надежных партнеров; Только надежные туроператоры; Проверенные отели; 12 лет в туризме! Номер в реестре туроператоров...; Отдых, проверенный нами; Отель контролируется системой управления качеством; Лучшие спецпредложения от надежных туроператоров и т. п.;
- ссылка на авторитет (в качестве подтверждения приводятся авторитетные мнения, точки зрения людей, заслуживающих доверия, рейтинги и опросы общественности и т. п.): Самый модный курорт европейцев; Нас знают в Европе; Номера европейского уровня; Элитное обучение за рубежом. Все с общепризнанным качеством!; Бессменный лидер направления с 1996 года (рейтинг ИС «Банко») и др.;
- быстрота, оперативность (в качестве основного аргумента выдвигается срочность, быстрота оказания услуг): Быстрое оформление; Обновление базы каждый час; Прямые контакты случшими отелями; Ежедневные вылеты; Оперативное подтверждение бронирований; Еженедельные собственные программы; Получение билетов в день оплаты!; Визы срочно! и т. д. [3].

5. Адресат – прагматик.

После того как на этапе «знакомства с текстом» адресат/рекламополучатель определил для себя понравившееся предложение, наступает этап «прагматики» — изучения фактической информации, связанной с ценой, качеством предоставляемых услуг и уровнем сервиса. Здесь рекламодатель предоставляет сведения практического характера: Территория в 15 га, охраняемая, огороженная, ухоженная, с красивыми пальмовыми аллеями.

Номера: 2- и 3-местные, с балконом и видом на море. В номере санузел (душевая кабина), холодильник, ТВ, кондиционер, телефон. Пляж: собственный, в 50 метрах от корпуса отеля, песчано-галечный, оборудованный зонтиками и лежаками. Сервис: лобби-бар, ресторан (русская, кавказская и европейская кухня), летнее кафе, бассейн, площадка для пляжного волейбола, парковка, возможна организация экскурсий.

Фактическая информация — это обязательный элемент рекламного текста, поскольку важнейшими практическими элементами содержательной стороны рекламного текста являются степень информативности, удобство пользования, достоверность информации, форма подачи материала (логичность, актуальность, точность, понятность), а также четко прописанные условия относительно контактов и форм сотрудничества: По вопросам бронирования обращаться по телефону: (499) 970-8734; Наш адрес: Москва, ул. Мясницкая, д. 13; Цена действительна при предъявлении данного купона; Комиссия 10 % от наземного обслуживания, не включая доплаты; Комиссия турагентствам 10 % и т.д.

6. Адресат – человек, имеющий семью.

Семья как часть общечеловеческих ценностей и символ незыблемого миропорядка - важная составляющая рекламы туризма. Отдых, удовольствия, подарки, сюрпризы - все это, естественно, человек хочет разделить со своими близкими, подарить любимым людям незабываемые впечатления, которые сохранятся на уровне «авторской памяти». Использование мотива семьи в рекламе туризма является абсолютно органичным. Давать самое лучшее детям, любимым — это сильный психологический и эмоциональный стимул, заставляющий людей совершать покупку. Соответствующее речевое оформление рекламного текста позволяет рекламодателю существенно расширить целевую аудиторию: Самые маленькие гости получат массу ярких впечатлений от отдыха! У нас есть все для семейного отдыха: удобные семейные номера, специальное меню для самых маленьких, аквапарки и детские горки, детская анимация...

7. Адресат – эстет.

Человек, стремящийся получить от отдыха максимум гедонистических наслаждений, настроен на то, чтобы уже сам рекламный текст нес в себе элементы эстетики, красоту и элементы художественного стиля: Комфорт, уют и расслабляющая атмосфера беззаботного отдыха; завораживающие природные ландшафты, идиллические морские пейзажи, утопающие в зелени парки; Вы хотите раствориться в феерической атмосфере изумительного отдыха в роскошном отеле?.. и т. п.

Книжная лексика, сложные эпитеты, метафоры и обилие гипербол — все это создает необхо-

димый «высокий стиль». Интересно, что именно в туристской рекламе довольно часто с помощью гиперболизации намеренно создается романтический настрой: Старинные замки с неповторимой атмосферой Средневековья; Подобного великолепия не встретить ни в одном порту Средиземноморья; Роскошный отель, отличающийся элегантностью и дизайном спокойных тонов; Небольшие уютные ресторанчики с романтической атмосферой для влюбленных; Роскошный отель среди серебристых сосен; Кровать малого королевского размера [2].

8. Адресат – любитель приключений.

Рекламодателю нельзя забывать и тех, для кого спокойный отдых в кругу семьи не дает желаемого удовлетворения. В данном случае тон рекламного обращения намеренно меняется. Иногда появляется «задорное» ты, а в рекламном тексте появляются сленговая молодежная лексика, заимствования и экзотизмы: Отель находится в эпицентре ночной жизни Шарм Эль Шейха, где всю ночь можно веселиться во всемирно известных ночных клубах — Hard Rock и Pasha. Здесь многочисленные лавки и шиша-бары, где тебе предложат кальян на любой вкус. А если устанешь от шумной и бурлящей тусовки, можно расслабиться в одном из бассейнов отеля или покататься на водных горках; Катание на каяках и масса незабываемых впечатлений – отличный выбор для отпуска в кругу друзей.

Таким образом, адресат рекламного текста вырисовывается в представлении рекламодателя весьма разнообразным, а сложность рекламы турпродукта заключается в том, что она должна одновременно отразить целый ряд неоднородных элементов, каждый из которых является предпочтительным для той или иной группы потребителей:

- разнообразие предложений по рыночным сегментам спроса (для среднего класса, для молодежи, для VIP-туристов);
  - различие мест для путешествия и отдыха;
- различные виды туризма (спортивный, исторический, оздоровительный и др.) и т. д. [4].

Как следует из вышесказанного, уровнями, определяющими качество и степень воздействия рекламного текста, влияющими на восприятие его адресатом являются:

- языковой (единство кодов),
- коммуникативный (степень взаимодействия),
- *информационный* (качество фактического содержания),
- эмоционально-психологический (формирование эмоционального отношения к рекламе и рекламируемому продукту),
- *эстемический* (ассоциативное, творческое, культурно-фоновое восприятие рекламируемого продукта).

Для эффективного и взаимовыгодного общения с потенциальным потребителем/адресатом рекламного текста адресант должен:

- увлечь потенциального клиента своими предложениями;
- убедить в надежности фирмы, уникальности и выгодности ее предложений;
- привлечь фоновые знания адресата, воздействовать на воображение, вызывая желание

увидеть самому всемирно известные культурные ценности;

- установить общение в зоне вежливости, доброжелательности, этикета;
- общаться с адресатом в одной «тональности», настраиваясь на его восприятие, стараться избегать коммуникативных барьеров и неудач;
- совмещать разные уровни воздействия в одном рекламном тексте.

Литература

- 1. Бердышев С.Н. Рекламный текст. Методика составления и оформления. М., 2008.
- 2. Гончарова Л.М. Гиперболизация туристской рекламы // Материалы Международной научной конференции «Цивилизация знаний: инновационный переход к обществу высоких технологий». М., 2008.
- 3. Гончарова Л.М. Туристская реклама в СМИ: позитивно настраивающие речевые тактики // Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования / Сост. М.Н. Володина. М., 2008.
- 4. Ильина Е.Н. Туроперейтинг: продвижение туристского продукта: Учебник. М., 2008.
- 5. Медведева Е.Н. Рекламная коммуникация. 3-е изд. М., 2008.
- 6. Полукаров В.Л., Головлева Е.Л., Добренькова Е.В., Ефимова Е.М. Рекламная коммуникация: Учебное пособие. М., 2001.
- 7. Формановская Н.И. Избранные статьи разных лет: Юбилейный сборник. М., 2007.
- 8. Формановская Н.И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. М., 2007.

L.M. Goncharova

ADVERTISER'S CONCEPTUALISM CONCERNING ADDRESSEE OF ADVERTISING TEXT (AFTER THE EXAMPLE OF TOURISM SPHERE)

Addressee, advertiser, speech communication, advertising text, tourism sphere, speech action.

The article is devoted to the peculiarities of addressing advertising text in tourism sphere. The addresses, the common tone of advertising reports, speech methods using to influence aimed audience depending on its preferences have been described. The differences between tourist advertising and advertising in other spheres (commercial, social, political) have been examined.

М.Г. Добровольская

marindo14@yandex.ru ст. преподаватель Российского государственного гуманитарного университета Москва, Россия

Понимание скрытых смыслов

Понимание, смысл, текст, СМИ, языковая игра.

В статье рассматривается проблема понимания скрытых смыслов на материале печатных текстов СМИ. Языковая игра является средством введения нового смысла в определенное понятие. Одной из целей работы с печатным текстом СМИ является формирование у обучаемых навыков понимания смысла прочитанного аутентичного материала.

Трелание понять действительность и осмыслить $\mathbf{D}$ свою роль в жизни общества – естественная потребность человека. Понимание может рассматриваться как способность личности осмыслять, постигать содержание, смысл, значение чего-либо. Понимание присутствует в когнитивном процессе постижения содержания или смысла. В трудах М.М. Бахтина понимание не отделяется от оценки, «они одновременны и составляют единый целостный акт». Ученый писал, что «понимающий подходит к произведению со своим уже сложившимся мировоззрением, со своей точкой зрения, со своими позициями. Эти позиции в известной мере определяют его оценку, но сами при этом не остаются неизменными: они подвергаются воздействию произведения, которое всегда вносит что-то новое. Только при догматической инертности позиции ничего нового в произведении не раскрывается... Понимающий не должен исключать возможности изменения или даже отказа от своих уже готовых точек зрения или позиций. В акте понимания возникает борьба, в результате которой происходит взаимное изменение и обогащение» [1: 327].

На современном этапе развития общества средства массовой информации играют значительную роль в формировании представлений человека об окружающем мире. Они вовлекают человека в глобальное информационное поле виртуального общения. Человек оказывается «в царстве массовой коммуникации, которая все больше и более цепко охватывает наше существование». С точки зрения В.Г. Костомарова, «чередование, будучи технологическим приемом конструкции и опираясь на технические возможности, может выходить далеко за пределы языка. Оно может материализоваться совмещением новостей и мнений, информации и публицистического воздействия, объективной точности и вседоступной простоты или упрощенчества, серьезной научности и развлекательности, максимального разнообразия и «усреднения» сюжетов и тем, их контраста. Соответственно массмедийные материалы в напряженном стремлении к оперативной краткости, лаконичности сообщений могут позволять себе поразительное многословие воздействующего комментария» [7: 203–204].

В этом контексте можно говорить о новой языковой ситуации в нашей стране, центром которой стал новый журналист и новый читатель. Появилась новая газета и современный газетный текст. Анализируя газетный текст, можно прийти к выводу, что речь практически всех социальных групп в разнообразных коммуникативных ситуациях в той или иной мере представлена в текстах массовой коммуникации. Очевидной установкой является ориентация журналиста на живую речь социума во всем ее разнообразии.

Противопоставление «свои и чужие» присутствует в любой культуре и является одним из главных концептов всякого коллективного мироощущения. С социально-психологической и культурологической точек зрения результатом понимания иной культуры и иного поведения может быть социализация или «приобщение к большинству» через тексты и язык. Каждая культура обладает «специфическим набором кодов», которые являются «чуждыми» для иной культуры. В процессе понимания происходит «расшифровка» этих кодов и их «преобразование в свои или естественные». Одной из целей работы с печатным текстом СМИ является формирование у обучаемых навыков и умений понимания содержания прочитанного. В процессе понимания инокультурного текста можно выделить два этапа: 1) перевод оригинального текста на язык реципиента или «в определенном смысле перевод текста в другую культуру»; 2) восприятие переводного текста реципиентом. При этом в тексте реципиенту могут встретиться лакуны, которые имеют признаки «непонятности, непривычности, неточности или ошибочности». Выявлять лакуны в тексте предлагается двумя способами: 1) с помощью

лингвокультурологического сопоставления текстов оригинала и перевода, устанавливая и интерпретируя расхождения между ними; 2) с помощью анализа взаимодействия реципиента с инокультурным текстом, выявляя лексико-семантические единицы, которые на фоне легко воспринимаемого реципиентом текста интуитивно ощущаются им как нечто непонятное и странное [11: 34].

Эффективность текста зависит от того, насколько успешно происходит сближение между автором и читателем, что во многом зависит от тех выразительных средств, к которым прибегает автор. Автор описывает событие, оценивает и интерпретирует его, одновременно воплощая свой замысел в тексте. Коммуникативная направленность может задаваться автором в эксплицитной или имплицитной форме.

Очевидно, что процесс понимания печатного текста российских СМИ иностранными студентами заключается в способности интерпретировать содержание прочитанного. Понимание печатного текста средств массовой информации может быть достигнуто путем соединения первоначальных знаний о мире с новой реальностью, что приведёт к углублению понимания благодаря индивидуальным способностям человека интерпретировать происходящие события.

Детальный анализ закономерностей осмысления человеком внешнего мира и самого себя был проделан Н.К. Рябцевой, которая уделила особое внимание способности человека вкладывать в язык и его использование дополнительную, неявно выраженную информацию, скрытые смыслы. По Рябцевой, смысл составляет для человека ни с чем не сравнимую ценность, поскольку связан с целью и олицетворяет ее. Человек стремится понять смысл жизни, рассуждает о здравом смысле, задумывается о целесообразности или предполагает, имеет ли это какой-то смысл, поэтому мысль и смысл неотделимы. Можно сказать, что в мысли главное - смысл. Способ выражения смысла в мысли имеет особое значение и напрямую связан с творческой работой разума, особыми интеллектуальными усилиями. Смысл присутствует в высказывании в скрытом виде и может быть выведен из него путем умозаключения. Это то, что на самом деле имеет в виду говорящий, суть высказывания или текста, его идея, пафос. Это проекция плана содержания языкового выражения на сознание интерпретатора с присущими ему представлениями о мире и системой ценностей. Смысл высказывания - это такая его интерпретация, которая предполагает сопереживание, максимальную интеллектуально-эмоциональную вовлеченность, «включенность» адресата [13: 355].

Когда мы говорим о «скрытости» смысла, мы обычно употребляем такие метафорические эпитеты, как внутренний, глубокий, которые под-

черкивают его ненаблюдаемость, труднодостижимость. Присутствие неявно выраженного смысла, имплицитной информации, метасмысла, делает высказывание особо ценным, содержательным и насыщенным, а новизна - креативно заряженным и привлекательным. Это связано с тем, что психологически имплицитная информация повышает притягательную силу сообщения и придает ему эстетическое измерение: субъективно, интеллектуально и культурно более интересным для адресата представляется извлечение скрытой информации и тем самым участие в создании сообщения. При этом действенность имплицитной информации основана на сложности, нетривиальности ее извлечения, на интерпретации сообщения. По Бахтину, интерпретация — это творчество, она «глубоко познавательна».

Контекст играет большую роль в понимании смысла текста. Другими словами, смысл — фактическое значение высказывания или текста, обусловленное конкретным контекстом и речевой ситуацией. Одно и то же высказывание в разной ситуации может иметь различные значения [16: 310].

Когда мы говорим о скрытом смысле, мы подразумеваем привнесение во внутреннюю форму слова новых значений. «Общение на уровне выводимого смысла всегда присутствует в нормальном человеческом взаимодействии, участники общения всегда что-то домысливают» [8: 122].

На страницах современной прессы мы можем наблюдать языковые игры, создатели которых используют всевозможные речевые средства для выражения как явных, так и скрытых смыслов. Несомненно, языковую игру можно назвать инструментом в манипулировании эмоциями читателей. Язык постоянно пополняется, поэтому в нем всегда имеются новые слова. Со временем они переходят в активный словарный запас. Как только новое слово начинает часто повторяться, становится привычным, оно стилистически уже ничем не выделяется на фоне остальной лексики и употребляется в речи без ограничений. Языковая игра является средством введения нового смысла в определенное понятие.

Для языковой игры характерны следующие основные функции: языкотворческая функция; функция снижения значимости объекта; функция развлечения себя и собеседника; маскировочная функция — это всё функции языковой игры. Последняя, маскировочная функция имеет прагматическую основу, поскольку касается отношений между участниками диалога [14: 26, 27].

Языковую игру еще можно определить и как некоторую неправильность или необычность, которую намеренно допускает говорящий. Грамотный человек, естественно, предъявляет требование к форме и содержанию текста. Нарушение норм написания слов, непривычное их употребление,

искажение смысла вызывает у читателя как интерес, так и раздражение, особенно когда следует приложить усилия для понимания. В языковой игре часто обыгрывается несоответствие между формой и содержанием: «низкое» содержание и «высокий», в частности «библейский», стиль или, наоборот, «высокое» содержание и разговорная или даже просторечная манера повествования.

«Наши аграрии боятся государства, они до сих пор считают, что если крупный рогатый скот, кур, свиней учтут, то придут раскулачивать», — вступился за крестьян президент (Независимая газета, 2009).

Вековая история учит: чиновника не проймешь ни этикой, ни совестью, ни любовью к Отечеству, ни Богом (Аргументы и факты, 2009).

Легких путей, однако, решено не искать, научная база будет создаваться с нуля, видимо, для того, чтобы она не контактировала с «закостенелыми формами» академической науки. В этом случае успех, который пророчат Виктору Вексельбергу, станет поистине выдающимся. Тьфутьфу-тьфу, чтоб не сглазить... (Итоги, 2010).

Рассмотрим наиболее часто встречающиеся приемы языкового обыгрывания, которые могут представлять трудность для иностранных студентов с точки зрения понимания заложенных в них скрытых смыслов.

1. Графическая игра.

Под графической игрой понимается шрифтовое выделение, варьирование шрифтов, символов, скобок, кавычек, которое направлено на реализацию воздействующей функции языка СМИ [7: 67]. В современных газетных и журнальных текстах мы можем наблюдать расцвет графических игр, основанных на привнесении в слово смыслов из выделяемого в его звуковой структуре значимого для культуры фрагмента. В результате подобного семантического переноса лексема приобретает дополнительный смысл. При этом из основного значения слова выделяется другое или дополнительное значение, имеющее новый смысл:

Из Брюсселя — НАТОщак (Аргументы и факты, 2008); приМАТы, национальный конфЛИКт, СМИренный, моНЕТизация, ФАРСировать, Обез-ЖИРенная ЛДПР (Аргументы и факты, 2009); Что ПАСЕешь... (Совету Европы и его Парламентской ассамблее пришло время задуматься о самореформировании) (Итоги, 2009).

2. Обыгрывание аббревиатуры.

Традиционно аббревиатуры выполняют номинативную функцию, но в настоящее время игра с аббревиатурами приобретает в языке газеты экспрессивную функцию. Они не только активно появляются, но и активно обыгрываются:

Заксобрания; БиДе — Белый Дом; ПИАР. Кое-где заксобрания называются Государственными Думами (Независимая газета, 2009). По окончании встречи Владимир Жириновский рассказал журналистам, что чувствовал себя на встрече с президентом, как на ЕГЭ (Независимая газета, 2009).

3. Словообразовательная игра.

В текстах средств массовой информации наиболее ярко отражаются процессы, которые происходят в русском языке, в том числе в его словообразовании. Более того, именно газета, резко изменившая свой облик и направленность, стимулирует эти процессы, расшатывая привычные рамки сложившейся системы. На этом огромном языковом материале активизируется словотворчество, с одной стороны реализующее потенциал языка, с другой — порождающее ситуативные окказионализмы [2: 133].

Авторы газетных текстов настроены на изобретательство, на поиск «невиданного» (В.Г. Костомаров) в словопроизводстве. Особенно щедрым оказалось современное словотворчество на базе собственных имен — создаются абстрактные имена, названия процессов и качеств, обозначения лиц. Как в разговорной речи, так и в газетных текстах нередки образования от имен собственных, чаще всего — от антропонимов (фамилий, личных имен). Имена политических и государственных деятелей становятся материалом для словопроизводства. Производные слова могут относиться к разным частям речи.

Создание новых слов может рассматриваться как основной способ обыгрывания словообразовательных возможностей языка, при этом «игровое слово смешит своей новизной, необычностью». Когда мы говорим nosmecca, мы воспроизводим многократно сказанное, когда говорим nosmecca — мы творим новое, другое дело, насколько это новое удачно и уместно. При этом, однако, полученная новая лексема всегда содержит «хотя бы смутный намек на свой прототип» [13: 151].

Газетные заголовки служат для привлечения внимания разборчивого читателя, который, конечно, остановит свое внимание на «забавной ненормальности» (по Санникову), построенной на минимальном изменении в слове, но в созвучии с другим: *Блог в помощь* (Чиновники и депутаты постигают новейшие технологии) (Аргументы и факты, 2010).

Словообразование тесно связано с другими уровнями языковой системы— фонологией, морфологией, синтаксисом и, конечно, лексикой, так как результатом словообразовательных процессов является появление новых слов. Можно выделить следующие способы словообразования, которые наиболее часто встречаются в газетных текстах:

 $\bullet$ агглютинативное (лат. agglutination — приклеивание) образование:

рука — ручка; Владивосток — владивостокский; $M\Gamma Y$ — эмгеушник; «Динамо» — динамовский — динамовец.

После чего президент продолжил общение с думцами в закрытом режиме (Независимая газета, 2009);

- приставочные образования и сложные слова (пост-, анти-, про-, после-, сверх-):
  - постсоветский, антирубрика, пророссийская оппозиция, суперавтомобиль;
- комбинации самых разнообразных словообразовательных элементов:

клиповед, телегруппа, пресс-кафе, Горбачевфонд, бильярд-клуб;

Он даже на полгода моложе недавно назначенного губернатором Кировской области экс-лидера СПС Никиты Белых (Комсомольская правда, 2009). Там же: экс-спикер;

Такой высокий барьер был актуален во времена, когда перед выборами создавалось большое количество партий-однодневок (Независимая газета, 2009);

- производство наименований лиц: рыночник, оборонщик, силовик;
- абстрактные имена и названия процессов: вживаемость, офисность, легализм, журнализм, фермеризация, презентация, долларизация;
- терминологические новообразования с греческими словами терапия, мания:

примакотерапия, горбомания, обамамания. Восьмимесячный курс «примакотерапии» помог Борису Ельцину снова обрести привычную решимость (Итоги, 1999);

Вчера Барак Обама отметил свой первый президентский «юбилей» — сто дней в Белом доме. Этот срок в Америке принято называть «медовым месяцем» президента. Для Барака он оказался просто-таки сахарным: «обамамания», охватившая страну, избавила его от всякой критики за бушующий экономический кризис (Комсомольская правда, 2009);

• специализация словообразовательных средств:

пиарчик, пиарщик, оформитель, пылевой, колпачковый, вероятностный, элитарный;

- свертывание наименований: наличка — наличные деньги, смирупониточный, закусерий — закусочная и кафетерий;
- словообразование на базе имен собственных: ельцинизм, зюгановцы; жириновцы, бушующий.

Как живется на Зюганщине? (Комсомольская правда, 1998); бушующий экономический кризис (Комсомольская правда, 2009);

Хотя и сами жириновцы не особенно активно беседовали друг с другом, затаившись в ожидании президента (Независимая газета, 2009);

• экспрессивные имена: бывшевики; мафиократия; спёрбанк; бабковщина; сталинщина; дедовщина, прессуха; слишком пенсионный возраст; самые, так сказать, советские времена; почти японского ума.

Если женщины в массовом порядке пойдут в армию, дедовщина там закончится. Но, зная наши Вооружённые силы, можно предположить, что тут же начнётся бабковщина (Аргументы и факты, 2009).

4. Игра слов.

Игра слов, или каламбур (франц. calembour), — намеренное соединение в одном контексте двух значений одного и того же слова или использование сходства в звучании разных слов в целях создания комического эффекта [12: 174]. Традиционно каламбур встречается в юмористическом или сатирическом контексте, но его часто используют и в информационных текстах в целях усиления эмоционального воздействия на читателя:

А между тем объявленная модернизация требует чётких, равных, основанных исключительно на законе — словом, европейских правил игры для всех. Без прочистки авгиевых конюшен и без чистки сапог никакой поездки в стиле модерн не получится (Аргументы и факты, 2010);

Есть в документе и другие засады. В том числе и в самом прямом смысле слова. Автоинспекторам теперь разрешается следить за порядком на дороге не только из служебных, но и из обычных машин без спецобозначений, а также прятаться в засадах (Итоги, 2009);

Не исключено, что на руку «разморозке» российско-европейских отношений сыграли и скорые заморозки — в прямом смысле этого слова. Президент Франции лихо обошел сопротивление Варшавы и Вильнюса, заявив, что никакой «заморозки» переговоров с Россией по базовому соглашению о партнерстве на экстренном саммите ЕС, состоявшемся 1 сентября, не было (Итоги, 2008).

5. Обыгрывание иноязычных слов.

В нашу жизнь постоянно входят новые явления, а с ними и новые иностранные слова. Подобные процессы пополнения лексики за счет заимствований происходят постоянно во всех современных языках. Л.П. Крысин пишет, что в сферу газетной информации, очерковой литературы и шире — вообще публицистики и журналистики — вовлекаются новые темы, связанные, в частности, с событиями в самых разных частях земного шара, в самых отдаленных странах и землях. Это влечет за собой неизбежное употребление слов, характеризующих эти страны с этнической, политической точек зрения [8: 163]:

В наше время стремительного обмена информацией технологий требуется быстрая реакция и понимание партнеров международного диалога. Лакуны в языке не успевают заполняться самобытными словами, и в русский язык стремительно

вовлекаются уже имеющиеся иностранные названия. Как известно, лакуны — это пробелы, «белые пятна» на семантической карте языка, текста или культуры, являющиеся способами существования национального сознания [9: 4].

Следует заметить, что слово бизнес с конца XX века часто употребляется в газетных и журнальных текстах как эвфемизм, заменяя собой мошенничество фирм, частных предприятий [14: 65]:

Примечательно, что те, кому повезло облапошить доверчивых Буратино, называют свою деятельность бизнесом, хотя ничего не производят и даже ничем не торгуют. Борьба с коррупцией, которая публично продолжает висеть «в топе» задач высшего руководства страны, перешла в самую опасную стадию — бюрократическую (Новая газета, 2009);

Михаил Прохоров не из их числа. Он вовремя «вышел в кэш», избавившись от обесценившихся вследствие кризиса активов, однако бизнеса не оставил (Итоги, 2008).

Следует добавить, что словари иностранных слов не успевают фиксировать новые заимствования, поэтому читатель, не владеющий английским языком, может оказаться в затруднительном положении, встречая незнакомые иноязычные термины в газетах и журналах.

6. Обыгрывание агрессивной и грубо-просторечной лексики.

Противоположный по характеру способ создания комического эффекта — употребление грубых и просторечных слов и выражений:

Зловещая тропа оппозиции; Сократят нещадно (Аргументы и факты, 2009). Они народились десятками (от Русской партии до Партии любителей пива) и в основном заслужили у народа репутацию сборища болтунов, чудаков и карьеристов (Аргументы и факты, 2008);

Думу зачистили от независимых депутатоводномандатников (Аргументы и факты, 2008).

7. Обыгрывание новых терминов.

Каждый значимый период истории характеризуется появлением терминов: тандемократия, перезагрузка, модернизация.

Термины — это своего рода фреймы, «особые когнитивные структуры, требующие соответствующего поведения, продиктованного конкретными знаниями». Многие знакомые нам термины из общественно-политической и социальной жизни по-своему «документируют» различные периоды существования России, давая свою, нередко метафорическую, интерпретацию соответствующим понятиям. Общественно-политическую терминологию необходимо рассматривать как особый язык информационного воздействия, который располагает специфическими средствами и символами для создания конкретной картины мира в массовом сознании [3: 260]:

Главный итог первого года президентства Дмитрия Медведева состоит в том, что за это время созданная в начале 2008 года Владимиром Путиным модель тандемократии была окончательно отлажена и, выражаясь производственным языком, вышла на проектную мощность. Её стабильную работу не смогли нарушить ни война в Грузии, ни глобальный экономический кризис — хотя каждое из этих событий вполне могло привести к краху принципиально новой для России властной системы, предполагающей наличие у страны сразу двух начальников (Власть, 2009).

Тандемократия — новый термин политической лексики. В самом тексте статьи дается ему разъяснение. Данный термин имеет лексические разновидности даже в рамках одного текста «Товарищ младший президент» (Власть, 2009): тандемократия, модель тандемократии, система тандемократии, властный тандем, правящий тандем, двухзвёздная система, оба лидера.

8. Обыгрывание фразеологизмов.

Фразеологизмы — это чаще всего образные выражения, и их надо понимать в переносном смысле. Многие фразеологизмы обязаны своей образностью заключённым в них тропам [13: 297]:

Замена губернатора Амурской области Н. Колесова на О. Кожемяко, имеющего опыт руководства Корякией, — первая ласточка грядущих перемен;

Но складывается впечатление, что планы эти отложены в долгий ящик, и вообще замаячил вариант компромисса с Россией по двум этим острым проблемам (Комсомольская правда, 2009).

Что и говорить, Москва разрослась настолько, что уже трещит по швам (Итоги, 2009).

9. Игра эвфемизмов.

К эвфемизмам — смягчающим словам и сочетаниям слов — говорящий прибегает всякий раз, когда предполагает, что тема разговора может обидеть, причинить боль или смутить собеседника [14: 3].

Л.П. Крысин отмечает, что в современной русской речи тенденция к эвфемизации речи уживается с противоположной тенденцией — тенденцией к огрублению речи [8: 384].

Эвфемизм — слово или словосочетание, употребляемое вместо наименований прямых и более точных, но признаваемых неприличными или грубыми. Обыгрывание этого приема заключается в его гиперболизации (когда замена производится там, где в ней нет необходимости).

В. Жириновский, лидер ЛДПР: «Это (мат. — Ped.) народный язык, он выработался в условиях крепостной России, это форма протеста, наш нормальный язык, надо его легализовать» (Аргументы и факты, 2009).

10. Игра метафор.

Как известно, метафора (греч. metaphora — перенос) — употребление слова или выражения в переносном смысле для большей образности, т.е. перенесение на данный предмет характерных признаков другого предмета. Для российского политического опыта осмысление политической деятельности как игры, представления, спектакля, шоу типично. Наличие вполне определенной зрительской аудитории — важнейшая общая черта театра и политического шоу. По отношению к политической жизни в целом все эти сравнения звучат чисто метафорически [4: 94]:

Лето кончилось. Начинается новый сезон. В том числе и политический.

Закономерно встает вопрос: какие в рамках властной драмы (или комедии...) будут по осени разыгрываться сюжеты? Известен ответ разве что черноглазым гадалкам да прозорливым аналитикам. Но герои постановок уже определились — выборы прошли. Поэтому, заглянув в медийную программку, хочется в последний раз пройтись по списку заявленных актеров. Их мир тесен, круг узок, масштаб велик (Крестьянка, 2008).

11. Игровая метонимия.

Как известно, метонимия (от греч. metonymia) троп или механизм речи, состоящий в регулярном или окказиональном переносе имени с одного класса объектов или единичного объекта на другой класс или отдельный предмет, ассоциируемый с данным по смежности, сопредельности, вовлеченности в одну ситуацию. Метонимия создает семантические модели многозначных слов и словообразовательных типов, часто совмещающие принципиально разные типы значения: признаковые, событийные и предметные, абстрактные и конкретные. Употребление метонимии приводит к эллиптическому сокращению текста. В результате использования метонимии происходит перенос наименования с одного объекта на другой, ассоциируемый с данным. В лингвистическом отношении метонимия интересна как необычный вид сравнения и как необычный вид сочетаемости языковых единиц [13:128]:

Достаточно вспомнить опыт четырехлетней давности, когда реформированный в марте кабинет «пришел в себя» лишь к концу года (Итоги, 2008).

12. Обыгрывание сравнений.

Для газетно-публицистического стиля характерно использование таких форм сравнения, которые выполняют роль оценки, побуждения, скрытого манипулирования [10:187]:

Подводя итоги совещания, президент негодовал: «Очень плохо, когда все решения, в том числе по оперативным вопросам, замыкаются на президента страны, что значит, что у нас нет системы управления». Видимо, Медведев понял, что имел в виду Путин, когда говорил о том, что на посту президента трудился, «как раб на галерах» (Московский комсомолец, 2008);

Внутри страны проблемы тоже копятся как снежный ком (Мир новостей, 2009).

13. Обыгрывание прецедентности.

Прецедентные тексты имеют познавательное значение. Они представляют собой готовые интеллектуальные образцы и часто обыгрываются автором в целях переключения из «фактологического» контекста мысли в «ментальный».

Следом «полетела голова» псковского губернатора Михаила Кузнецова (у него полномочия заканчивались в декабре этого года) (Комсомольская правда, 2009). Полетела голова — в данном случае речь идет об отсылке к прецедентному тексту. Можно вспомнить русскую народную сказку «Царевна-змея»: «Меч-саморуб! Сослужи-ка службу: поруби войско вражее. Полетели головы... И часу не прошло, как вражьей силы не стало. Король выехал казаку навстречу, обнял его, поцеловал и тут же решил выдать за него замуж прекрасную королевну».

Некоторые рассмотренные игровые приемы отображены в таблице.

Таким образом, язык СМИ, являясь зеркальным отражением происходящих событий в обществе, приобрел новые качества: свободу в изложении материала, вседозволенность средств выражения, ак-

Игровые приемы языка СМИ

Игровые приемы	Слово, словосочетание – словарное значение	Употребление в контексте	Скрытый смысл
Обыгрывание аббревиатуры	ЕГЭ – единый государственный экзамен	По окончании встречи Владимир Жириновский рассказал журналистам, что чувствовал себя на встрече с президентом, как на ЕГЭ (Независимая газета, 2009)	Автор публикации обыгрывает аббревиатуру, популярную в наши дни, подразумевая «чувство страха, волнения, неуверенности» во время встречи
Словообразо- вательная игра	Обамамания: Барак Обама – президент США; мания – от греч. mania – безу- мие, страсть, влечение [8: 422]	Для Барака он оказался простотаки сахарным: «обамамания», охватившая страну, избавила его от всякой критики за бушующий экономический кризис (Комсомольская правда, 2009)	Слово появилось в предвы- борную кампанию и подра- зумевает страстную любовь выборщиков к новому амери- канскому президенту

Окончание таблицы

	T	ı	,
Игровые приёмы	Слово, словосочетание. – словарное значение	Употребление в контексте	Скрытый смысл
Обыгрывание иноязычных слов	В топе – от нидерл., англ. top – верх, верхушка, лучший, самый важный [8: 711]	Борьба с коррупцией, которая публично продолжает висеть «в топе» задач высшего руководства страны, перешла в самую опасную стадию – бюрократическую (Новая газета, 2009)	Иноязычное слово в русском тексте приобретает комический эффект, во-первых, за счет употребления его с русским предлогом и окончанием, вовторых, как более престижное (по Крысину), чем исконное
Обыгрывание эвфемизмов	Глобальный – охватывающий весь земной шар, весь мир, всеобщий [15: 143]. Вызовы – эвфемизм: опасности, трагедии	Пожалуй, впервые Вашингтон признал, что США необходимо считаться с интересами других стран и вместе с ними бороться с глобальными вызовами. (Комсомольская правда, 2009). Глобальные вызовы – вместо, например, кризис, терроризм	Автор использует эвфемизмы, скрывая под ним слово, обозначающее реальную угрозу человечеству, терроризм
Обыгрывание метафор	Коммунальная квартира – «коммуналка» – в России и бывшем СССР квартира, в которой живет несколько семей или отдельных людей, которые пользуются «местами общего пользования», к которым относятся ванная, туалет, кухня, коридор и прихожая	Мир – это большая коммунальная квартира, и пожар в одной из комнат в той или иной мере затронет всех жильцов. Поэтому, нравится нам сосед или нет, все будут следить, чтобы ничего катастрофического не произошло. По крайней мере, до тех пор, пока мы в этой квартире живем (Известия, 2009)	Обыгрываемая метафора может быть понята инофонами при условии ознакомления с социально-культурным фоном происхождения первоначальной номинации. Автор хочет подчеркнуть взаимозависимость людей, живущих на Земле

тивное участие в языковых играх. Языковая игра на страницах печатных СМИ выступает как способ создания скрытых смыслов. Разнообразные приемы языкового обыгрывания могут представлять собой трудные случаи для понимания заложенных в них скрытых смыслов. Наиболее трудные и типичные случаи языковой игры целесообразно обособить для включения их в учебный материал в целях обучения распознавания и понимания заложенных в них скрытых смыслов.

Литература

- 1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
- 2. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: Учебное пособие для студентов вузов. М., 2003.
- 3. Володина М.Н. Язык СМЙ основное средство воздействия на массовое сознание/ Роль общественно-политической терминологии // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. М., 2003.
- Григорьева О.Н. Цвет и запах власти. Лексика чувственного восприятия в публицистическом и художественном текстах. М., 2004.
- 5. Ильясова С.В. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. М., 2009.
- 6. Карасик В.И. Язык социального статуса. М., 1992.
- 7. Костомаров В.Г. Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики. М., 2005.
- 8. Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке. М., 1968.
- 9. Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А. Культура и текст. Введение в лакунологию. М., 2008.
- 10. Метс Н.А. Трудные аспекты русской грамматики для иностранцев. М., 2005.
- 11. Рябцева Н.К. Язык и естественный интеллект. М., 2005.
- 12. Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. М., 1998.
- 13. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М., 2002.
- 14. Сеничкина Е.П. Словарь эвфемизмов русского языка. М., 2008.
- 15. Солганик Г.Я. Толковый словарь. Язык газеты, радио, телевидения. М., 2008.
- 16. Щукин А.Н. Лингводидактический энциклопедический словарь. М., 2008.

M.G. Dobrovol'skaya

UNDERSTANDING IMPLICIT MEANINGS

 $Understanding,\ meaning,\ text,\ mass-media,\ language\ play.$

The article covers the matter of understanding of the implicit meanings in the printed mass-media texts. The new meaning can be introduced through the language play. The teaching goal is to form skills to understand the meaning of the authentic material.

О.В. Евтушенко

ovae@list.ru

канд. филол. наук, профессор Московского государственного лингвистического университета

Москва, Россия

Мышление и сознание как основные термины теории познания

Мышление, сознание, формы познания, терминологическое значение, узуальное значение, нейтрализация.

В статье рассматривается история употребления терминов *мышление* и *сознание* в российской философии, психологии и лингвистике XX в. Делается вывод о том, что на протяжении столетия объем и содержание понятия «мышление» менялись и это влияет на современное понимание ставшей уже классической научной литературы. С учетом особенностей эволюции сознания и терминологического значения анализируемых слов оказывается затруднительным единообразно поименовать формы познания — мифологическое, религиозное, обыденное, философское, научное и художественное. Вследствие этого наблюдается терминологический разнобой в научной литературе в целом или неразличение слов *мышление* и *сознание* в текстах одного автора. В статье обосновывается предпочтительность употребления термина *мышление* для обозначения способов отражения действительности.

азовыми терминами теории познания являются мышление и сознание. На первый взгляд они кажутся понятными, и проведение границы между ними как будто не вызывает затруднений. Сложно не согласиться с тем, что сознание — это «феномен», «высшая форма отражения действительности», а мышление - это «процесс сознательного отражения действительности» [9: 22]. Тем не менее, как только речь заходит о формах познания, обнаруживается большая зона их пересечения. Так, например, Г.В. Колшанский пишет: «Понятийное сознание, или понятийное мышление, преобразует объективный мир в мир идеальных сущностей, что знаменует собою новый уровень познания природы» [7: 9]. Как справедливо замечает Л.О. Чернейко, «содержание знака в целом (его семантика и прагматика) и термина в частности обнаруживается не в лексикографических толкованиях, а в его функционировании (в речи, в контекстах)» [23: 278]. Это согласуется с мыслью Л. Вайсгербера о том, что «понятия развиваются вокруг обозначений и с ними» [1: 65]. Мы сравним дефиниции и контексты употребления указанных терминов и попытаемся обосновать состав терминов, обозначающих формы познания.

История становления термина сознание изложена в [5]. Э. Кассирер отмечает, что Декарт хоть и поставил перед философией задачу определения границ человеческого духа, но пользовался термином мышление (cogitatio) и не вышел за рамки понимания его как чистого мышления, т.е. совокупности логических процедур. Термин ∂yx в близком понимании к современному сознанию и в тесной связи с изучением языка начал употреб-

лять В. Гумбольдт [3]. $\mathcal{J}yx$ у В. Гумбольдта — это не только этноспецифическое сознание, но и динамическая структура, претерпевающая постоянные изменения то в лучшую, то в худшую сторону. $\mathcal{J}yx$ имел «чувственную окраску» [3: 32] — удовольствие от ощущения единства со своим народом, от эстетической составляющей внутренней формы отдельных слов национального языка.

Наличие «чувственной окраски» и стало в конце XIX - начале XX в. основанием для разграничения мышления и сознания. Опираясь на авторитет Декарта, ученые повторяли как общее место, что мысль чужда какой-либо чувственной окраски. Однако этот постулат разбивался об особенности мифологического и религиозного сознания. Д.Н. Овсянико-Куликовский был вынужден признать, что «религиозное сознание <...> не только чувство, но и мысль» [13: 32]. В результате выбор терминов сознание и мышление при назывании способа отражения действительности стал семантически нагруженным: религиозные философы и мистики для формы философского познания стали употреблять термин сознание, имея в виду сопряженность творческой мысли с религиозными переживаниями и целостность получаемой картины мира в противоположность дробящему мир бесстрастному мышлению, тогда как ученые-материалисты последовательно использовали термин мышление для всех форм отражения, кроме (иногда) религиозного. Ср.: Философское сознание - т.е. сознание, направленное на постижение или уловление бытия в его целостной полноте, – вынуждено все же отыскивать на каких-либо обходных путях нити, связующие эту область с конкретным всеединством, с реальнос-

тью как таковой (Франк «Непостижимое) [12]; Что касается <...> до большинства так называемых образованных или просвещенных людей, отделившихся вследствие большого формального развития умственной деятельности от непосредственного народного мировоззрения, но не достигших цельного философского сознания, то им приходится ограничиваться тем отвлеченным механическим мышлением, которое разбивает или разлагает (анализирует) непосредственную действительность - и в этом его значение и заслуга, – но не в состоянии дать ей нового высшего единства и связи – и в этом его ограниченность (Соловьев «Чтения о Богочеловечестве») [12] и Такое пассивное состояние в смысле вековых ведущих больших идей философского мышления и религиозного сознания реальности, понимания жизни в частности, при взрыве научного творчества <...> получают в этом аспекте новое значение и освещение (Вернадский «Научная мысль как планетное явление») [12]; Сущность такой инверсии сводится к тому, что мифологическое и художественное мышление локализует в прошлом такие категории, как цель, идеал, справедливость, совершенство, гармоническое состояние человека и общества и т. п. (Бахтин «Формы времени и хронотопа в романе») [12]. Хотя еще в первое десятилетие ХХ в. немецкие и французские психологи экспериментально доказали, что даже абстрактное мышление эмоционально окрашено (примером может служить удовольствие от решения сложной задачи, см. об этом [11]), следы данного разграничения можно видеть даже во второй половине XX в. в работах советских психологов. Так, например, С.Л. Рубинштейн характеризует работы А.А. Потебни как внесшие вклад в выделение «качественно различных ступеней в развитии сознания», но называет эти ступени по-разному: «ступень мифологического сознания» и «ступень, когда развиваются одновременно формы научного и поэтического мышления» [17: 172].

Наибольшая зона неразличения терминов сознание и мышление обнаруживается именно там, где речь заходит об их связи с языком. Согласно «теории слоев сознания», разрабатывавшейся в 20-е гг. XX в. в Кёльнском институте психологии, наглядные отражения реальных объектов накапливаются в низшем слое сознания, где восприятия схематизируются, после чего поступают во второй слой; там схематические образования соединяются в категорию; в третьем слое категория укрупняется, превращаясь в абстрактное понятие; понятие соединяется с языковой формой, без которой не может существовать (см. об этом [1]). Иными словами, обобщение является функцией сознания. Однако в советской лингвистической традиции эта функция была закреплена за мышлением, что давало о себе знать до 90-х гг.

ХХ в., см: ...Языковой знак предстает поэтому как отчужденная форма, выработанная познанием человека для тех материальных предметов и явлений, которые существуют вне человека, но «присвоены» его мышлением [7: 109]. Понятия и концепты существуют в сознании не изолированно, а образуют различные комбинации, эксплицируемые языком, что получило название языковой картины мира. Однако по той же традиции она характеризовалась на начальном этапе как укорененная в мышлении, а не в сознании, см.: ...Языковое представление мира можно рассматривать как языковое мышление [16: 111].

Преодоление этой традиции можно наблюдать в начале 90-х гг. XX в. В это время начался, как пишет Е.С. Кубрякова, перенос центра тяжести с изучения мышления на изучение сознания [10: 9]. Образы, «овнешняемые языковыми знаками» [19: 10], получили название языковое сознание. Под образами сознания стала пониматься «совокупность перцептивных и концептуальных знаний личности об объекте реального мира» [19: 10], т.е. сплав результатов чувственного восприятия и «мыслительной деятельности» [19: 7].

Последствия этого сдвига красноречиво показывает статистика: по запросу в Google мы получили 521 000 употреблений сочетания художественное сознание и только 194 000 - художественное мышление, 415 000 - философское сознание при 320 000 - философское мышление, 2 190 000 – научное сознание при 1 430 000 – научное мышление, обратные показатели отмечены только для обыденного сознания - 118 000 при 180 000 - обыденное мышление. Более взвешенные данные дает Национальный корпус русского языка, и они складываются совсем в другую картину: $26 - x y \partial 0 жественное сознание, 48 - x y \partial 0$ жественное мышление, 34 – философское сознание, 56 — философское мышление, 30 — научное сознание, 101 - научное мышление, 61 - обыденное сознание, 4 — обыденное мышление, 23 языковое сознание, 9 – языковое мышление [12]. На основании этих данных можно заключить, что творческие, т.е. связанные с получением нового знания, способы отражения чаще называют мышлением, тогда как непосредственное отражение, предполагающее минимальную обработку, чаще называют сознанием.

Такое распределение небезосновательно: мышление и сознание действительно характеризуются как целенаправленное и нецеленаправленное. «... Мыслительный процесс является активным, целеустремленным волевым актом», — пишет С.Л. Рубинштейн [17: 370]. Данное различие достаточно последовательно проводится в речи: мышление часто выступает в роли субъекта и сочетается с глаголами активного действия, оно переходит, выявляет, обобщает, тогда как сознание тяготе-

ет к позиции локализатора или выступает в роли субъекта в пассивных конструкциях, см.: входит в сознание, оценивается в сознании, сознание занято чем-то, отношения осваиваются сознанием. Ср.: Мышление – высшая форма активного отражения объективной реальности... [20: 382], Мышление соотносит данные ощущений и восприятий - сопоставляет, сравнивает, различает, раскрывает отношения [17: 360] и Сама по себе познавательная деятельность человека есть лишь особая разновидность, способ взаимодействия организмов <...> приводящий к образованию в сознании особой (человеческой) формы абстрактного мышления [7: 14]. Но даже этот надежный признак не работает, если мы вырываем цитату из классических трудов по психологии без учета особенностей становления термина мышление. Так, в «Основах общей психологии» С.Л. Рубинштейн отмечал, что внезапные ассоциации могут вторгаться в мыслительные действия, отклоняя их от первоначального направления. Процесс ассоциирования никак нельзя отнести к целенаправленным, однако в начале XX в. целое направление в психологии сводило мышление именно к «ассоциированию чувственных представлений» [14: 16], так что С.Л. Рубинштейну даже пришлось выступить против такого подхода, но термин мышление он при этом сохранил: ...Закономерности протекания мыслительного процесса не сводимы к ассоциативным связям и законам, определяющим протекание ассоциа*тивных процессов* [17: 365].

К сказанному следует добавить, что признак «целенаправленность» не тождествен признаку «контролируемость». Так, например, к неконтролируемым проявлениям мышления относится инсайт, возникающий в процессе целенаправленного действия — решения задачи. Не относится к различительным и признак «осознаваемость», поскольку, с одной стороны, среди слоев сознания есть не только неосознаваемые или неполностью осознаваемые, но и вполне поддающиеся рефлексии, а с другой стороны, существует плохо поддающийся словесному описанию инсайт.

Последовательному разграничению мышления и сознания мешает логическая смежность этих понятий и активный характер обеих сущностей. «Деятельность сознания выражается в процессах мышления», — писал С.Д. Кацнельсон [6: 112]. С большей конкретностью высказывался А.А. Потебня: «...Сознание обнимает ряд мыслей как нечто одновременное» или «переходит от одной мысли к другой» [15: 114]. Необходимость прибегать в сфере абстрактных понятий к персонификации (см. об этом [22]) может приводить к автоматическому переносу на сознание свойств целеполагающей сущности: Сознание — сложное системное образование, имеющее различные уров-

ни... Под активностью сознания имеется в виду его избирательность и целенаправленность, которая выражается в генерировании новых идей, в актах продуктивного воображения, в управлении практической деятельностью [20: 597–598]. Смысл «целенаправленность» может навязываться языком как результат метафорического использования глаголов со значением контролируемого действия или их производных: Как целостная организация всех знаний личности, сознание является... сложным «хозяйством», предполагающим не только хранение знаний, но и многогранную деятельность по добыванию новых и использованию добытых знаний [6: 112].

Возвращаясь к формам познания, мы должны констатировать, что, если оставаться последовательными в разграничении терминов мышление и сознание на основе признака «целенаправленность», типологию способов отражения построить сложно, поскольку им нельзя присвоить общего имени: творческие формы отражения действительности следовало бы называть мышлением, а непосредственные (обыденное, или языковое) сознанием. Ситуация осложняется еще и тем, что с конца 80-х гг. XX в. сначала в философии, а затем в лингвистике в составе сложных терминов, указывающих на способ отражения действительности, параллельно с компонентами мышление и сознание начинает активно употребляться компонент познание, см.: Теория познания может быть не только теорией научного познания, но и вообще теорией всякого познания, в том числе нашего обыденного познания, а также иметь какое-то значение, скажем, для анализа художественных явлений, так называемого художественного мышления и пр. [12]; В научном познании важны все более точные измерения количества... Практическое, донаучное сознание пользуется не столько точными цифровыми данными, сколько... их оценочными аналогами [18: 108]. Не лучше обстоит дело и с обозначением одних и тех же форм познания. В той же работе Н.К. Рябцевой термин практическое сознание свободно варьируется с термином обыденное сознание. Н.Л. Чулкина [24] использует термин обыденное языковое сознание, а О.А. Корнилов [8] настаивает на противопоставлении научного и языкового сознания без добавления модификаторов наивное, обыденное или повседневное. Подобное деление на научное сознание и язык восходит к работе Э. Кассирера [5], однако оно не учитывает, во-первых, «культурную память» слова, его способность сохранять следы мифологического сознания, отличного от современного обыденного сознания, а во-вторых, тот факт, что термин языковое сознание должен покрывать также художественное и философское познание, для которых язык является не только орудием, но и объектом (см. [2: 117]).

Проанализированные контексты употребления терминов сознание и мышление показывают, что для их различения имеется наряду с «целенаправленностью» и другое основание - «определенность» / «неопределенность границ денотата». Как пишет Е.С. Кубрякова, «сознание считается такой составляющей инфраструктуры мозга, в которой сосредоточен весь ментальный опыт, усвоенный человеком» [10: 9]. Здесь квантор весь указывает на весьма неопределенный экстенсионал. Напротив, мыслительный акт представляется как дискретная сущность с заданными границами от постановки задачи до ее решения. Неслучайно мышление принято делить на акты, тогда как в отношении сознания применяется слово активность.

К указанному различию добавляется дифференциация по признаку «формализуемость» «...Течение «неформализуемость содержания». мыслительного процесса регулируется более или менее адекватно отраженными в сознании связями своего предметного содержания», - пишет С.Л. Рубинштейн [17: 365]. Благодаря этому мышление можно описать с помощью символических форм (например, логических формул). Напротив, сознание с трудом поддается формализации, отсюда наложение разных образно-схематических моделей при его описании: концептосфера, концептуальные поля, ассоциативно-вербальная сеть, концептуальные и ситуационные сетки, матрицы. Этот список можно продлить за счет более мелких форм представления знаний: концептов, гештальтов, фреймов, схем, сценариев (скриптов), моделей, - и этим он не ограничивается.

Однако о шаткости принятого противопоставления заставляет задуматься работа У. Чейфа «Память и вербализация прошлого опыта» [21]. Ученый показал, что расчленение сцены на эпизоды в процессе «опредмечивания» знания языком различается у разных индивидов, чего не наблюдалось бы, если бы существовала универсальная глубинная грамматика, соотносимая с логической структурой мысли. У. Чейф сделал вывод о том, что «знание вообще не обязательно должно иметь

формат суждений», что «большая часть нашего знания находится в еще не выкристаллизовавшемся состоянии» и что «речь - это творческий процесс, посредством которого лежащее в ее основе знание, в значительной степени аналогическое по своей природе, выкристаллизовывается в пропозициональные и языковые структуры» [21: 72]. Из этого следуют два возможных вывода: либо процедуры типизации (синтез) и расчленения сцены (анализ) в процессе вербализации личного опыта нужно вывести из разряда мыслительных актов и считать, что в повседневной практике человек имеет дело больше с сознанием, чем с мышлением, либо, как это сделал Н.И. Жинкин [4], получивший в ходе экспериментов сходные результаты, признать возможность неструктурированного мышления. К такому же заключению подталкивают выводы Л. Заде [25] о том, что повседневное мышление базируется на нечетких связях, нечеткой истинности и нечетких правилах вывода, что говорит о том, как далеко оно от прототипа.

В этой ситуации приходится отстраниться от содержания терминов сознание и мышление и опереться на традицию именования форм познания, сложившуюся в пользу мышления. Так, в частности, С.Л. Рубинштейн выделяет теоретическое, практическое и художественное мышление, имея в виду разные способы «познания объективной реальности» [17: 389–393]. Н.И. Жинкин пишет о художественном мышлении как о таком «языке», «при помощи которого можно управлять появлением у воспринимающего партнера определенных представлений и чувствований» [4: 162]. С мышлением связывает «процесс познавательной деятельности» и С.Д. Кацнельсон [6: 114].

Наблюдение над особенностями бытования терминов сознание и мышление заставляет еще раз убедиться в том, что «картина мира, заключенная во всей семантической системе языка, есть продукт познавательной деятельности человека, что неизбежно заставляет рассматривать семантику языка как в синхронном, так и в диахронном плане, только во взаимосвязи всех познавательных актов» [7: 59].

Литература

- 1. Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа / Пер. с нем. 3-е изд. М., 2009.
- 2. Гадамер Г.Г. Философия и поэзия // Гадамер Г.Г. Актуальность прекрасного. М., 1991.
- 3. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М., 1985.
- 4. Жинкин Н.И. Язык речь творчество: исследования по семиотике, психолингвистике, поэтике: Избр. тр. М., 1998.
- 5. Кассирер Э. Философия символических форм: В 3 т. Т. 1. Язык. М.; СПб., 2001.
- 6. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. 4-е изд. М., 2009.
- 7. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. 3-е изд. М., 2006.
- 8. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М., 2003.
- 9. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003.
- 10. Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки // Известия АН. Сер.: Лит-ра и яз. 2004. Т. 63. № 3.
- 11. Майер Г. Психология эмоционального мышления // Психология мышления / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.А. Спиридонова, М.В. Фаликман, В.В. Петухова. 2-е изд. М., 2008.
- 12. Национальный корпус русского языка [электронный ресурс] // http:ruscorpora.ru.

- 13. Овсянико-Куликовский Д.Н. Собр. соч. Т. 6. Психология мысли и чувства. Художественное творчество. СПб., 1909.
- 14. Петухов В.В. Функциональные подходы к изучению мышления // Психология мышления / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.А. Спиридонова, М.В. Фаликман, В.В. Петухова. 2-е изд. М., 2008.
- 15. Потебня А.А. Мысль и язык. М., 2007.
- 16. Почепцов О.Г. Языковая ментальность: способ представления мира // Вопросы языкознания. 1990. № 6.
- 17. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии: В 2 т. Т. 1. М., 1989.
- 18. Рябцева Н.К. Размер и количество в языковой картине мира // Логический анализ языка. Языки пространств / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. М., 2000.
- 19. Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996.
- 20. Философский энциклопедический словарь. 2-е изд. М., 1989.
- 21. Чейф У. Память и вербализация прошлого опыта // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XII. Прикладная лингвистика. М., 1983.
- 22. Чернейко Л.О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. М., 1997.
- 23. Чернейко Л.О. Концепт и дискурс: pro et contra // Русский язык: исторические судьбы и современность. IV Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ, 20–23 марта 2010 г.). М., 2010.
- 24. Чулкина Н.Л. Мир повседневности в языковом сознании русских: Лингвокультурологическое описание. 2-е изд. М., 2007.
- 25. Zadeh L. A computational approach to fuzzy quantifiers in natural languages. Berkeley, 1982.

O.V. Evtushenko

THINKING AND CONSCIOUSNESS AS THE BASIC TERMS OF THE THEORY OF COGNITION

Thinking, consciousness, cognition forms, terminological meaning, usual meaning, neutralization.

The paper tries to present a background of the usage of the terms *thinking* and *consciousness* in Russian philosophy, psychology and linguistics in the XXth century. The author makes conclusion that the meaning and the usage of the concept thinking varied during the last century. And now the change has an influence on the understanding of traditional scientific literature. But it's very inconvenient to unify the different forms of cognition — mythological, religious, ordinary, philosophical, scientific and art — into the common term in view of the character of the evolution of the consciousness and terminological meanings of the analysing words. Therefore there is observed a mix of the terms *thinking* and *consciousness* in the scientific literature or their neutralization in the texts of the only one author. The author proves that the usage of the term *thinking* for a designation of cognition forms is more preferable.

Л.В. Заболотских

m.zabolotskikh@mail.ru аспирант факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М.В. Ломоносова Москва, Россия

Ключевые концепты австрийской культуры

Австрийский, горы, компромисс, концепт, музыкальность, национальная концептосфера, нейтралитет.

Статья посвящена выявлению и анализу типичных австрийских национальных концептов, их функционированию и роли в развитии национального самосознания австрийского народа.

Опираясь на универсальное определение концепта, данное Ю.Е. Прохоровым, автор отмечает особенности парадигмы лингвокультурной концептологии, подчеркивая, что с этой точки зрения языковые единицы являются не только отражением картины мира социума, но и специфическим отношением его к этой картине мира или ее элементам. На этом положении базируется в статье рассмотрение таких ключевых концептов австрийского самосознания, как горы, компромисс, австрийский, музыкальность.

В статье предпринимается попытка связать в единое целое географическое пространство, на котором живет и творит свою культуру народ, его историю и отношение к себе и внешнему миру, как факторы, предопределяющие специфику его национальной концептосферы. При этом подчеркивается, что особенностью австрийской концептосферы является невозможность в многонациональной Австрии провести четкие границы между национальным и географическим факторами.

Термин «концепт» в лингвистике и старый, и новый одновременно. Еще в 1928 г. С.А. Аскольдов-Алексеев опубликовал статью «Концепт и слово», но до середины прошлого века «концепт» не воспринимался как термин в научной литературе, а сама проблема не изучалась. Лишь в 1980-е гг. в связи с переводами англоязычных авторов возникает понятие концепта.

Этимологически слово «концепт» восходит к concipere (conceptum) — «познавать, воспринимать, постигать, зачинать». Являясь калькой латинского conceptus, оно буквально означает «понятие, зачатие». Но следует отметить, что концепты — это не любые понятия, а лишь наиболее сложные, важные из них, без которых трудно себе представить данную культуру.

В настоящее время концептуальный анализ, не ограничиваясь сферой когнитивной лингвистики, сложился в особую форму научных изысканий, ориентированных на описание ключевых концептов ментального мира социума, причем подчеркивается, что концепты существуют в ментальном мире не в виде четких понятий, а как некий пучок представлений, переживаний, который сопровождает слово; концепты не только мыслятся, они переживаются [11: 43]. Концепт окружен эмоциональным, экспрессивным, оценочным ореолом, это — предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений различных мнений.

В монографии Ю.Е. Прохорова «В поисках концепта» делается попытка дать универсальное

определение понятия «концепт»: «Концепт — сложившаяся совокупность правил и оценок организации элементов хаоса картины бытия, детерминированная особенностями деятельности представителей данного лингвокультурного сообщества, закрепленная в их национальной картине мира и транслируемая средствами языка в их общении» [10: 159]. Такая широкая дефиниция явилась закономерным результатом анализа широкого использования данного естественнонаучного термина в сфере гуманитарных наук.

Отмечается, что концепты — это не любые понятия, а лишь наиболее сложные, важные из них, без которых трудно себе представить данную культуру.

По мнению Д.С. Лихачева, концепты возникают в сознании человека не только на основе словарных значений слов, но и на основе личного и народного культурно-исторического опыта, и чем богаче этот опыт, тем шире границы концепта [7].

Совокупность концептов образует концептосферу нации. Изучение национальной концептосферы является исследованием идеального аспекта системы «культура».

С точки зрения современной парадигмы лингвокультурной концептологии языковые единицы являются не только отражением картины мира социума, но и специфическим отношением к этой картине мира или ее элементам.

С изменением исторических, географических, социальных и других условий меняется

значимость тех или иных концептов, и это находит свое отражение в языке, в частности в популярности тех или иных слов, идиом, пословиц и афоризмов.

Концепт всегда нуждается в интерпретации, потому что в нем соединены понятия и представления, стандартизованность и уникальность. Национальные концепты, как и национальные концептосферы, не могут быть точно определены, но могут быть описаны. Описания эти допускают некоторую долю субъективизма, заложенного в самой природе концепта.

Целью нашего исследования является анализ функционирования и изучение роли таких концептов в австрийском самосознании, как горы, компромисс, австрийский, музыкальность. Эмпирической базой исследования послужили материалы современных австрийских газет (сплошной выборкой около 1000 страниц газетных текстов) и художественные тексты австрийских авторов.

Следует отметить, что *горы* являются одним из ключевых концептов в австрийской национальной концептосфере.

Природа, понимаемая как географическое пространство, на котором живет и творит свою культуру народ, может быть названа первым фактором, предопределяющим существование национальной концептосферы. И хотя, по выражению русского философа «всеединый субъект» наций «эмпирически никогда не существовал», он — «самая настоящая реальность» [6: 163].

Пытаясь даже в самых общих чертах определить национальную концептосферу, приходится обращаться к разным, нередко противоречивым факторам. О влиянии природного фактора на «дух народа» писали уже немецкие и французские философы XVIII века. У Ш.Л. де Монтескье (1689–1755) и у И.Г. Гердера (1744–1803) устанавливается идея связи, подхваченная в начале XIX в. романтиками: национальный человек и национальная культура зависят от природных условий существования. Вильгельм фон Гумбольдт обосновал связь «характера народа» с природой, окружающей средой, общечеловеческими идеалами, национальными традициями и характером языка.

Без подобной географической опоры народ, действующее лицо истории, движется словно по воздуху, как на китайских картинах, где нет почвы. Заметим также, что эта опора— не просто место действия. Она влияет на происходящее на сто ладов: через пищу, климат, прочее. Каково гнездо— такова и птица [5: 104].

Альпийские горы — самая обширная горная система Западной Европы. Они простираются на 1200 км в длину, начинаясь на Средиземноморском побережье Франции возле Ниццы, и дугой

проходят через Швейцарию, Италию, крошечное государство Лихтенштейн, бывшую Югославию, Германию, Австрию, плавно снижаясь к Лунайской равнине.

У ученых-археологов давно уже нет сомнений в том, что Альпы были заселены людьми на самой заре рода человеческого. Во время раскопок, проводившихся в альпийских пещерах, были найдены многочисленные захоронения, орудия труда, наконечники стрел и копий, относящиеся к каменному веку. Довольно много находок, сделанных археологами, относится и к уже значительно более поздним временам — к бронзовому веку. Тогда люди уже не жили в пещерах, а строили убежища из камней, в которых могли укрываться сами и содержать скот.

Сейчас уже может показаться невероятным, но прекрасные в своем грозном величии высокогорные альпийские ландшафты далеко не всегда вызывали восхищение людей. В античные времена Тит Ливий писал о «мерзких Альпах, которые абсолютно непригодны для жизни цивилизованных людей и которых потому надобно сторониться». Вторит ему и средневековое мнение об Альпах как «ужасном и безобразном наросте на теле Земли». Исследователь истории альпинизма Й. Рабль в конце XIX в. писал, что в Средние века «путешественники, купцы, странствующие богомольцы и даже воинские соединения пересекали Альпы, однако всегда при этом выбирали наикратчайший путь, ехали или шли со склоненными лицами, с проклятием на устах или с благодарственной молитвой в сердце, когда путешествие подходило к завершению [12: 195].

История Альп по большей части складывалась из беспрестанных войн и столкновений между различными этническими, языковыми, религиозными и национальными группами, населявшими горы на протяжении тысячелетий; и тысячи лет уделом Альп оставались раздробленность, вторжения, восстания и войны. В то время как Висконти вели борьбу за господство в италоязычной части Альп, а власть Савойи и Франции распространялись во франкоговорящих регионах, в тех областях этой горной страны, где основным языком был немецкий, о себе заявила еще более внушительная политическая сила. На протяжении почти семи столетий в политике Центральной Европы доминировали Габсбурги – начиная от возвышения династии в XIII в. и до ее крушения после Первой мировой войны. В поздний период габсбургской эпохи альпийские области империи считались едва ли чем-то большим, чем отдаленная тихая заводь, уголок, далекий от изощренного коварства и имперского блеска Вены. Но в Средневековье дела обстояли отнюдь не так, поскольку в конце

XV в. Максимилиан I, один из самых известных императоров из династии Габсбургов, в качестве своей имперской столицы выбрал Инсбрук, расположенный в самом сердце Альп, — благодаря ему тот может похвастаться наиболее впечатляющим собранием памятников среди всех альпийских городов [2: 42–46].

Величие австрийских Альп тонко воспето в творчестве Адальберта Штифтера. Его произведения — это квинтэссенция австрийского понимания концепта «горы».

Особенностью произведений А. Штифтера является то, что характер его героев раскрывается «не через мысли и чувства, а через свое фактическое отношение к людям, вещам, природе» [9: 7]. Размеренный, сдержанно-торжественный, их образ жизни в окружении ухоженного поместья и величественной горной природы Австрии является образцом гармонии человеческого существования на этой земле. Особое трепетное отношение к горам чувствуется на каждом шагу: главный герой романа «Бабье лето» Генрих Дрендорф специально оправляется бродить по горам, «чтобы застать там красоту поздней осени» [9: 11], здесь он отдыхает, встречается с интересными людьми, размышляет о смысле жизни, становится мудрее. Недаром у австрийцев очень популярна поговорка «Der Berg ruft» («Горы зовут»), которая наполнена глубоким содержанием. В основе сюжета романа лежит преодоление пространства не только в географическом - год за годом главный герой исследует горы, уходя все дальше и дальше в глубь горной гряды, - но и в нравственно-психологическом смысле - как пространство отношений между людьми и как пространство человеческой души. Гармония и красота горных пейзажей отражается в гармоническом душевном спокойствии героев романа. Глядя на горы, Генрих Дрендорф начинает рисовать. А глядя на его не совсем совершенные, но искренние рисунки, люди, никогда не бывавшие в горах, рвутся туда и хотят увидеть все своими глазами. А. Штифтер находит для описания гор такие удивительные слова, сравнения и обороты, что, кажется, их невозможно передать ни на каком другом языке. Однако хотелось бы отметить замечательный перевод Соломона Апта и как пример привести один отрывок из русского текста, описывающий позднюю осень в горах: «Солнце стояло в безоблачном небе, но уже низко на юге, словно прощаясь с нами на этот год. Последняя мощь его лучей еще озаряла скалы, пестрые кусты, которыми они заросли. Урожай был уже собран, и поля на холмах и склонах лежали голые, неухоженные, светились только зеленые полоски озимых. Скот, избавленный от летнего плена маленьких пастбиш, бродил по

лугам, щипля вновь подросшую траву, и даже по посевам. Рощицы, венчавшие бесчисленные холмы, еще сияли в эту позднюю пору желтозолотым или багряным убором необлетевшей листвы, а через темную зелень карабкающихся в горы сосен тянулись вверх пестрые полосы. А все это смягчала и наполняла очарованием какая-то тихая синева. Над лощинами и ложбинами синий цвет был особенно прекрасен и нежен» [15: 325].

Пейзажи А. Штифтера живут своей жизнью, меняют свой облик, цвет, характер. Необыкновенными, сказочно поэтическими описаниями всех оттенков зимнего горного пейзажа наполнен рассказ А. Штифтера «Горный хрусталь» (2001), экранизация которого вот уже много лет сопровождает рождественские каникулы австрийских школьников. Они вырастают с этой чистой, нежной сказкой о спасении заблудившихся в горах детей, которое сблизило и сдружило две не только территориально, но и социально и ментально отдаленные друг от друга горные деревни, и она входит в их национальное самосознание, как фильм «Сиси», как опера «Волшебная флейта», как оперетта «Летучая мышь». Несмотря на то что горы — неотъемлемая часть жизни этих людей, они не перестают восхищаться и радоваться им, так же как восхищаются и радуются жизни. А ведь жизнь в горах нелегкая: сложные дороги и перевалы, угроза лавин, скудные, неблагоприятные условия для ведения сельскохозяйственных работ. Австрийские крестьяне сейчас даже получают дотации от государства только за то, что возделывают горную почву и сохраняют таким образом, растительность на склонах гор, не дают им превратиться в скалы.

Географический фактор является не единственным важным фактором, определяющим национальную концептосферу.

Одним из ключевых концептов австрийской ментальности является *компромисс*.

Как показало исследование, это понятие чаще всего используется для описания исторических процессов в стране.

Так, например, слово «компромисс» появилось в договоре 1291 г. между герцогом Альбрехтом Габсбургским (1248–1308), старшим сыном короля Рудольфа I, с венгерским королем Андреасом III и богемским королем Венцелем II. Компромисс был необходим для подавления восстания феодалов, недовольных тем, что Альбрехт попытался лишить их особых привилегий и прав.

Еще один пример из австрийской истории. После поражения в войне с Пруссией (1866) Австрия утрачивает ведущую роль среди германских государств и вынуждена идти на политичес-

кие компромиссы. Один из них — компромисс с Венгрией (Ausgleich mit Ungarn) — двусторонний договор австрийцев с венграми о равноправии [4: 147]. Создание Австро-Венгрии было способом преодоления затяжного кризиса империи, вызванного подъемом национальных движений народов страны, укреплением национальных элит, военными поражениями в австро-италофранцузской 1859 г. и австро-прусской 1866 г. войнах, ростом панславянской угрозы, а также провалом попыток реформирования империи на принципах централизма.

В 1945—1999 гг. фирменным знаком Второй республики стала политика нейтралитета (Neutralitaet). Буквально слово «нейтральный» означает «внепартийный», не принадлежащий ни к одной партии. Концепт «нейтральность», нейтралитет глубоко вошел в австрийскую ментальность. После подписания Австрией Сен-Жерменского «Государственного договора» 10 сентября 1919 г. страна получила статус, похожий на нейтралитет. В октябре 1922 г. он был подтвержден в Генуе, а в 1932 г. — в Лозанне.

Согласно «Государственному договору о восстановлении независимой и демократической Австрии» (1955) страна приняла на себя обязательства проводить политику нейтралитета. 26 октября 1955 г. Национальный совет принял Федеральный закон «О нейтралитете Австрии». В идеале Австрия должна была стать государством, подобным Швейцарии. Во времена Второй республики в Австрии сохранялись общие контуры этой политики. Особенно важна была психологическая составляющая австрийского нейтралитета. Именно «Государственный договор» и нейтралитет в значительной мере определяли самосознание австрийцев. На практике «нейтралитет» нередко оборачивался чем-то призрачным, фантомным. Это объясняется тем, что основатели Второй республики принадлежали к поколению, которое сформировалось под воздействием пяти различных политических и государственных систем: габсбургской монархии, Первой республики, австрийского корпоративного государства, Второй республики. Исторический опыт закрепляет «уклонение» (ausweichen) от однозначности как важную черту австрийской ментальности [4: 150]. Неприкосновенность нейтралитета и отход от него - характерный пример австрийской амбивалентности. Однако только так и существуют концепты. Нейтралитет не стал «узкой одеждой» для международной активности Австрии. Напротив, он позволил расширить ее внешнеполитические возможности и пространство для маневра. В период холодной войны нейтральная Австрия, безусловно, продемонстрировала свою полезность как для Запада, так и для Востока.

Австрийский исторический опыт с его «плюсами» и «минусами» поучителен не только для потенциальных, но и для состоявшихся нейтральных государств.

С историей страны и развитием самосознания ее народа тесно связано возникновение и развитие понятия австрийский.

Впервые слово «Остарихи» (Ostarrichi) появилось в дарственной грамоте, которую шестнадцатилетний император Великой Римской империи германской нации Отто III подписал 1 ноября 996 г. для епископа Фрайзинга. Здесь речь идет о местности, где говорят на языке остарихи (in regione vulgari vocabulo ostarrichi). В 998 г. это название прочно закрепилось за территорией на северном берегу Дуная (современная федеральная земля Нижняя Австрия). В латинских текстах есть также название «Магcha Osterriche» - Восточная марка, то есть приграничный район на востоке германских территорий. Таким же приграничным районом была, например, Бранденбургская марка, ставшая ядром Пруссии, или Мейсенская марка, откуда пошла Саксония. Кроме того, в латинских рукописях мы находим множество других названий этой территории: «orientalis pars, orientalis provincia, orientale regnum» и др. В XII в. все эти имена были заменены на одно латинское название «Austria» - короткое, благозвучное и удобное для устного и письменного употребления. С 1156 г. Австрия упоминается в документах как Герцогство Австрия (Austrie ducatus). С XIII в. страной до 1918 г. правила династия Габсбургов. В годы их правления Австрию называли и Австрийским владением (Herrschaft zu Oesterreich), и Австрийским Домом, и Эрцгерцогством, и Австрийским округом. С начала XVIII в. появляется обозначение страны как Австрийская монархия, а после развала первого германского рейха Австрия объявила себя отдельной Австрийской империей. Во время правления Франца Иосифа монархия в 1867 г. из Австрийской была преобразована в Австро-Венгерскую, состоявшую из Австрийской империи и Венгерского королевства. В 1918 г. Временное Национальное собрание принимает закон о провозглашении Германской Австрии (Deutschoesterreich) в составе Германской Республики, но по Сен-Жерменскому мирному договору 1919 г. Австрия, или то, что от нее осталось после Первой мировой войны, была объявлена Республикой Австрией. 14 апреля 1938 г. Австрия распалась на семь имперских округов: Вену, Каринтию, Нижний Дунай, Верхний Дунай, Зальцбург, Штирию, Тироль. Сначала их объединяло название Восточная марка (Ostmark). Но уже после 1940 г. даже это название исчезло с географических карт Германии. В документах имперской канцелярии данная

территория фигурировала под именем Альпийские и дунайские имперские округа (Alpen- und Donau- Reichsgaue). Московская декларация 1943 г. и Декларация независимости Австрии от 27 апреля 1945 г. признала недействительными аншлюс и законы германского рейха. Республика Австрия была опять объявлена независимым федеративным государством, 15 мая 1955 г., после подписания государственного договора «О восстановлении независимой и демократической Австрии» между представителями союзников и Республикой Австрией, появилось еще одно официальное название — Вторая республика [3: 89—95].

Особенностью австрийской концептосферы является невозможность в многонациональной Австрии провести четкие границы между национальным и географическим факторами. Благодаря пересечению германского, романского и славянского миров выработалась некоторая самостоятельная австрийская культурно-историческая идентичность. В связи с этим можно выделить такие характеристики австрийского менталитета, как дифференцированное чувство реальности и некая двойственность в восприятии действительности, выражающаяся в колебаниях между видимостью и реальностью; обостренное ощущение возможностей.

О национальном характере австрийцев лучше всего узнать от них самих, тем более что все они с удовольствием рассуждают на эту тему. В австрийской прессе часто упоминается о загадках местной души. Одни авторы сомневаются в ее существовании, всячески пытаясь доказать заурядность своей нации. Другие, вступая с ними в спор, относят появление некоторых своеобразных черт у своих соотечественников к имперским временам. Третьи, не споря и не доказывая очевидное, просто дают советы по обхождению с австрийцами [14]. Считается, что постичь австрийскую душу может только австриец, но некоторые аспекты доступны и чужестранцу, если тот общается с ним на его языке.

Характер обитателей этой страны, на первый взгляд ясный, исполненный любви к чистоте и порядку, в действительности противоречив. Кажется странным, что, правильно выстраивая свою жизнь и умея наслаждаться ею, «альпийский народ» всегда своей жизнью недоволен. Свидетельством тому является богатая палитра синонимов к слову «брюзжание» (нем. Nörgelei, Jammern, Klage, Beschwerde, Brummen, Meckern, Raunzen). По этикету жаловаться на что-либо или кого-либо принято в юмористическом тоне; ирония может сопровождать отзыв человека о самом себе, но ни в коем случае недопустима в адрес собеседника. «Нордическое спокойствие» австрийцев, их рационализм и внешняя холод-

ность заметны сразу, а такие черты, как ранимость, склонность принимать в качестве вызова деловую критику или самое пустяковое замечание, выявляются в процессе общения.

Австрийцам свойственно чувство не врожденное, но глубоко укоренившееся из-за особого воспитания. Общенациональное чувство вины культивировалось в этом народе столетиями, начиная со времен Средневековья, когда каждому католику при входе в церковь надлежало произнести: «Я виноват, я безмерно виноват...» Неудивительно, что формула прочно улеглась в коллективном сознании, тем более что влияние церкви остается здесь очень сильным и поныне. Испытывая душевные муки, старшее поколение австрийцев передает свои страдания детям как наследственную болезнь, порой избирая не лучший метод ее лечения. Об этом пишет, в частности, Мориц Чаки: «Многие австрийские носители немецкого языка в течение всего XIX века рассматривали собственную - «австрийскую» немецкоязычную - культуру как нечто неполноценное» [13: 186].

Одним из источников, питающих всенародный мазохизм, является отношение к националсоциализму, который, увы, не миновал австрийскую нацию в период Второй мировой войны. Немцы — прародители этого явления — cvмели открыто признать свой позор и, более того, объявили о готовности исправить все, что возможно. Таким образом, они не только избавили себя от чувства вины, но и принесли благо обиженным нациям, в частности евреям. Австрийцы же, напротив, постарались отделить себя от нацистов, «поверив», например, в то, что страна стойко сопротивлялась вводу германских войск и была первой жертвой фашизма. Такая политика не только не помогла им избавиться от чувства вины, но и усугубила его.

австрийцев Пля общительность Geselligkeit) – это веселость, жизнерадостность, раскованность. Этот концепт реализуется в первую очередь в массовых гуляньях в Пратере, многочисленных парках, в таких чисто австрийских институтах, как кафе и «хойригер» - «винный ресторанчик в винодельческом районе, где должно подаваться только вино собственного изготовления» [8: 233]. Для австрийца кафе — это образ мышления и форма существования. Австрийское кафе – это своеобразная театральная сцена, на которой постоянно меняются актеры. Кофейни в Австрии распространились после осады турками Вены в 1683 г. Основателем первого кафе считается Георг Франц Кольшицкий, который за оказанные во время осады услуги в качестве награды получил брошенные турками мешки с кофейными зернами. Поначалу венцы не оценили горький черный напиток, но добавлен-

ные Кольшицким в кофе сахар и молоко сделали его очень популярным. Кафе стали наиболее посещаемыми местами. Здесь можно не только перекусить и попить кофе, но и почитать газеты и журналы, поиграть в шахматы и карты, обсудить острые политические темы и художественные события. Обстановка и атмосфера многих кафе сохраняется на протяжении многих десятилетий. Только в Австрии можно встретить такое разнообразие сортов кофе: Melange, Brauner, Kapuziner, Mocca, Einspaenner, Fiaker, Kaffee Hag, Konsul, Gold, Maria Theresia, Kaiser Melange и др. Кофе обычно подают со стаканом воды, который при продолжительном пребывании в кафе может быть несколько раз наполнен заново. Это своего рода вежливость по отношению к посетителю, показывающая своеобразие венского кафе. Концепт кафе является значимым для австрийской культуры [5: 123].

Описывая основные черты национального характера австрийца, следует отметить их неторопливость в делах. Жители Инсбрука и Зальцбурга по примеру своих столичных собратьев предпочитают неторопливость спешке, которую считают проявлением дурного воспитания, а следовательно, признаком низкого социального статуса. Принцип «я никуда не тороплюсь» люди этой страны выражают плавными движениями и степенной осанкой. Ни один из австрийцев, например, стоя в очереди в супермаркете, не покажет, что куда-то опаздывает, иначе стоящий впереди сделает все, чтобы непоседа вспомнил известную заповедь: он будет не спеша перекладывать покупки, искать никуда не пропадавший кошелек, тщательно отсчитывать мелочь.

Австрийцы придают особое значение ритуалам, любят делать добро, а чтобы оно восторжествовало, нужна просьба. Здесь никогда не откажут тому, кто вежливо, объяснив ситуацию, попросит пропустить себя без очереди. Объяснением тому является то, что, помогая ближнему, человек проявляет свои лучшие качества и может повысить собственную самооценку. Фраза «Вы не могли бы поторопиться» воспринимается как нарушение личного пространства, которое у австрийцев немного больше, чем у других европейских наций. Австрийцы обладают хорошей привычкой улыбаться просто так, без особых причин и прятать слезы, даже если жизнь преподнесла неприятный сюрприз.

Много пишут о врожденной музыкальности австрийцев. В эпоху расцвета любая «избранная» нация обычно уверяла, что ей, и только ей одной, принадлежит музыка.

С одной стороны, понятие нации противоречит универсальной идее человека, из которой выводится буржуазный принцип равенства всех индивидов. С другой стороны, принцип

нации был условием для того, чтобы принцип равенства мог пробить себе путь, условием, неотделимым от буржуазного общества, в понятии которого заключена некая всеобщность. Буржуазность в самом широком смысле, включающем в себя всю культуру, складывалась через посредство принципа нации или, по крайней мере, опиралась на него. Это происходило уже в эпоху империализма, но касается и «неодновременности» высокоразвитых промышленных и более или менее аграрных государств и разногласий между великими державами и так называемыми развивающимися странами. Идеологическая функция музыки в обществе неотделима от всех этих проблем. Музыка превратилась в политическую идеологию с середины XIX в. благодаря тому, что она выдвинула на первый план национальные признаки, выступала как представительница той или иной нации и повсюду утверждала национальный принцип.

Но в музыке, как ни в каком другом искусстве, отпечатлелись и антиномии национального принципа. Музыка действительно — всеобщий язык, но не эсперанто: она не подавляет качественного своеобразия. Ее сходство с языком не соотнесено с нациями. Даже очень далекие другот друга культуры способны понимать друг друга в музыке.

Но вместе с тем в музыке ровно столько национальных элементов, сколько вообще в буржуазном обществе - история музыки и история ее организационных форм протекала, как правило, в рамках нации. И это не было обстоятельством внешним для музыки. Несмотря на свой всеобщий характер, которым она обязана тому, чего у нее нелостает по сравнению со словесной речью - определенных понятий, у музыки есть национальная специфика. Нужно реализовать эту специфику для того, чтобы музыка стала вполне понятной, это нужно, по-видимому, и для полного понимания ее всеобщности. Чем больше музыка похожа на диалект, аналогичный языковому, тем ближе она к национальной определенности. Австрийское у Шуберта и Брукнера – это не простой исторический фактор, а один из шифров эстетического феномена как такового [1: 136].

Истоки австрийской музыки восходят к первым столетиям нашей эры. Она развивалась в постоянном взаимодействии с музыкальным искусством других народов, территории которых сначала примыкали, а потом входили в состав империи Габсбургов. Помимо тесных связей с музыкальной культурой Германии, обусловленных общностью языка и близостью художественных традиций, широкое распространение в австрийском музыкальном быту получили венгерские, чешские, моравские, сербские, хорватские и

другие народные напевы. Кроме того, в австрийской музыке заметны следы итальянских и французских влияний. Однако, несмотря на всю пестроту освоенных влияний, австрийская музыкальная культура сохранила свою самобытность. Особую роль в становлении австрийского национального менталитета играет оперетта. Мориц Чаки называет оперетту «зеркалом общества и политики» [13: 61]. В большей степени она соответствовала мироощущению образованной «буржуазии». Одной из существенных сторон этих музыкальных произведений является их народность, широкое использование в них не только австрийского, но и славянского, венгерского и другого фольклора. Венскую оперетту отличает следование лучшим традициям танцевальной музыки, мастерское владение вокальными формами, унаследованное от классиков, художественная завершённость. «Та саркастически-комическая манера, в которой венская оперетта осуждала окружающую действительность, обеспечила ей роль психологической отдушины, с помощью которой отдельные индивидуумы и целые социальные группы - в данном случае представители средних слоев городского населения, так как именно из них состояла ау-

дитория этого сценического жанра, - освобождались от отрицательных эмоций: с ее помощью люди могли посмеяться над изъянами социально-политической реальности» [13: 107]. Очень интересным является замечание бывшего главного режиссера ведущего драматического театра республики – Бургтеатра – Клауса Паймана, немца, пытавшегося модернизировать классическую немецкоязычную сцену в Австрии. В интервью, которое он дал в декабре 1998 г. журналу «Профиль», Пайман сравнивает австрийцев с действующими лицами оперетты, которая длится многие годы: «Они потому так неравнодушны к театру, что сами постоянно ощущают себя участниками пьесы» («Sie sind durch das Theater so stark verführbar, weil sie sich selber ständig als Mitspieler empfinden»). И это верно, стоит только видеть лица горожан, толпами стекающихся на главную площадь Зальцбурга, чтобы посмотреть классический спектакль, послушать музыку в исполнении живого оркестра, увидеть актеров на сцене, а не на экране телевизора. Только здесь можно осознать, насколько ценится все прекрасное и возвышенное в Австрии, не случайно эта страна считается одной из самых красивых в мире.

Литература

- 1. Адорно Теодор В. Избранное: Социология музыки. М.-СПб., 1999.
- 2. Битти Э. Альпы: от Любляны и от Мюнхина до Милана. М.-СПб., 2008.
- 3. Горбачевская С.И. Австрия и австрийское самосознание // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2000. № 1.
- 4. Зусман В. Г. Межкультурная коммуникация. Нижний Новгород, 2001.
- 5. Зусман В.Г. Концепт в гуманитарном знании // Вопросы литературы. Март апрель. М., 2003.
- 6. Карсавин Л.П. Философия истории. СПб., 1993.
- 7. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Известия АН. Серия литературы и языка. Т. 52. № 1. М., 1993.
- 8. Муравлева Н.В., Муравлева Е.Н. Австрия. Лингвострановедческий словарь. М., 2003.
- 9. Павлова Н.С. О кротком законе. Предисловие к роману // А. Штифтер. Бабье лето. М., 1999.
- 10. Прохоров Ю.Е. В поисках концепта. М., 2008.
- 11. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М., 2001.
- 12. Травина И.В. Горы Евразии. М., 2002.
- 13. Чаки М. Идеология оперетты и венский модерн. Культурно-исторический очерк. СПб., 2001.
- 14. Rhomberg Th. Der richtige Umgang mit einem Österreicher. 4. Aufl. Stuttgart-Wien-München-Zürich, 1994.
- 15. Stifter A. Bergkristall. Taschenbücher, 2001.

L.V. Zabolotskikh

KEY CONCEPTS OF AUSTRIAN CULTURE

Austrian, mountains, compromise, concept, musicality, national sphere of concepts, neutrality.

The article «Key concepts of Austrian culture» is devoted to exposure and analysis of typical Austrian national concepts, their functioning and role in the development of national identity of the Austrian people.

Based on the universal concept definition given by Yu.E. Prokhorov the article points out special features of the paradigm of linguistic and cultural concept development emphasizing that from this point of view linguistic units are not only the reflection of social world view, but also specific social attitude towards this world view or its constituents. This thesis in the article provides background for consideration of such basic concepts of Austrian national identity as mountains, compromise, Austrian and musicality.

The article attempts to make a coherent whole of the geographic space where the people live and create their culture, their history and attitude to themselves and outside world being the factors predetermining special characteristics of their national sphere of concepts. This being said, it is also stressed that Austrian national sphere of concepts is noted for the impossibility to lay distinct borders between the national and geographic factors in the multinational Austria.

О.В. Красникова

o.krasnikova@bk.ru аспирант Московского городского педагогического университета Москва, Россия

Речевая характеристика Ахиллы Десницына в хронике Н.С. Лескова «Соборяне»

Речевая характеристика, юмор, иностранные слова, словотворчество, пародийный фольклор, цитата.

Статья посвящена изучению речевой характеристики Ахиллы Десницына в хронике Н.С. Лескова «Соборяне». Большое внимание в статье уделяется особой манере повествования героя, которая включает в себя использование иностранных слов, переосмысленных в русском духе, русских слов, принявших курьёзную иностранную форму, просторечий, специально придуманных слов, необходимых для конкретной ситуации общения. Ахиллу отличает особое чувство юмора, развитая интуиция и память. Речевая характеристика раскрывает бунтарский характер этого героя, соединенный с любознательностью, детской наивностью и непосредственностью.

В «Соборянах» Лесков использует такую форму повествования, которая дает возможность индивидуальной оценки событий самим героем. Создать образ персонажа для писателя — это не только наделить его чертами характера и сообщить ему определенный строй мыслей и чувств, но и заставить нас его увидеть, услышать, заинтересоваться его судьбой и окружающей обстановкой. Ведущую роль в создании образов персонажей играет речевая характеристика, которая даёт полное представление о характере человека, его действиях, о конкретной социальной обстановке и об эпохе в целом. О роли речевого портрета в раскрытии характеров Лескова писала В.А. Паршина [6: 8].

Речевая характеристика является ведущей при описании главного героя «Соборян» — дьякона Ахиллы. Несмотря на то что он назван почтмейстершей «личностью мало-мальски неудобной к беседованию» [4: 265], Ахилла совсем не затрудняется в рассказах. Когда он смущается собственным скудоумием, как, например, в разговоре с отцом Захарией, автор находит нужным защитить его способность повествователя: Ахилла жалуется, что отец Савелий «все смял, перевернул Бог знает куда лицом и вывел чтото такое, чего я, хоть убей, теперь не пойму и рассказать не умею» [4: 156-157]. «Однако же дьякон, - продолжает автор, - присев и выпив поданную ему на тарелке рюмку водки, с мельчайшими подробностями передал отцу Захарии всю свою историю с Данилкой и с отцом Туберозовым» [4: 157]. Особенно важно здесь упоминание о «мельчайших подробностях».

По словам И.В. Мотеюнайте, «память Ахиллы, позволившая ему адекватно воссоздать си-

туацию, успешно заменяет ему необходимость ее понимания и поиска собственных форм выражения «рассказать не умею» [5: 37]. Точно так же он, «никогда не писавший никаких писем и не знавший, как их пишут и как отправляют» [4: 293], по собственной инициативе присылает Туберозову из своего путешествия три письма, в которых живо описывает свою московскую и петербургскую жизнь. Письма пронизаны юмором. Они просты в изложении. «Прежде всего, он присылал Туберозову письмо из губернского города, и в этом письме, вложенном в конверт, на котором было надписано: «Отцу протоиерею Туберозову, секретно и в собственные руки», извещал, что, живучи в монастыре, он отомстил за него цензору Троадию, привязав его коту на спину колбасу с надписанием: «Сию колбасу я хозяину несу» – и пустив кота бегать с этою ношею по монастырю» [4: 293].

После пребывания в Петербурге Ахилла изменился. Он привез массу новых впечатлений, мыслей, слов. В речи Ахиллы рядом с семинарскими элементами проскакивают простонародные каламбуры и выражения, слова иностранные, осмысленные в русском духе и русские слова, принявшие курьезную иностранную форму: «Представь себе, голубчик, отец Савелий, какая комбынация (причем он беспощадно напирал на ы)» [4: 296], «Как он мне это сказал, я ему говорю ну нет, же ву пердю, это брат, сахар дюдю» [4: 296], «Это называется борба (дьякон произнес это слово без ь) за сушшествование» (курсив Лескова. - O.К.) [4: 298]. А в выражении: «Езжу на пол-империале» [4: 294] - Ахилла путает слово «полуимпериал» (золотая монета достоинством в 7 руб. 50 коп.) со словом «империал» (место для

седоков на крыше вагона конки). Впечатлительный и очень восприимчивый по натуре, Ахилла впитывал в себя как губка всё услышанное, не особенно вникая и осмысливая слова и выражения.

Дьякон безотчетно переносит на общение с Савелием ситуацию своего общения с петербургскими «литератами» (вместо литераторами). Так, на замечание протопопа о «пустых словах» он отвечает: «Да вы, душечка, отец Савелий, пожалуйста, не опасайтесь, теперь за слова ничего - не запрещается» [4: 296]. Туберозову, как человеку начитанному и хорошо владеющему пером, это «слышать скверно». Запреты на слова — это из области цензуры, важной для профессионально пишущих людей и безразличной в данной момент Туберозову. Ахилла вряд ли понял и остроту такого замечания Савелия о слове «ерунда», которое, по словам дьякона, все «литераты» употребляют: «Ну им и книги в руки: пусть их сидят с своею «герундой», а нам с тобой на что эту герунду заимствовать, когда с нас и своей русской чепухи довольно?» [4: 296].

Раз случилось даже, что Ахилла совершенно по-детски усомнился в том, что все в этом мире создано по велению Божию (в том числе и все твари земные, вроде блохи): «Хвакт этот по каждому человеку прыгает, — отвечал дьякон и объяснил, что это блоха, а блоху всякий может сделать из опилок, и значит, всё-де могло сотвориться само собою» [4: 297]. Старец Туберозов, возмущенный словами дьякона, заставлял его молиться. После молитвы Ахилла ощущает в себе преображение.

Словотворчество этого героя начинается там, где он сталкивается с нерусскими названиями или явлениями, чуждыми, непонятными человеку. Для создания образа Ахиллы Лесков использует следующие слова: «карафин» (вместо графин) [4: 104], «пудромантель» (в значении «головомойка» вместо «накидка, которую надевали во время бритья или причесывания») [4: 156], «опрокидонтик» (в значении «стакан с выпивкой») [4: 156], «лампопо» (переиначенное «пополам», напиток из пива с добавлением меда) [4: 220], «ланпопо» (в значении «синяк») [4: 224], «аркебузир» (стрелок из аркебуза) [4: 332]. Тем самым Лесков сближает персонажа, свою хронику с народным сказом о «Левше».

Ахилла любит выдумывать, сочинять слова, придавать им особое значение: «Сегодня четвёртое июня, сегодня преподобного Мефодия Песношского, вот вы это себе так и запишите, что от этого дня у нас распочнётся» [4: 64] (в значении «что-то нехорошее начнется»). Если дьякон не может что-то объяснить в разговоре, то он не теряется, а придумывает несуществующие слова, понятия, выражения: «Я скорее за порядок

теперь стою, а не за беспорядок, и в этом расчислении всё это и сделал» [4: 129]. Так в речи Ахиллы из хроники «Соборяне» появляются следующие слова: «солидничать» [4: 124], «засерьёзничал» [4: 275], «послобонят» [4: 199], «сполитикует» [4: 52], «потрафлять» (в значении «петь»), «съерундят» [4: 296], «угрызать» [4: 230].

Часто эти новые слова имеют просторечную окраску: «Ну, а тут все эти го-ма-го (учёные изречения. - O.К.) меня тоже наспиртуозили (опьянили. — O.К.) [4: 59], «Пожалуйста, ты этого, Варнава Васильич, не говори, потому что Бог идее же хочет, побеждается естества чин; но при этом как вся эта наша рацея у акцизничихи у Бизюкиной происходила, а там всё это разные возлияния да вино всё хорошее: всё го-го, го-сотерн да го-марго, я... прах меня возьми, и надрызгался» [4: 59]. И как верно замечает А.А. Горелов, «язык художника выглядит материей, непрерывно изустно творимой, полной то непринужденных, то заковыристых словесно-стилистических новинок, изобретений, вариативных элементов, игры <...>» [2: 254].

Употребление неправильных грамматических форм раскрывает бунтарский характер дьякона: «Это у меня <...>, всегда, когда бежу», «Мне венгерц такого лекарства давал, что говорит: «только выпей, так не будешь ни сопеть, ни дыхать» [4: 128]. Если Ахилла на кого-то злится, то в его речи наравне с общеупотребительными словами встречаются и просторечные формы: «Ну, да и не я же буду, если я умру без того, что я этого просвирниного сына учителя Варнавку не взвошу» [4: 58], «Будь я взаправду тогда Каин, а не дьякон, если только я этого учителя Варнавку публично не исковеркаю!» [4: 61], «<...> комиссара Данилку мещанина за едение яиц на улице в прошедший Великий пост я опять тоже неупустительно и всенародно весьма прилично по ухам оттрепал <...>» [4: 59].

В речи Ахиллы прослеживается и пренебрежительное отношение к учителю Варнаве Препотенскому и помощнику ревизора Термосесову. При упоминании этих персонажей дьякон использует уменьшительно-ласкательные суффиксы или просто коверкает их имена: «<...> и что это тогда со мною поделалось, что я его, этакого негодивца Варнавку, слушал <...>» [4: 58], «Вот, ей-богу, молодчина этот Термосёска» [4: 219]. Пытаясь сделать речь более эмоциональной, употребляет поговорки: «Вы вспоминаете про него, словно про молоко в коровий след» [4: 318], «Он (Туберозов. — O.K.) не цыганская лошадь, чтоб его нахваливать» [4: 318].

Т.Б Ильинская говорит об использовании «пародийного» религиозного фольклора в характеристике героев, которым свойственно детское простодушие. И в качестве примера приводит

дьякона Ахиллу, который ради забавы научил соседского ребенка стишку-колядке [3: 125]: «Днесь Христос родился, /А Ирод — царь взбесился: /Я вас поздравляю/И вам того ж желаю» [4: 106]. Примечательно, что в фольклоре младших семинаристов колядка превратилась в дразнилку.

И.В. Мотеюнайте утверждает: «В ситуации, когда определенные познания оказываются настоятельно необходимыми, они непроизвольно всплывают в памяти Ахиллы, отличающегося «малоуспешием» в годы обучения» [5: 34]. При случае он удивительно к месту цитирует пушкинскую «Полтаву»: «Казак на север держит путь, /Казак не хочет отдохнуть... /Донос на гетмана злодея /Царю Петру от Кочубея...» [4: 259]. Четыре пушкинские строки оказались очень емкими. В них изложена сама ситуация: доставка письма судьи к губернскому прокурору с просьбой похлопотать за протопопа соответствует словам о посылке доноса царю Петру от Кочубея. Ахилла сравнивает себя с казаком, что совпадает с восприятием его Туберозовым. В своем календаре протопоп называет Ахиллу «сей казаковатый дьякон» [4: 100]. Спасение Туберозова становится для Ахиллы делом государственного масштаба. Можно сказать, что при цитировании поэмы Ахиллой неосознанно руководит интуиция. В поэме Пушкина эти четыре строки стоят не подряд. Дьякон воспользовался вторым и последним двустишиями эпизода поэмы и тем самым предсказал безуспешность действий в спасении Туберозова.

Э.Л. Афанасьев упоминает, что в произведениях Лескова «встречаются отрывки из од, гим-

нов или стихотворений М. Ломоносова <...> или Г. Державина» [1: 137]. И действительно, в «Соборянах» богатырь - дьякон Ахилла Десницын, спускаясь с пригорка и подходя к туберозовскому дому, напевает романс на стихи Ломоносова «Ночною темнотою покрыты небеса...» [4: 63]; тот же Ахилла, «каинствуя», декламирует строки из оды Державина «Бог»: «Я царь, я раб, я червь, я Бог» [4: 60]. С зарубежной литературой Ахилла знаком поверхностно. Например, об английском писателе Байроне он узнает из рассказа Данки Бизюкиной и в своей речи даже коверкает его имя: «Вот, говорит, как его английский писатель Бирон изображает <...>» [4: 60]. Образ Ахиллы рождает у Лескова ассоциацию с американским писателем-романтиком Фенимором Купером и персонажем его произведений - Зверобоем: «Ахилла, как американский следопыт, будет выслеживать своего врага...» [4: 61].

Итак, Лесков дает своему герою высказаться, поведать самые сокровенные мысли не только в письменной, но и в устной форме. В «Соборянах» Ахилле Десницыну присуще особое чувство юмора, только ему свойственная манера повествования. Его речь богата народными каламбурами, просторечиями, иностранными словами, осмысленными в русском духе, специально придуманными понятиями, необходимыми для конкретной ситуации общения. Использование в речи цитат из произведений русских и зарубежных классиков говорит об особой интуиции, памяти и коммуникабельности Ахиллы. Речевая характеристика раскрывает в полной мере бунтарский характер этого героя, соединённый с детской наивностью и непосредственностью.

Литература

- 1. Афанасьев Э.Л. Лесков и русская литература XVIII века // Лесков и русская литература / Под ред. К.Н. Ломунова, В.Ю. Троицкого. М., 1988.
- 2. Горелов А.А. Н.С. Лесков и народная культура. Л., 1988.
- 3. Ильинская Т.Б. Религиозно-фольклорные мотивы в творчестве Лескова (1860—1875) // Печать и слово Санкт-Петербурга (Петербургские чтения—2006). Сб. науч. трудов. СПб., 2007.
- 4. Лесков Н.С. Собр. соч.: В 12 т. / Под ред. В.Ю. Троицкого. М., 1989. Т. 1.
- 5. Мотеюнайте И.В. Образ «цельного» человека в хрониках Н.С. Лескова «Соборяне», «Захудалый род» и дилогии П.И. Мельникова-Печёрского «В лесах», «На горах». Псков, 2004.
- 6. Паршина В.А. Язык русской классики: книжные и разговорные лексические элементы прозы Н.С. Лескова 90-х годов XIX века. М., 1993.

O.V. Krasnikova

SPEECH CHARACTERISTICS OF ACHILLES DESNITSYN IN N.S. LESKOV'S CHRONICLE «CATHEDRAL FOLK»

Speech description, humor, foreign words, creation of words, parody folklore, quotation.

The article is devoted to the study of speech characteristics of Achilles Desnitsyn in N.S. Leskov's chronicle «Cathedral Folk». Much prominence is given by the author to the special manner of speaking of the main hero which includes usage of foreign words, reconsidered in the Russian style as well as Russian words said in a ridiculous foreign way, colloquial language and words deliberately made up for specific situations. Achilles is notable for special sense of humor, developed intuition and memory. Speech description reveals a rebellious character of the hero, combined with curiosity, childishness and directness.

Л.С. Крючкова

Ikryuchkova@bk.ru канд. филол. наук, профессор, зав. кафедрой русского языка как иностранного Московского педагогического государственного университета Москва, Россия

Лингвометодические основы обучения китайских учащихся грамматике русского языка как иностранного

Языковая личность, интровертность языковой личности, прагматизм, рационализм, доминирование зрительного канала восприятия, визуал, принципы коммуникативности и системности, части речи, синтаксис, порядок слов, субъект, предикат, объект.

В статье рассматриваются особенности китайской языковой личности, типологические особенности китайского языка, методические традиции преподавания русского языка в Китае и предлагаются методические рекомендации по обучению китайцев русскому языку.

При обучении китайских учащихся принципы коммуникативности и системности как основополагающие принципы методики не должны быть противопоставлены. Так как языки относятся к разным типологическим системам, необходимо в течение длительного периода формировать грамматическую систему русского языка: морфологии и синтаксиса, используя средства зрительной наглядности и компьютерные презентации.

С методических позиций в работе с китайской аудиторией необходимо учитывать, что учащиеся-китайцы — визуалы. Вез опоры на письменную речь учащегося нельзя научить русскому языку — письменных заданий должно быть много. Тестирование оказывает мобилизующую роль, причем анализ ошибок, допущенных учащимися в тесте, играет положительную роль, так как позволяет вернуться к пройденному материалу.

Многократные повторения, заучивание наизусть, каждодневный строгий контроль, учет способностей китайских учащихся к целостному восприятию письменной информации и значительной скорости работы по ее осмыслению; высокий уровень развития интуиции, творческого воображения, образного мышления и мнемической способности, доминирование зрительного и зрительно-двигательного каналов восприятия и опора на письмо для лучшего запоминания языкового материала в конечном итоге могут привести к хорошим результатам.

В 1984 году впервые после длительного перерыва в вузы начали приезжать на обучение китайские учащиеся, перед преподавателями-практиками встал вопрос о том, как работать с новым контингентом, и, к сожалению, до сих пор многие вопросы обучения китайцев остаются нерешенными. Для того чтобы найти ответ на методические вопросы, необходимо вначале познакомиться:

- с особенностями китайской языковой личности;
- с типологическими особенностями китайского языка;
- с методическими традициями преподавания русского языка в Китае.

Обучая китайских учащихся русскому языку, мы ставим перед собой цели формирования новой языковой личности, которая была бы способна жить и учиться в русской социальнокультурной среде. Именно поэтому так важно преподавателю узнать, что собой представляет китайская языковая личность, носителем каких культурных ценностей, норм речевого и культурного поведения она является.

Мир богат и красочен, и в каждой культуре проявляется своя специфика. Китайская нация на длительном пути своего развития создала

собственные прекрасные культурные традиции и ценности. Это — ее колоссальное духовное достояние, это — духовные узы, которые связывали бесчисленные поколения китайской нации, это — духовный фундамент единства страны и сплоченности народа. В китайской национальной традиции отмечаются такие особенности, как традиция сплоченности и единства, традиция независимости и самостоятельности, традиция миролюбия и традиция неуклонного стремления вперед. Эти традиции сохранились до настоящего времени, они оказывают глубокое влияние на духовные ценности, образ жизни нынешнего поколения, на формирование личности китайца.

С детства в китайской семье воспитываются почтительное уважение к старшим, поощрение идей мирной жизни, диалога с соседом, а не конфликта с ним, не противостояние, а взаимная терпимость, побуждение к смелым поступкам и находчивости в достижении цели, учеба друг у друга.

Из анкет, предложенных учащимся, узнаем, что среди положительных качеств отмечаются такие: китайцы веселые и добродушные, исполнительные, трудолюбивые, терпеливые и дисциплинированные, чтят своих родителей, ценят и любят детей, очень экономны, они гордятся

своей принадлежностью к народу, который является самым древним, самым многочисленным. К отрицательным качествам были отнесены: крикливость, иногда они любят похвастаться, внутренний их мир замкнут, объяснять что-то в сравнении им бесполезно, надо показать образец и сказать: «Сделай точно такой».

Психологи, описывая специфику китайского речевого поведения, отмечают типичные особенности языковой личности: интровертность, прагматизм, склонность к конкретности и детализации. Вместе с тем они подчеркивают хорошую интуицию учащихся и большую скорость восприятия и осмысления информации. Китайцы способны почти автоматически запоминать значительное количество языковых единиц или многословный текст. У них хорошо развито образное мышление, при восприятии доминирует зрительный или зрительно-двигательный канал.

К слабо развитым способностям китайских учащихся, как правило, относят традиционную неприязнь к сложным, абстрактным и витиеватым умозаключениям, многословию и несдержанности в выражении чувств, неумение различать причинно-следственные связи, неумение анализировать и абстрактно мыслить, недостаточно развита у них логическая память [1: 66-76].

Главной чертой национального характера китайцев считается рационализм. Ключевым словом во все времена было слово «польза». Это часто объясняется тем, что в традиционных китайских учениях отсутствовало религиозное начало, в единении Человека и Природы не было мистического поклонения Природе, а была необходимая, естественная, разумная связь, соотнесенность друг с другом. Человек сам может изменить себя, с пользой употребить свои возможности, знания, способности и по отношению к себе, и по отношению к Природе и к обществу.

Итак, рационализм китайской языковой личности, ее интровертность, доминирование зрительного или зрительно-двигательного канала восприятия информации, хорошая скорость ее переработки, образность мышления и другие вышеперечисленные свойства необходимо учитывать при обучении русскому языку как иностранному.

Для того чтобы обучать китайских учащихся русскому языку, необходимо также знать типологические особенности китайского языка. Известно, что грамматический строй китайского языка существенно отличается от русского языка отсутствием словоизменений и грамматической аффиксации, функция слова выявляется из текста. Описывая грамматику китайского язы-

ка, Е.Д. Поливанов отмечал, что, если кто-то говорит о синтаксисе китайского языка, он приходит к выводу, что в китайском языке нет морфологии, а пытаясь строить его морфологию, не нуждается в понятии синтаксиса [2: 49].

Самый подход к определению частей речи в китайском языке отличается от соответствующего подхода в русском языке, так как слова в китайском языке, как правило, не имеют внешних, морфологических признаков. Для определения, к какой части речи относится то или иное слово в китайском языке, надо руководствоваться двумя признаками:

- в качестве какого члена предложения выступает слово;
- с какими разрядами слов данное слово способно или неспособно сочетаться.

Появившаяся еще в 1898 г. Грамматика Ма Цзянь Чжуна [7: 30-71] представляет собой первую попытку построить китайскую грамматику по европейскому образцу. Столкнувшись с фактами, которые не могли уложиться в рамки иностранных грамматик, Ма Цзянь Чжун ввел кроме грамматических категорий европейских грамматик еще одну, для названия которой он употребил термин «сюй-цзы» — пустые слова. Он относил к этой группе слова, имеющие значение частиц начинательных, соединительных и др. Все же остальные категории вошли у него в группу ши-цзы — полных слов: имена, глаголы, прилагательные, местоимения.

В грамматиках китайского языка, как правило, слова делятся на девять — одиннадцать классов, при этом единственным критерием служат функции слова в предложении. Например, все слова, которые употребляются в предложении в качестве подлежащего и дополнения, называются существительным; все слова, употребляемые в качестве определения, называются прилагательным; все слова в функции сказуемого называются глаголом и т.д.

Однако такой способ разграничения частей речи не всегда работает. Дело в том, что одно и то же слово иногда может употребляться в качестве подлежащего и дополнения, а иногда – в других функциях. Например, следует ли считать, что в предложениях «нюй гэ жень хэнь цзяо» (тот человек гордый) и «чжэ ши вомэнь цзуго ды цзяо-ао» (это гордость нашей родины) «цзяо» в первом случае является прилагательным, но выполняет функцию предиката, а в другом - существительным? Обращаем внимание на тот факт, что во втором случае к слову «цзяо» присоединяется элемент «ао», являющийся показателем на уровне предложения именно функции существительного. Таким образом, главное отличие китайского языка от языков европейских, и в частности русского,

состоит в том, что исходить надо не из конкретного слова, а из его позиции и функции, и только тогда можно будет установить, к какой части речи принадлежит данное слово. При делении на части речи основным критерием выступает его функция в составе предложения. Вне предложения нет категорий, поскольку слово само по себе не выражает принадлежности к части речи и, лишь входя в предложение, приобретает ее.

В подтверждение вышесказанному приведем слова китайского ученого Ли Цзиньси: «Части речи китайского языка не могут быть выделены, если исходить из самого слова; необходимо учитывать его позицию в предложении, его функции, и только тогда можно установить, к какой части речи принадлежит данное слово» [6: 45].

Китайский синтаксис характеризуется номинативным строем, а русский язык имеет характер глагольного типа. В большинстве китайских предложений есть подлежащее и сказуемое, причем в функции сказуемого часто выступает прилагательное или существительное. То, что в русском языке определяется как прилагательное и глагол, часто в грамматиках объединяется в более широкую категорию предикатива.

Порядок слов в китайском языке относительно фиксирован: определение всегда предшествует определяемому, предикативы тяготеют в предложении к конечной позиции, возможны перестановки слов (в определенных пределах), не меняющие их синтаксической роли. Предложение может иметь форму активной и пассивной конструкции. Китайский синтаксис обладает развитой системой сложных предложений, образуемых союзным и бессоюзным сочинением и подчинением.

Итак, прослеживается четкий вывод: русский и китайский языки являются радикально отличными по форме. Это не говорит о том, что их нельзя сравнивать, наоборот, они как раз и заслуживают внимательного сравнения, однако сравнение необходимо проводить на функциональной основе, выявляя в предложении функцию слова, формируя концептуальные понятия: субъект, предикат, объект, время, пространство, статика, динамика и др. [5: 15—20].

Что же касается методических традиций обучения русскому языку в Китае, то их мы конкретизируем, используя материалы диссертации Юй Тичжуана [8: 3–8]. По данным его диссертации:

— китайские учащиеся ориентированы прежде всего на получение информации о системе языка, а затем на практическое применение полученных знаний, т.е. формированию коммуникативной компетенции предшествует тща-

тельная языковая тренировка. В связи с этим привычной представляется опережающая презентация грамматического материала;

- предпочтение отдается такому виду речевой деятельности, как чтение. На основе чтения, которое сопровождается письмом, формируются другие виды речевой деятельности. Чтение используется как при введении лексики, грамматики, так и при обучении говорению. Обучение аудированию предпочтительнее организовать с опорой на печатный текст;
- тренировочные упражнения предполагают организацию тщательного контроля и коррекции, что является необходимым элементом учебного процесса. Использование различных видов тренировочных упражнений, построенных на предсказуемости ответа учащегося (анализ ответов проводится путем сравнения с эталоном, хранящимся в банке данных;
- предполагается активное использование родного языка учащихся: сопоставление двух языковых систем, необходимость использования языкового материала с помощью толкования и перевода;
- организация применения полученных знаний и умений в практике предполагает пролонгированную тщательную тренировку, контроль и коррекцию. Коммуникативная практика становится, таким образом, эффективной только после многочисленных тренировочных упражнений;
- прохождение каждой лексико-грамматической темы должно сопровождаться обильным визуальным материалом.

Для китайских студентов предпочтительны следующие особенности организации учебного процесса:

- спокойный, медлительный темп урока, позволяющий обдумывать учебный материал в ходе учебного занятия;
- активное использование технических и наглядных средств обучения (рисунков, схем, таблиц) для целей визуализации учебного материала и его семантизации и др.;
- наличие большого количества тренировочных упражнений, которые регулярно проверяются преподавателем:
- наглядное представление элементов культуры России живописи, фотографий, карт;
- включение языковых игр, прежде всего игр со словами, которые позволяют запомнить значение и употребление слов;
- огромное значение в ходе обучения русскому языку в китайских вузах уделяется контролю. Учащиеся пишут диктанты, сочинения, выполняют разные упражнения, в основном грамматического характера, которые проверяются преподавателем.

Итак, китайские учащиеся, приезжающие на обучение в вузы Российской Федерации, должны, чтобы жить и учиться, овладеть русским языком. Преподавателю же, работающему в китайской аудитории, следует учитывать тип языковой личности учащегося, особенности китайского языка (даже если он и не знает его), национальные методические традиции. Это значит, что не следует сразу начинать ломать привычные для китайских учащихся стереотипы обучения и с первых этапов обучения вводить привычный для русской методической традиции коммуникативный метод обучения. Конечно, учащиеся, живущие в условиях языковой среды, обречены говорить по-русски, и преподаватель должен им в этом помогать, но он также должен формировать систему русского языка и использовать ориентацию учащихся на овладение языком как системой, показывать целостную картину единиц языка, их место в общей системе и попытаться при объяснении учебного грамматического материала объяснять так, чтобы учащиеся смогли найти в родном языке соответствующие иероглифы.

В рамках статьи можно лишь фрагментарно очертить линвометодические основы обучения грамматике китайских учащихся:

- 1. Принципы коммуникативности и системности как основополагающие принципы методики не должны быть противопоставлены, они должны взаимно дополнять друг друга, причем принцип системности должен опережать. Что это значит? Без четкого понимания системы невозможно научить китайского учащегося русскому языку, обладающему сложной предложно-падежной, видовременной системой, порядком слов и другими типологическими особенностями. Поэтому, на наш взгляд, уже на начальном этапе обучения для формирования целостной системы русского языка целесообразно грамматику выделить в самостоятельный аспект.
- 2. Учитывая рационализм учащихся и их желание сразу увидеть общую картину системы языка, стоит наглядно на начальном этапе представить части речи, например в виде двух окружностей: самостоятельные части речи (рис. 1) и служебные части речи (рис. 2)¹. Затем в виде другой презентации показать, что такое существительное (рис. 3, 4) и что оно обозначает. Так же наглядно обозначить все остальные части речи. Китайским учащимся довольно трудно будет понять, почему в категорию существительных попадают слова, обозначающие признак,

действие, состояние, свойство, так как в русском языке принадлежность к существительному определяется по форме слова, а в китайском языке — по функции. Одна и та же морфема ∂a в китайском языке в одном предложении выступает в функции глагола, а в другом предложении, ос-

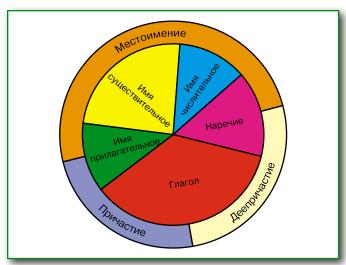

Рис. 1. Самостоятельные части речи

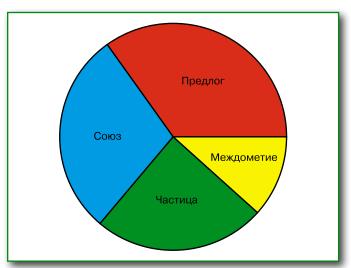

Рис. 2. Служебные части речи

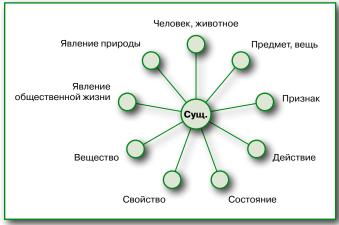

Рис. 3. Имя существительное

¹ Конечно, это не значит, что учащиеся сразу поймут и перенесут на свой язык специфику русских частей речи, но таблица поможет им наглядно ее представить, причем таблица (да и другие тоже) должна сопровождать учащегося длительный период обучения.

Имя существительное – это:

- человек, животное: мальчик, женщина, студент, студентка, медведь, собака
- **предмет, вещь**: телефон, книга, стол, словарь, окно
- признак: ум, успех, забота, выдержка
- действие: игра, ходьба, движение, прыжок, поступок
- свойство: холод, запах, жара, сила
- состояние: сон, тишина, здоровье, радость
- **вещество**: сахар, вода, лед, соль, чай, кофе
- **явление общественной жизни**: праздник, выставка, собрание
- явление природы: снег, дождь, гроза, туман

Рис. 4. Имя существительное

таваясь глаголом, выступает в функции дополнения: бить кого-либо и Он подвергся побоям [6: 46]. Поэтому признаки существительного, обозначенные на рис. 3, вводятся поэтапно: сначала с семантикой — человек, животное, как существительные одушевленные, и предмет, вещь, как существительные неодушевленные, затем на следующих этапах — признак, действие, состояние — по мере того, как учащиеся будут усваивать формы образования этих существительных и их функции в предложении.

- 3. В течение всего периода обучения объяснять и наглядно демонстрировать, как изменяются формы конкретного существительного и других изменяемых частей речи. Регулярно работать (используя умение заучивать наизусть) над парадигматикой изменяемых частей речи, т.е. учить склонять каждое существительное и др., спрягать каждый глагол. Традиционные таблицы изменения существительного по падежам, представленные в учебниках, тоже должны присутствовать на занятиях и в тетрадях (в компьютерах) учащихся, создавая общую картину, но, так как понятие русских частей речи еще не сформировано, необходимо разработать и представить таблицы другого типа, например изменение существительных всех типов в рамках одного падежа (рис. 5) и др.
- 4. В методике работы над падежной системой имен в первую очередь формировать умение учащихся понимать и самим задавать вопросы, затем требовать заучивать падежные окончания. Вопрос является универсальным средством, его используют носители всех языков, и особую роль вопрос приобретает в тех языках, где нет флективных показателей семантики и функциональной роли словоформы в предложении. Учащиеся, как правило, не запоминают названия падежей, так как морфологически падеж это форма, а форма падежа включает разные окончания, в зависимости от основы слова, и облада-

- ет множеством значений для выражения различных функций в составе предложения ситуация запутывает и пугает учащегося. Достаточно отметить, что родительный падеж включает на функциональном уровне более 57 различных значений.
- 5. Глагольные формы так же, как и формы существительного, местоимения, прилагательпричастия, числительного, учащимся необходимо постоянно заучивать. Следует подчеркнуть, что русский глагол включает продуктивные и непродуктивные классы, имеет разные формы спряжения, множество чередований, вследствие чего практическая грамматика в качестве одного из своих принципов (о котором, к сожалению, преподаватели в настоящее время по разным причинам забывают) всегда предполагала тщательную работу с каждым глаголом. Это важно потому, что, не имея глагольных окончаний в родном языке, учащиеся даже на старших курсах употребляют глагол в форме инфинитива: Я читать книга. И если европейцы не могут разобраться с видом русского глагола, то китайские учащиеся постоянно делают ошибки в употреблении форм времени и лица, видовые ошибки на этом фоне отступают на второй план.
- 6. В китайском языке формы единственного или множественного числа, предложно-падежные и видовременные формы выражаются разными иероглифами, разными словами и понятиями, а не формами одного и того же слова, как в русском. Поэтому китайскому учащемуся необходимо объяснять семантику русской словоформы. Например, форма родительного падежа в словосочетании книга стидента выражает принадлежность, владение/обладание, форма дательного падежа посылать книгу другу называет адресата действия и т.д. Принцип функциональности прописан в современной российской методике обучения русскому языку как иностранному, следует, однако, подчеркнуть, что преподаватели-практики недооценивают важное

Родительный падеж средний род Основа на твер--a Окно Окн**а** дый согласный Основа на мягкий Mope **М**ор**Я** -я Основа на гласный Упражнение Упражнени**Я** -Я Основа на мягкий Здоровье Здоровь**Я** -Я согласный

Рис. 5. Изменение существительных всех типов в рамках одного падежа

положение методики — любая грамматическая форма обладает обобщенной семантикой, которая должна быть объяснена учащемуся: практическая грамматика должна обладать объяснительной силой.

- 7. Синтаксис китайского языка значительно отличается от синтаксиса русского языка. Прежде всего надо работать над порядком слов в предложении. Не имея флективных окончаний, китайский язык располагает слова в предложении по типу «подлежащее - сказуемое - дополнение», и невозможно обратное словорасположение. Кроме этого, если в функции сказуемого выступает сочетание иероглифов, обозначающих существительное или прилагательное с глаголом ослабленной семантики, то глагол занимает конечную позицию. А нефиксированный порядок словорасположения в русском языке позволяет ставить в конечную позицию субъект, предикат, различные обстоятельства. И студент, не зная правил словорасположения, привносит в речь закономерности родного языка. Студенты не умеют отвечать на вопросы преподавателя, преподаватель получает односложный ответ, сохраняющий лишь рематическую часть высказывания.
- 8. Традиционная грамматика продолжает оставаться основой презентации в учебниках и учебных пособиях синтаксических конструкций, хотя в иностранной аудитории противопоставление категорий односоставности/двусоставности часто не срабатывает, и иностранец не может понять, почему У меня есть дача под Москвой - это двусоставное предложение, У меня нет дачи (под Москвой) - предложение односоставное. Переводя на родной язык предложения с семантикой наличия, обладания/отсутствия, учащиеся находят субъект и в первом, и во втором предложениях. Хотелось бы составить практический минимум основных типов предложений и показать учащемуся, по каким правилам распространяется предложение, и, хотя такие попытки предпринимались [3: 73-83; 4: 87-99], тем не менее проблема остается нерешенной. Типичные синтаксические структуры отражают внешний и внутренний мир человека, востребованными становятся и активизируются, как правило, синтаксические конструкции центра той или иной функционально-семантической категории. Так, например, для выражения определительных отношений в составе сложного предложения задействованы союзные слова: который, какой, чей, что, где и др. В речи иностранцы обычно употребляют лишь одну единицу: который (-ая, -ые).
- 9. Для иностранцев, и для китайских учащихся в частности, при анализе целесообразнее вводить такие термины, как субъект, предикат, объект и т.п., потому что термины являют-

- ся универсальными, причем, так как с первых шагов обучения студент встречается с предложениями типа: *Меня зовут...*, *Мне ... лет*, *Мне надо* в практику обучения вводятся понятия активного и пассивного субъекта: *Я хочу Мне хочется...* Пассивность функционирования в русском языке семантического субъекта обословливается внешними или внутренними причинами, часто не зависящими от человека, именно это обстоятельство отмечали Н.А. Бердяев, Д.Н. Овсянико-Куликовский, А. Вежбицка. При порождении речи учащимся необходимо следить, чтобы он правильно согласовывал формы в субъектнопредикатной структуре предложения, правильно употреблял формы времени и лица, падежа.
- 10. С методических позиций в работе с китайской аудиторией необходимо учитывать, что учащиеся-китайцы — визуалы. Конечно, в процессе восприятия и переработки грамматической информации работают все анализаторы: зрение, слух, ощущения, однако в силу множества различных причин приходится признать, что без опоры на зрительный канал китайские учащиеся плохо воспринимают информацию. На начальных этапах обучения учащиеся не воспринимают русскую речь на слух. Поэтому особое значение приобретает зрительная наглядность, в систему занятий необходимо включать большой спектр упражнений обучающего и контролирующего характера, цели и задачи следует формулировать четко, просто, ясно, рисуя перспективу продвижения вперед. Без опоры на письменную речь нельзя научить учащегося русскому языку - письменных заданий должно быть много. Студента необходимо приучить работать постоянно с ручкой в руках, активно привлекать его к созданию презентаций грамматического характера. Новые технологии позволяют легко трансформировать грамматический материал в схемы, таблицы и другие средства зрительной наглядности.
- 11. Тестирование оказывает мобилизующую роль, причем анализ ошибок, допущенных учащимися в тесте, играет положительную роль, так как позволяет вернуться к пройденному материалу.
- 12. Многократные повторения, заучивание наизусть, каждодневный строгий контроль, учет способностей китайских учащихся к целостному восприятию письменной информации и значительной скорости работы по ее осмыслению; высокий уровень развития интуиции, творческого воображения, образного мышления и мнемической способности, доминирование зрительного и зрительно-двигательного каналов восприятия и опора на письмо для лучшего запоминания языкового материала в конечном результате могут привести к хорошим результатам.

Литература

- 1. Владимирова Т.Е. О китайской языковой личности как субъекте общения // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2005—2006. № 1.
- 2. Иванов А.И., Поливанов Е.Д. Грамматика современного китайского языка. 5-е изд. М., 2007.
- 3. Кокорина С.И. О реализации структурной схемы предложения // Вопросы языкознания. 1975. № 3.
- 4. Крючкова Л.С. Русский язык как иностранный: синтаксис простого и сложного предложения. М., 2004.
- 5. Крючкова Л.С. Концептуализация грамматических фактов русского языка // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2009. № 3.
- 6. Ли Цзиньси. Синьчжоу гоюй юйфа. (Новая грамматика национального языка) // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXII: Языкознание в Китае. М., 1989.
- 7. Ма ши вэнь тун цзяочжу (Грамматика господина Ma) // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXII: Языкознание в Китае. M., 1989.
- 8. Юй Тичжуан. Методические основы лингводидактического тестирования по РКИ с помощью компьютерных технологий (в условиях китайского языкового вуза). Автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2008.

L.S. Kryuchkova

LINGUOMETHODICAL FOUNDATIONS OF TEACHING CHINESE STUDENTS GRAMMAR OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Language personality, introvertness of language personality, pragmatism, rationalism, domination of visual channel of perception, visual, principles of communicativity and systemization, parts of speech, syntax, word order, subject, predicate, object.

The paper deals with peculiarities of Chinese language personality, typological characteristic features of the Chinese language, traditions in methods of teaching Russian in China, and it suggests recommendations on methods of teaching Russian to Chinese students.

While teaching Chinese students principles of communicativity and systemization as basic principles of methods should not be put opposite to one another. As both of the languages belong to different typological systems one must for a long time form grammar system of he Russian language, i.e. morphology and syntax, using means of visual evidence and PC presentations.

Methodically speaking one must bear in mind while working in a Chinese classroom that the Chinese are a «visual» type students. They must rely on written speech, and without that a student would not learn Russian. Therefore there must be plenty of written tasks. Tests play a mobilizing role, and error analysis after the test allows returning to the covered material.

Multiple repetitions, learning by heart, everyday strict control, capabilities of Chinese students to integral perception of written information and considerable speed of its interpretation, high level of development of intuition and creative imagination, image thinking and mnemic abilities, domination of visual and visual-motor channels of perception and relying on written speech for better memorizing language material — all these may bring in the long run to better results.

Ле Минь Нгок

lengoc84@gmail.com

аспирант Московского государственного лингвистического университета, преподаватель факультета русского языка Ханойского университета

Ханой, Вьетнам

Сопоставительный диахронический анализ концепта «счастье» в русском и вьетнамском языках

Концепт «счастье», этнокультурный, диахронический анализ, сопоставление.

Сопоставительный анализ словарных дефиниций, а также текстов фольклора и художественной литературы, относящихся к разным эпохам, показывает, что в русской лингвокультуре процесс субъективизации концепта «счастье» произошел раньше и плавнее, чем во вьетнамской. Понятие субъективного счастья представляет собой плод европейского Просвещения с его ценностями индивидуализма, незнакомыми для вьетнамской коллективистскоориентированной культуры, поэтому его приход во вьетнамскую культуру в конце XIX — начале XX в. является показателем мировоззренческого переворота, произошедшего в душе носителей вьетнамской культуры того периода.

В последние годы моделирование концептов стало одним из наиболее активно развивающихся направлений российской филологии [5: 5]. Предметом исследований ученых-концептологов стали различные концепты — ментальные единицы, имеющие языковое выражение и обладающие этнокультурной и социокультурной спецификами. Описания и межъязыковое сопоставление содержания культурнозначимых концептов дают исследователям яыка и культуры полезные сведения о языковой картине мира разных народов. Одним из таких концептов является концепт «счастье».

Счастье можно рассматривать как философско-этическую категорию, психологический феномен, социологический критерий благополучия или лингвокультурный концепт. Что касается лингвокультурологических исследований, можно найти напоминание о проблеме счастья в работах по эмотиологии и концептологии. В русскоязычной лингвистической литературе можно перечислить работы С. Г. Воркачева [2, 3], О. М. Михайленко [6], И. Б. Русаковой [7], Н. А. Сегал [9], посвященные русскому концепту «счастье». В работах А. Вежбицкой можно найти отрывки, посвященные сопоставлению эмоции «счастье» и английской «happiness» [1: 356 - 360].

По нашему мнению, концепт, как и язык и культура, представляет собой развивающуюся сущность, поэтому представляет интерес для исследователей анализ концепта в диахроническом срезе. В данной статье мы излагаем результаты сопоставительного диахронического

анализа концепта «счастье» в русском и вьетнамском языках.

Анализ этимологии и современных словарных дефиниций лексем «счастье» и «hanh phúc» — имен концепта «счастье» в русском и вьетнамском языках, показывает, что в мировоззрении обоих народов концепт «счастье» проходит этап субъективизации. Первоначально счастье имело значение «благо извне», а позже появляется ставшее доминирующим значение счастья как субъективное психологически-духовное состояние.

- В Словаре Академии российской, изданном в 1822 г., лексема «счастье» имела два значения:
- удача, счастливый случай, счастливое происшествие;
- благополучие, благосостояние, благоденствие [10].
- В Толковом словаре живого великорусского языка Владимира Даля, изданном в 1882 г., было перечислено три значения лексемы «счастье»:
  - рок, судьба, часть и участь, доля;
- случайность, желанная неожиданность, талан, удача, успех, спорина в деле;
- благоденствие, благополучие, земное блаженство, желанная насущная жизнь, без горя, смут, тревоги; покой и довольство; вообще, все желанное, все то, что покоит и доводит человека, по убежденьям, вкусам и привычкам его [12].

Толковый словарь русского языка под редакцией Б.М. Волина и Д.Н. Ушакова

(1940 г.) дает уже четыре значения лексемы «счастье»:

- состояние довольства, благополучия, радости от полноты жизни, от удовлетворения жизнью:
- успех, удача (преимущественно случайная);
  - участь, доля, судьба (просторечное, обл.);
- «счастье» употребляется также как сказуемое главного предложения в значении «очень хорошо», «крайне приятно» [13].

Данные толковых словарей русского языка показывают переход от значения объективного к значению субъективного понятия у лексемы «счастье».

Такой «сценарий эволюции» концепта «счастье», отмеченный еще польским ученым В. Татаркевичем [11: 60-67], можно назвать культурно-универсальным. Национально-специфичным является то, как и когда в народной культуре произошел переход с понятия объективного счастья к понятию субъективного счастья.

Анализируя становление современного концепта «счастье» в русской лингвокультуре, С.Г. Воркачев говорит об отсутствии понятия субъективного счастья в наиболее раннем пласте паремиологических представлений крестьянской общины. В словаре пословиц и поговорок В.И. Даля [4] среди 99 паремиологических единиц с лексемой «счастье» нет ни одной, имеющей лексему «счастье» со значением «блаженство». Однако в словаре пословиц и поговорок русского языка В.П. Аникина [8] уже зафиксированы восемь паремий с лексемой «счастье блаженство»: «счастлив тот, у кого совесть спокойна», «Счастье не в кошельке, счастье в руках»; «К людям ближе - счастье крепче»; «Кто дружбу водит, счастье находит»; «Неволя счастья не дает»; «Паши нелениво – проживешь счастливо»; «Где правда, там и счастье» [2: 98-99].

Концепт субъективного счастья существовал в русской культуре уже в XVIII в. Об этом свидетельствует тексты художественных произведений, относящихся к тому периоду:

Мое состояние до тех пор несчастно будет, пока не исполнится мое главнейшее желание (Д.И. Фонвизин. Бригадир, 1768: действ. четвертое, явл. I). Здесь краткая форма прилагательного «несчастный» говорит об эмоционально-психологическом состоянии героя;

Здесь слово Софья. Я одним тобою могу на свете быть счастлива (Д.И. Фонвизин Бригадир, 1768: действие пятое, явл. V). В этом примере краткая форма прилагательного «счастливый» говорит о состоянии героини;

В нашем предместии очень много счастливых, ибо он научил нас находить счастие в добродетели и исполнении должностей наших, а не в удовольствовании ежечасных прихотей, которые никогда не кончатся (М.Н. Муравьев. Обитатель предместия, 1790). В данном примере прилагательное «счастливых» говорит о состоянии людей, а существительное «счастие» понимают как удовольствие, полученное в результате нравственной жизни.

Во всех перечисленных примерах слова с корнем «счаст» имеют значение «состояние радости, довольства».

Если в русском языке концепт «счастье» имеет одно «имя», значение которого постепенно переходило из объективного к субъективному понятию счастья, то во вьетнамском языке существуют две лексемы для обозначения счастья: «рhúс» и «hạnh phúc». Первую из них можно перевести как «благо, благополучие», а вторую как «состояние радости и удовольствия, чувство материальной или моральной удовлетворенности, когда осуществлены все желания» [20]. Другими словами, первая лексема — «рhúс» означает понятие объективного счастья, а вторая — «hạnh phúc» — понятие субъективного счастья.

«Рhúс» является категорией китайской философии. «Рhúс» является транскрипцией китайского слова 福 (фу). Оно встречалось еще в пятиканонии Конфуция¹. Что касается лексемы «hạnh phúc», то она является неологизмом, появившимся во вьетнамском языке в конце XIX — начале XX в. Проверка толковых словарей вьетнамского языка показывает, что лексема «hạnh phúс» не была зафиксирована в лексикографических источниках, изданных до 30-х гг. XX в. [14; 19]. Что касается других видов текстов, то лексема «hạnh phúс» также встречается только в текстах «модернизованной» литературы начала XX в.

На наш взгляд, появление новой лексемы «hanh phúc» для обозначения счастья во вьетнамском языке связано с необходимостью в номинализации нового понятия, пришедшего в национальную культуру извне. Как известно из истории Вьетнама, с 60-х гг. XIX в. Вьетнам стал колонией Франции, в связи с чем начался процесс аккультурации вьетнамской культуры французской. В результате этого процесса вьетнамская культура, сохраняя свою самобытность, приняла элементы французской культуры [15: 822–827]. В самом начале рас-

¹ В основу конфуцианского канона легло «Пять канонов» (шестой канон — «Юэ цзин» или «Канон музыки» — был утрачен еще в древности, во время репрессий Цинь Шихуана в конце 3 в. до н. э.). В 136 г. до н. э. Пятиканоние было признано основой официальной идеологии и системы образования в Китае (Кругосвет. Онлайн энциклопедия. http://www.krugosvet.ru. Статья «Ши сань цзин»).

пространение новой западной культуры получило резкое сопротивление со стороны народа, так как она была культура захватчиков. Однако безуспешные попытки борьбы с колонизаторами привели патриотическую интеллигенцию Вьетнама к осознанию того, что единственно возможный путь борьбы лежал в модернизации страны. Причины поражения народа видели в старых социальных устоях и системе мировоззрения, основанной на конфуцианстве, которые заковывали креативный потенциал человека и препятствовали прогрессу. Убеждение вьетнамских патриотов было подкреплено примером Японии, которая путем следования Западу не только сохранила свой суверенитет, но и стала новой державой. Обращенность к Западу была характерна для соседнего Китая, находившегося в тот период также перед угрозой колонизации. Философы Китая того периода написали работы, посвященные переосмыслению конфуцианства и размышлению над идеями западной философии. Через работы китайских авторов интеллигенция Вьетнама впервые ознакомилась с достоянием западной культуры. Вьетнамский культуролог Фан Нгок пишет, что до 1925 г. открытое или секретное введение западной философии и идеологии во Вьетнам осуществлялось через китайские источники, поэтому все новые географические названия и имена известных людей были транскрипциями с китайского языка [18: 55]. Кроме того, через китайские источники во вьетнамский язык вошло большое количество терминов и слов, обозначающих новые реалии. Это объясняет тот факт, что большую часть терминов во вьетнамском языке составляют китаизмы, или транскрипции с китайского языка. Лексема «hanh phúc» вошла во вьетнамский язык в тот период как китаизм, обозначающий философско-этическую категорию.

Второй путь приобщения к западной культуре был проложен поколением вьетнамской интеллигенции, получившим французское образование в колониальных школах. Они привнесли в национальную культуру плоды французского и европейского просвещения, последние научные достижения, элементы европейского мироошущения и мировоззрения.

Культуролог Фан Нгок пишет, что, хотя вьетнамская культура находилась под прямым влиянием французской культуры в течение всего шестидесяти лет, за это время она пережила больше изменений, чем за две тысячи лет коммуникации с китайской культурой. Это объясняется тем, что французская и вьетнамская культуры принадлежали совсем разным типам, содержащим в себе несовместимые идеалы и ценности и принятие некоторых элементов французской культуры означало отрицание тра-

диционных вьетнамских ценностей. До французской колонизации система образования во Вьетнаме была основана на учении Конфуция. Основная работа учеников в школе – слушание интерпретации древних канонов и их выучивание. Система образования отрицала любую возможность сомнения и критики старых предписаний. Цель учебы - сохранить и передавать следующим поколениям старые традиции и порядки, воспитать в человеке «персону» (persona - термин по [18: 107]). Данный термин, от латинского «persona» - «маска артиста», означал социальное лицо человека. Самое главное в человеке - не его ум или индивидуальность, а то, как он ведет себя с другими членами общества. Если в разных социальных ситуациях человек исполняет свою роль в соответствии с заданными предписаниями, он хороший человек. В отличие от вьетнамской французская культура была культурой рационализма и универсализма, противоречащей всем шаблонам и высоко ценившей человеческую личность. Дух рационализма, требующий от человека всегда анализировать, сомневаться и проверять полученное знание, произвел переворот в сознании вьетнамцев, получивших французское образование. Именно в период начала ХХ в. во французских школах впервые молодое поколение вьетнамцев посмело сомневаться в абсолютной истинности положений конфуцианства и узнало такие понятия, как наука, демократия, свобода, закон, прогресс, рыночная экономика и, самое главное, понятие о человеческой личности.

Французская литература была также одним из источников распространения новой культуры. В 1884 г. появились первые переводы произведений французских писателей, и до 1939 г. были переведены 300 произведений французских поэтов. [17: 33-76; цит. по 16: гл. 4]. Говоря о влиянии французской литературы на вьетнамскую, вьетнамский исследователь Фам Дан Бинь пишет, что большинство лирических произведений, переведенных на вьетнамский язык в период конца XIX в. и трех первых десятилетий XX в., относились к направлению романтизма. Темой этих произведений были в основном такие веши, как грусть перед безвозвратным течением времени, перед бренностью человеческой жизни и неумолимостью судьбы

Под влиянием французской литературы во вьетнамской литературе возникло течение романтизма, представители которого образовали литературный союз Ты Лык Ван Доан. Тема произведений Ты Лык Ван Доан — борьба между традиционными ценностями феодального конфуцианского общества и ценностями человеческой личности. Главное противоречие в этих

произведениях— стремление к личному счастью и обязанность соблюдать традиции. В этих произведениях можно найти лексему «hanh phúc», значение которой связано больше всего с понятиями «любовь» между мужчиной и женщиной и «семья».

Приводим примеры из произведений писателей «Ты лык ван доан»:

Rồi Loan ngồi sát gần Thân, dịu lời nói:

— Vợ chồng lấy nhau cũng mong lập lên một gia đình có hạnh phúc (Nhất Linh. Đoạn tuyệt, phần 2, chương 8). (Рус.: Тогда Лоан присела к Тхану и нежно сказала: «Мы стали мужем и женой, желая создать счастливую семью» (Ньат Линь. Отречение: часть 2, глава 8);

Vậy bây giờ em nhờ chị dò xét ý tứ Loan va viết thư cho em biết. Em rất mong đợi, vì hạnh phúc đời em ở cả bức thư của chị (Nhất Linh. Đoạn tuyệt, phần 3, chương 26). (Рус.: Поэтому теперь я прошу вас разузнать, чего желает Лоан, и написать мне. Я очень жду вашего письма, счастье моей жизни зависит от него (Ньат Линь. Отречение: часть 3, глава 26);

Chua một lần nào về Hà Nội, dẫu tới kỳ nghỉ hu cũng vậy. Bốn người cùng nhau hưởng hạnh phúc êm đềm ở một nơi ẩn dật. (Nhất Linh. Nửa chừng xuân: Chương 11). (Рус.: Они ни разу не приезжали в Ханой, даже во время летних каникул. Вчетвером они наслаждались тихим счастьем в своем уголке отшельничества (Хай Хынг. Половина счастья: глава 11).

Таким образом, диахронический анализ материалов, содержащих лексемы «счастье» и «hanh phúc», позволил выявить культурно-универсальные и национально-специфические черты концепта «счастье» в русской и вьетнамской культурах. Можно сказать, что в русской лингвокультуре процесс субъективизации концепта «счастье» произошел раньше и «плавнее», чем во вьетнамской. Появление лексемы «hanh phúc» и соответственно понятия субъективного счастья во вьетнамском языке отражало мировоззренческий переворот во вьетнамской культуре, когда в национальную культуру были привнесены ценности западной культуры.

Литература

- 1. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. Пер. с англ. М., 1996.
- 2. Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М., 2004.
- 3. Воркачев С.Г. Концепт счастья: понятийный и образный компоненты // Известия РАН. Серия лит-ры и языка. 2001. Т. 60. № 6.
- 4. Даль В.И. Пословицы и поговорки русского народа. М., 2001.
- 5. Карасик В.И., Стернин И. А. Предисловие // Антология концептов / Под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. М., 2007.
- 6. Михайленко О.М. Лингвоэтическая картина мира: концепты «счастье» и «блаженство» как семантические дуплеты. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2006.
- 7. Русакова И.Б. Концепты «счастье» «несчастье» в лингвокультурном содержании русских пословиц. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007.
- 8. Русские пословицы и поговорки / Под ред. В.П. Аникина. М., 1988.
- 9. Сегал Н.А. Структурно-семантическая организация ключевого слова *счастье* (опыт лексикографического описания). Источник: http://workinggroup.org.ua/publsegal1.shtml
- 10. Словарь Академии российской. Т. 6. СПб., 1822.
- 11. Татаркевич В. О счастье и совершенстве человека. М., 1981.
- 12. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. М.-СПб. 1882.
- 13. Толковый словарь русского языка / Гл. ред. Б.М. Волин и Д.Н. Ушаков. Т. 4. М., 1940.
- 14. Đại Nam quấc âm tự vị. Huình Tịnh Paulus Của. Sai Gòn: Imprimerie Rey, Curol & Cie, 1895. 596 tr.
- 15. Hữu Ngọc. Lãng du trong văn hóa Việt Nam. Ha Nội: NXB Thanh niên, 2007, 1048 tr.
- 16. Nguyễn Phú Phong. Việt Nam, chữ viết, ngôn ngữ và xã hội. Link: http://chimviet.free.fr/vanhoc/vnchuviet/npph02_phan1ch01.htm
- 17. Phạm Đán Bình. Romantisme vietnamienne et poésie française. Cahiers d'Etudes Vietnamiennes, 10, 1989–90, 33–76.
- 18. Phan Ngọc. Bản sắc văn hoá Việt Nam. Hà Nội: NXB Văn hoá Thông tin. 1998.
- 19. Từ điển Annam-Lusitan-Latinh (thường gọi từ điển Việt-Bồ-La) Alexandre de Rhodes. Phiên dịch Thanh Lãng, Hoang Xuân Việt, Đỗ Quang Chính, NXB KH XH, 1991.
- 20. Từ điển tiếng Việt. Hoang Phê chủ biên. Ha Nội Đa Nẵng: NXB Đa Nẵng. TT Từ điển học, 2003.

Le Minh Ngoc

COMPARATIVE DIACHRONIC ANALYSIS OF THE CONCEPT «HAPPINESS» IN THE RUSSIAN AND VIETNAMESE LANGUAGES

The concept «happiness», ethnocultural, diachronic analysis, comparison.

Comparative analysis of dictionaries' definitions and also texts of folk-lore and belles-lettres belonging to different epochs shows that in the Russian language culture the process of subjectivation of the concept *happiness* occurred earlier and more smoothly than in the Vietnamese one. The notion of subjective *happiness* was a *fruit* of the European Enlightment with its values of individualism. Those were unknown to the collective oriented Vietnamese culture, that is why its penetration to the Vietnamese culture in the end of the XIX $^{\rm th}$ - beginning of the XX $^{\rm th}$ centuries marked a spiritual turnover of the Vietnamese people of that period.

Т.В. Макаревич

tmakarevich@mail.ru

аспирант, ст. преподаватель кафедры иностранных языков Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина

Москва, Россия

Языковые особенности текста учебной лекции, обусловленные устной формой ее реализации

Аудирование, лекция по специальности, устная реализация текста, разговорная речь; языковые особенности, влияющие на понимание.

Устный научный текст противоречив по своей природе. С одной стороны, текст учебной лекции относится к научному стилю речи, его содержание заранее планируется лектором, структура четко организована. С другой стороны, устная реализация текста лекции обусловливает появление целого ряда языковых особенностей (лексических, синтаксических), характерных для разговорной речи. Настоящая статья посвящена языковым особенностям текста лекции, обусловленным ее устной реализацией. Особый интерес вызывает вопрос влияния упомянутых особенностей устного научного текста (заполнителей молчания, лексических повторов, идиом, разговорных слов; инверсивных, эллиптических и других конструкций) на восприятие и понимание учебной лекции иностранными учащимися.

Важнейшими источниками приобретения знаний по специальности для студентов-иностранцев являются, с одной стороны, учебная литература по общеобразовательным и специальным дисциплинам, а с другой — учебные лекции. В современной лингводидактике лекция определяется как вид монологической речи, устное изложение программной темы учебного предмета, она является одной из форм распространения научных знаний [4].

Аудирование учебных лекций вызывает большие трудности у иностранных учащихся. Преподаватели, работающие на первых курсах вузов, отмечают, что студенты-иностранцы, обучающиеся на первом курсе, хорошо знают теоретически русскую грамматику, имеют большой запас слов, но плохо воспринимают русскую речь и поэтому часто совершенно не понимают содержания лекций по специальным дисциплинам, которые читаются в нормальном темпе, с обычной интонацией, свойственной русской речи.

Как показывают результаты анкетирования первокурсников, сами учащиеся также очень низко оценивают свою подготовленность к аудированию лекций по специальности на русском языке. Такая ситуация вполне объяснима, ведь процесс аудирования лекций происходит в условиях коммуникативного отстояния, т.е. несовпадения уровня языка лектора и студентов-иностранцев [7], а сами навыки аудирования (одного из самых сложных видов речевой деятельности) зачастую не сформированы у студентов, недавно окончивших факультет довузовской подготовки.

Остановимся на первом аспекте проблемы. В методической и психологической литературе, посвященной проблеме обучения аудированию на иностранном языке, указывается, что процесс понимания речевого сообщения во многом зависит от принадлежности его к монологической или диалогической речи. В стилистике существует точка зрения, что лекция принадлежит к письменной речи. Шарль Балли писал, что лектор всегда пользуется письменной речью [2]. Эта же мысль высказывается и в работах отечественных исследователей. Так, А.Н. Гвоздев отмечает, что учебная лекция относится к книжному стилю несмотря на то, что ее текст произносится [3]. В этом вопросе мы разделяем точку зрения, выраженную в работах Н.И. Соболевой, Т.Г. Мухиной, Е.И. Мотиной [13; 11; 10], которая заключается в том, что в большинстве случаев ни один лектор не прочитывает, т.е. не озвучивает написанный заранее текст, а продуцирует его. И несмотря на то, что содержание лекции известно говорящему и готовится им заранее по книжно-письменным источникам, отбор языковых средств происходит в процессе чтения лекции, т.е. лекция строится по законам порождения устной речи, что обусловливает наличие в тексте лекции огромного количества разговорных элементов. Таким образом, устная форма научной речи (к которой и относится учебная лекция) представляет собой стилистический пласт, в котором объединены черты научного стиля и разговорной речи [10].

Устная форма функционирования учебной лекции служит причиной появления целого ряда

факторов, которые могут как облегчать, так и затруднять понимание лекции. Эти факторы подробно описаны в диссертационных исследованиях О.С. Кузиной, Н.А. Павловой, Н.И. Соболевой, посвященных проблеме обучения аудированию [8; 12; 13].

Проанализировав эти факторы, мы пришли к выводу, что в учебных целях их целесообразно систематизировать следующим образом — диалогизация текста происходит на трех уровнях:

- на уровне структурной организации,
- на уровне лексики,
- на уровне синтаксиса.

Мы записали на диктофон несколько лекций по дисциплине «Современный русский язык», которые читались студентам (в том числе иностранным) на первом курсе филологического факультета Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина. Анализ текстов лекций позволил выявить особенности текста учебной лекции, обусловленные устной формой ее реализации. В статье приведены примеры из лекций по «Лексикологии» для студентов-филологов первого курса. Рассмотрим их.

I. Опоры восприятия и понимания учебной лекции на уровне структурной организации

В условиях аудирования лекторской речи необходимо создать направленность мыслительной деятельности студентов на смысловую, содержательную сторону речевого сообщения. Следует облегчить процесс вхождения в текст, помочь слушающим распределять внимание в зависимости от смыслового содержания предъявляемой информации. Анализ лекций показал, что в тексте лекции существуют ориентиры, или опоры, которые могут быть выражены словами или целыми предложениями. Такие опоры обеспечивают направленность внимания, необходимую для успешного процесса восприятия сообщения; помогают слушающим находить главную информацию, прогнозировать по начальной фразе последующее содержание. К ним относятся:

1. Заглавия подтем

Тема: Синонимия. Подтемы: Фразеологическая синонимия; Морфологическая синонимия; Словообразовательная синонимия.

Основными функциями, по мнению Н.П. Харченко, являются информативная и конспективная [15]. На наш взгляд, наиболее важной для восприятия и понимания лекции является *ориентировочная* функция [13], поскольку заглавия помогают студентам лучше *ориентироваться* в структуре текста.

2. Риторические вопросы

Ориентировочную функцию выполняют и риторические вопросы, помогая студентам на-

учиться концентрировать внимание на наиболее важных элементах сообщения, выделять *frame* (рамку) аудиотекста:

Что такое синонимы?

Что такое система? Почему эти значения так называются?

Что это такое — немотивированные значения? Что это значит?

Совершенно очевидно, что в этой ситуации преподаватель, объясняя новую тему не может требовать от студентов развернутого ответа, и студенты понимают, что за таким вопросом последует изложение нового материала.

3. Предложения-указатели

Предложения-указатели, выполняющие в тексте лекции установочную функцию, могут быть представлены:

а) побудительными предложениями:

Давайте запишем это значение слова! А дальше пишем подзаголовок темы; Пишем! А дальше пишем...; Запишите себе... и пр.;

б) глаголами повторить, напомнить, идти, перейти, сделать вывод и др.:

Сейчас мы с вами <u>перейдем</u> к...; <u>Напоминаю</u> вам, что...; И вот какой мы можем <u>сделать вывод...</u>

Перечисленные глаголы часто сопровождаются словами *так*, *теперь*, *потом*, *дальше*, *позже*, *раньше*, которые могут употребляться и изолированно, сохраняя ту же функцию:

Теперь перейдем к следующему вопросу.

Так, идем дальше!

Потом - такой вопрос...

Вот об этом поговорим чуть $\underline{nозжe}$ $no\partial poб-$ нее.

Раньше мы с вами уже говорили об этом.

В предложениях-указателях достаточно часто встречаются прилагательные новый, следующий, предыдущий, которые помогают студентам ориентироваться в структуре текста лекции:

Ну а дальше у нас <u>новая</u> тема, которая называется «Лексическое значение слова и его типы».

Так, переходим к <u>следующему</u> типу значений.

<u>Предыдущее</u> значение слова тесно связано с этим (значением. -T.M.).

В предложениях-указателях, а также в риторических вопросах, рассмотренных нами ранее, находит отражение важнейший признак публичной речи — ее «адресованность», обращенность, направленность на адресата [9]. Роль адресата в текстопорождении трудно переоценить, поскольку очевидно, что «адресованный текст обладает большей силой воздействия на воспринимающего, чем текст безадресный» [16: 17]. Неслучайно Н.И. Формановская называет студенчес-

кую аудиторию активным субъектом общения, интерпретатором текста лекции, несмотря на то что продукт деятельности (понимание сообщения) внешне не выражен [16]. Такому активному участию в процессе восприятия звучащего текста способствует контактность с аудиторией, достигаемая лектором посредством использования побудительных предложений, форм 1-го и 2-го лица, риторических вопросов (примеры представлены выше).

Перечисленные выше ориентиры восприятия дают студентам представление о структуре лекции в целом, но, как показал анализ звучащих лекций, существуют ориентиры и более мелкого порядка, это опоры на уровне отдельных предложений.

К ним относятся слова, указывающие на количество рассматриваемых в лекции явлений и их последовательность: во-первых, вовторых; 2 вида, 3 типа, первое значение слова и ∂p .

Слово «солнце» в русском языке имеет <u>четы-</u> ре значения, запишем их.

Еще <u>один класс</u> значений — это мотивированные и немотивированные.

Так, еще <u>один тип</u> значений — конкретные и абстрактные лексические значения.

II. Лексика лекций по специальности сама по себе представляет огромные трудности для студентов-иностранцев. Так, О.С. Кузина в своем диссертационном исследовании анализирует лексические трудности лекций филологического профиля. Автор выделяет 11 групп слов, трудных для восприятия, среди них термины, синонимы, омонимы, архаизмы, фразеологизмы, интернациональные слова; известные слушателям слова, но употребляемые в новом значении и пр. [8].

Мы в своем анализе рассмотрели лишь те лексические факторы, которые обусловлены диалогизацией текста лекции. К ним относятся:

1. Разговорно-просторечные слова, фразеологизмы, эмоциональноокрашенные слова, с которыми иностранные студенты не знакомы:

Это слово «система» возьмите его на вооружение! (фразеологизм).

Ну не могу я <u>на пальцах объяснить</u>, кто такой медведь! (фразеологизм).

Эти языковые особенности затрудняют понимание учебных лекций по специальности ино-

странными студентами, так как к окончанию факультета довузовской подготовки они владеют лишь минимумом общеупотребительных и общенаучных языковых явлений.

2. Слова—заполнители молчания, или «пустые слова», которые дают возможность лектору подобрать нужное слово, сформулировать мысль: так сказать, вот, ну, скажем, видимо, конечно, вообще-то, практически, на самом деле, в принципе и пр.

Примеры: Абстрактное значение — это то, что увидеть нельзя, <u>какая-нибудь</u> смелость.

Лексическое значение — это то, что можно связать с конкретным <u>каким-то</u> <u>примером</u> (разговорное слово «какой-то» и оговорка — «примером» вместо «предметом»).

Слово «книга» имеет вполне такое номинативное значение, т.е. слово называет этот предмет.

Слово «идти» вообще-то имеет 25 лексичес-ких значений.

Эти слова-синонимы всегда имеют <u>какой-то</u> оттенок, <u>какой-то</u> нюанс, иначе зачем они были бы нужны? (о функции лексических синонимов в языке).

Интересен вопрос влияния подобных слов на понимание лекции. Исследователи отмечают, что слова—заполнители молчания, осложняя предложение, могут отвлекать внимание слушателей от главной мысли [8; 12; 13].

Однако проведенный анализ звучащих лекций позволил выявить следующую закономерность: разные лекторы, употребляя подобные лексемы, выделяли их интонационно, благодаря чему их речь становилась более выразительной, что, безусловно, позволяло активизировать внимание слушающих, способствовало лучшему пониманию сообщения. Кроме того, эти слова делают речь преподавателя более естественной, приближают ее к условиям реальной коммуникации, способствуют установлению контакта с аудиторией. Это не значит, однако, что мы рекомендуем намеренно использовать такие слова в тексте учебной лекции. Их положительное влияние на процесс восприятия объясняется именно спонтанностью лекторской речи, естественностью их употребления. Только в этом случае их возникновение в тексте учебной лекции можно считать оправданным.

3. Дублирующие местоимения и существительные: он, она, оно.

Помните, я говорила, вся <u>терминология</u> лингвистическая, ну практически вся, лингвистическая в русском языке, <u>она</u> восходит к латинским или греческим словам.

Так, ну посмотрите, прямое значение у слова «рука» только первое, все остальные <u>значения</u>, они переносные.

 $^{^{\}rm 1}$ Преподаватель говорил о сочетаемости глагола «идти» с существительными:

[«]Вы знаете, что человек может идти, как вы думаете, кто еще может идти? Медведь может идти? Как? Вы не знаете, кто такой медведь? Бурое, мохнатое животное. *Ну не могу я на пальцах объяснить, кто такой медведь!*»

Так, пишем, <u>полисемия она</u> возникает в результате развития лексического значения.

III. Синтаксис

В.И. Аннушкин справедливо отмечает, что коммуникативное отстояние уровня владения языком лектора и студентов диктует необходимость оптимального использования синтаксических средств в тексте учебной лекции: «Особые трудности лекционного изложения в преподавании русского языка иностранцам заключаются в том, что лектор должен соотнести свою речь с характером аудитории (общериторическое требование) и, учитывая ограниченные лексические знания студентов, пользоваться ограниченным словарем, что требует от него определенных речевых умений в создании оптимального и целесообразного синтаксиса речи» [1: 74].

Синтаксические особенности лекторской речи представляются нам наиболее трудными с точки зрения аудирования иностранными учащимися. Если факторы на уровнях смысловой организации и лексики в определенном смысле могут облегчать понимание лекции, то факторы на уровне синтаксиса, напротив, осложняют его. Остановимся на причинах, вызывающих это явление.

1. Как мы отмечали выше, лекция является продуктивной формой речи [5].

Читая лекцию, преподаватель может изменить программу высказывания, ориентируясь на аудиторию и ситуацию. В связи с этим происходит перестройка предложений, появляется необходимость в различных добавлениях, уточнениях, исправлениях. Это приводит к появлению в лекторской речи вставных и вводных конструкций, которые затрудняют понимание лекций иностранными студентами. Как отмечают психологи (Жинкин, Зимняя), в случае перестройки предложения по ходу изложения мысли нарушается действие механизмов вероятностного прогнозирования (слушающий затрудняется предугадать последующее) и осмысления (потеря нити повествования, нарушение логических связей) [5; 6].

Рассмотрим пример:

Синонимия бывает не только лексическая, но и — <u>а дальше я продолжаю, напишите одно под другим, оставив место для примера</u>, — но и словообразовательная — так, <u>вы оставляете место для примера</u> — морфологическая, фразеологическая, когда я поясню это примерами, станет понятно.

Здесь отступление от основной нити повествования обусловлено необходимостью дать установку слушающим. Те же установки, представленные отдельно, способствовали бы направленности внимания учащихся, однако в нашем

случае, разбивая предложение в нескольких местах, они отвлекают студентов от его основного содержания.

Рассмотрим другой пример:

Что такое многозначность?

Если больше одного <nayза> — вы уже сами догадаться можете, слово вам подсказывает, корни слова содержат уже ответ на мой вопрос, — что если больше одного, то это слово многозначное.

В данном случае предложение осложнено большой вводной конструкцией, кроме того, в основной части предложения пропущен важный для понимания элемент — слово «значение» (эллиптичность).

«Креативный» означает «творческий», однако тут два контекста употребления: если это словосочетание, например «креативный директор» — уже существует такая должность, если раньше мы бы удивились, услышав такое, то теперь вполне распространена эта должность, никого не удивишь такими заимствованными названиями из английского, — так вот это нормально, «креативное мышление», «креативный подход», «творческий подход» — это нормально. В разговорной речи опять же кто-то там «креативный», да еще и с насмешкой, это не всегда хорошо, хотя само по себе «творческий» это замечательно.

Носитель языка может понять смысл этого сообщения: преподаватель пытался объяснить, что заимствованное из английского языка слово «креативный» в некоторых случаях может обладать отрицательной коннотацией («креативный» о человеке), в то время как его эквивалент в русском (слово «творческий») всегда носит положительный оттенок. Наличие большой по объему вставки в первом предложении компенсируется избыточностью на уровне слов – преподаватель повторяет слово «нормально», выделяя его интонационно, благодаря чему студенты могли догадаться о положительной коннотации слова «креативный» в определенных сочетаниях. Второе предложение, скорее всего, не было адекватно воспринято слушающими (крупная по объему вставка в предыдущей фразе, слово «насмешка», с которым студенты незнакомы, нелогичность построения предложения – все это отрицательно влияет на его восприятие.

Наличие вставок и вводных конструкций представляется нам самым сложным фактором, затрудняющим понимание. Очевидно, что такие предложения сложны даже для восприятия слушающими, для которых русский язык является родным, не говоря уже о студентах-иностранцах.

К факторам, определяющим адекватность восприятия и понимания звучащих предложе-

ний, относятся также синтаксическая структура предложений и их длина.

Психология располагает данными, что наиболее оптимальными для восприятия на слух являются предложения длиной до 11 слов, ухудшение восприятия начинается с 14-15 слов в предложении. Одно предложение, осложненное придаточными, причастными или деепричастными оборотами воспринимается хуже, чем несколько простых предложений равной длины [13]. Многие лекторы (в основном те, кто читает лекцию с листа, а не продуцирует ее), руководствуясь научным стилем речи, используют сложные синтаксические конструкции, сложноподчиненные предложения с несколькими придаточными. Такой текст, безусловно, вызывает огромные трудности у студентов-иностранцев, в этом случае сложная форма отвлекает внимание слушающих от содержания сообщения.

2. Повторы.

Особый интерес представляют повторы, ведь они могут как улучшать, так и затруднять понимание лекции. Повторы без изменений являются фактором, облегчающим аудирование, поскольку создают необходимую избыточность (на уровне слов и словосочетаний):

< ... > y одного и того же слова появляются все новые и новые значения.

Однако видоизмененные повторы вызывают дополнительные трудности у иностранных студентов, так как могут восприниматься ими как описание нового явления или понятия.

Приведем примеры видоизмененных повторов:

И, таким образом, мы пишем фразу: <u>синонимия</u>, как языковое явление бывает не только лексическая, но и — а дальше я продолжаю — <...> синонимия, <u>т.е. сходство</u>, <u>близость</u>, синонимия как языковое явление бывает не только <u>лексическая</u>, <u>т.е.</u> <u>синонимами могут быть не только конкретные слова</u>...

В.И. Аннушкин, говоря о целесообразности использования повторов в устной научной речи, отмечает, что повтор может способствовать коммуникации или, напротив, мешать ей, будучи «тавтологией». Тавтологический повтор нежелателен и является следствием либо психологических трудностей, с которыми сталкивается оратор (поиск содержательного материала, необходимость заполнять паузы обдумывания), либо с отсутствием у лектора выработанных навыков и умений оптимального стилистико-синтаксического построения речи.

Оптимизации процесса коммуникации повтор способствует в следующих случаях:

1) если повтор «употреблен в стилистической фигуре как сознательный ораторский прием говорящего, повышающий выразительность речи»;

- 2) если повтор служит «средством связи в тексте, не вызывающим активного оценочного отношения со стороны речедеятелей <...> Таким образом, основанием для отделения стилистического повтора в фигуре речи от тавтологического является осознанность риторической задачи и умелое осуществление речевых действий» [1: 76].
- 3. Неполные эллиптичные конструкции могут также вызывать затруднения у иностранных учащихся, поскольку им приходится восстанавливать пропущенные элементы сообщения:

Номинативные значения — <u>нельзя объяснить,</u> почему так названы.

Дело в том, что появляются новые предметы и явления — <u>надо назвать!</u>

Причем в русском языке <u>не делится</u>, как, например, в английском, слово «рука», «рука» это и есть «рука», действительно, от плеча до кончиков пальцев ^{2} .

4. Инверсивный порядок слов, который достаточно часто встречается в лекторской речи:

Обладают такие слова совершенно разными значениями;

И вот так развивались новые лексические значения слова «лист».

И совершенно нельзя объяснить, почему вот названо этим словом.

Таких примеров встретится нам огромное множество.

Из английского языка слово это пришло (о слове «креативный»).

Очень часто инверсивный порядок слов встречается в вопросах, обращенных к аудитории:

Как вы думаете, когда появилась письменность, какое значение у слова «лист» появилось?

По-другому как называется многозначность?

Такие конструкции затрудняют процесс восприятия, поскольку вступают в противоречие с механизмом вероятностного прогнозирования.

К ориентирам восприятия и понимания лекторской речи относятся также экстралингвистические факторы, такие как интонация, паузы, ритм, замедление темпа, большая расчлененность фразы (при сообщении наиболее важной информации) и особенно логическое ударение, которым выделяются опорные слова.

Это помогает лектору имитировать естественные условия принятия информации на родном языке, создать естественную избыточность речи.

Употребление разговорных конструкций безусловно является нарушением норм письменной речи, но чрезвычайно распространено в устной.

Все чаще исследователи звучащей речи, и в частности устной научной речи, обращают внимание на тот факт, что подобного рода от-

² Преподаватель пытался объяснить, что английским словам *arm* и *hand* в русском соответствует одно слово *рука*.

клонения от норм письменной речи не единичны, не ошибочны, а закономерны и связаны не с неграмотностью лектора, а с законами устной реализации текста, с экстралингвистическими факторами проявления устной публичной речи.

Письменный научный текст с элементами разговорной речи будет восприниматься как необычный, нарушающий норму стиля (никем из ученых не зафиксировано ни одного случая обращения к разговорным элементам в письменных научных текстах). Однако устный научный текст, полностью лишенный элементов разговорной речи, будет также восприниматься как отклонение от речевого узуса, как озвучивание написанного, он будет казаться «сухим». Мастерство лектора, на наш взгляд, заключается в стремлении к золотой середине, в умелом сочетании средств устной формы речи, обеспечивающих контактность с аудиторией, с правильностью и доступностью изложения.

В заключение мы предлагаем ряд методических рекомендаций, необходимых, с нашей точ-

ки зрения, для оптимизации процесса восприятия и понимания речевого сообщения:

- 1. Выделение в лекции опор, служащих ориентирами понимания содержания лекции. К ним относятся заглавия подтем, предложения-указатели, риторические вопросы, речевые сигналы; интонация, паузы, ритм, логическое ударение, расчлененность фразы.
- 2. Стремление к полному пониманию лекции предусматривает заботу лектора о доступности языкового материала, что обеспечивается использованием упрощенных морфолого-синтаксических структур, выделением отдельных слов, терминов в процессе чтения лекции.
- 3. Учет речевого опыта и знаний учащихся, стремление к максимальной адаптации предъявляемого материала как в языковом, так и в композиционном плане.
- 4. Стремление к наибольшей выразительности речи, использование фонетических выразительных средств (голоса, артикуляции, интонации).

Литература

- 1. Аннушкин В.И. Повтор как ораторский прием и средство построения стилистической фигуры в УНР// Современная устная научная речь / Под ред. О.А. Лаптевой. Т. III. Текстовые, лексико-грамматические и словообразовательные особенности. М., 1995.
- 2. Балли Ш. Французская стилистика. М., 1961.
- 3. Гвоздев А.Н. Очерки по стилистике русского языка. М., 1965.
- 4. Глухов Б.А., Щукин А.Н. Термины методики преподавания русского языка как иностранного. М.,1993.
- 5. Жинкин Н.И. Мышление и речь. М., 1963.
- 6. Зимняя И.А. К вопросу о восприятии речи: Дис. ... канд. пед. наук. М., 1961.
- 7. Клычникова З.И. Психологические основы процесса научения чтению. М., 1969.
- 8. Кузина О.С. Обучение студентов-иностранцев аудированию учебных лекций по специальности (на материале курсов лекций по «Введению в языкознание» и «Введение в общую филологию»): Дис. ... канд. пед. наук. М., 1977.
- 9. Лаптева О.А. Русский разговорный синтаксис. М., 1976.
- Мотина Е.И. Учебный текст по специальности как особая коммуникативная единица // Русский язык за рубежом. 1978.
   № 1.
- 11. Мухина Т.Г. Устная научная речь в иноязычной аудитории // Преподавание русского языка студентам и специалистам нефилологического профиля: Лингвистика и методика. М., 1978.
- 12. Павлова Н.А. Развитие аудитивных умений иностранных студентов-нефилологов I курса в учебно-профессиональной сфере общения (на материале текстов по геологии): Дис. ... канд. пед. наук. Л., 1991.
- 13. Соболева Н.И. Анализ лекторской речи в целях обучения студентов-иностранцев ее пониманию (на материале учебных лекций естественно-научного цикла): Дис. ... канд. пед. наук. М., 1972.
- 14. Суздалева Е.С. Формирование умений аудирования лекций медико-биологического профиля при обучении студентов-иностранцев на среднем этапе: Дис. ... канд. пед. наук. М., 1998.
- 15. Харченко Н.П. Заглавия, их функции и структура. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1969.
- 16. Формановская Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. М., 2002.

T.V. Makarevich

LANGUAGE CHARACTERISTICS OF THE ACADEMIC LECTURE CAUSED BY ITS ORAL PRESENTATION

Listening comprehension, academic lecture, oral presentation, colloquial speech; language characteristics affecting comprehension.

The discourse of the academic lecture has a dual, contradictory nature. On the one hand, it belongs to the formal style, it is continuous speech where the academic material presented to the audience is usually pre-planned and arranged in an orderly manner. On the other hand, being presented orally it gains a lot of language characteristics (lexical, syntactic) typical for colloquial speech. Thus the present article measures the effect of speech modification of the academic lecture caused by its oral presentation. Specifically, we attempted to determine whether speech modification (pause fillers, lexical repetitions, idioms, colloquial words; inversion, elliptic structures, etc.) affects in positive, negative, or neutral ways the L2 comprehension of the lecture presented orally.

Г.М. Мандрикова

mandricova@mail.ru

канд. филол. наук, доцент

Новосибирского государственного технического университета

Новосибирск, Россия

Агнонимы: способы семантизации

Агнонимия, семантизация агнонимов, способ семантизации, «дефектная» дефиниция, степень агнонимичности лексической единицы.

Статья посвящена описанию способов семантизации, используемых для объяснения агнонимичных для носителя языка слов. Рассматриваемые способы семантизации были выявлены в результате анализа «дефектных» дефиниций, данных абитуриентами на вступительном экзамене по русскому языку (задание «Объясните значение данных слов»). Предлагаемая группировка способов семантизации позволяет сделать выводы о том, на что опирается носитель языка, объясняя незнакомую или малознакомую ему лексическую единицу — агноним. Кроме того, определяются наиболее частотные способы семантизации и выявляется зависимость выбора такого способа от степени агнонимичности того или иного слова для носителя языка.

Изучение процесса объяснения слова носителем языка, т.е. способов семантизации лексических единиц, представляется актуальным в контексте современных лингвистических, социолингвистических и психолингвистических исследований. Значительная часть таких работ сосредоточивает свое внимание не столько на изучении собственно языковых явлений, сколько на их отражении в сознании носителя языка, то есть реализует антропоцентрический подход. Подобные исследования позволяют накапливать ценные сведения для дальнейшего изучения различных важных с точки зрения антропоцентрической лингвистики вопросов, в частности для описания устройства ментального лексикона.

Понятие «агнонимы» (совокупность лексических и фразеологических единиц, которые неизвестны, непонятны или малопонятны носителям языка) получило известность после выхода в свет монографии В.В. Морковкина и А.В. Морковкиной «Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем)» [5], хотя сам термин был предложен В.В. Морковкиным еще в 1992 году в рамках антропоцентрической разработки автором традиционной лексикологической проблематики. Несмотря на то что история термина насчитывает уже почти 20 лет и он получил лексикографическую «прописку» [7: 6-8], до сих пор многие аспекты теории агнонимов остаются недостаточно изученными. К таким аспектам можно отнести способы семантизации агнонимов, изучение таких способов представляется важным по нескольким причинам. Во-первых, агнонимы относятся к тем явлениям языка, с которыми носитель языка сталкивается постоянно; во-вторых, восприятие агнонимов носителем языка может включать попытки в той или иной мере их семантизировать,

в-третьих, изучение процесса семантизации агнонимичных слов имеет не только теоретическую, но и практическую значимость, например в плане преподавания культуры речи.

Изучение явления агнонимии в некоторых направлениях только начинается, и работ, посвященных процессу семантизации агнонимов, пока немного. Тем более интересной представляется работа И.И. Коган и Н.В. Козловской, анализирующих «процесс стихийной семантизации незнакомых и малознакомых слов в сознании наивной и темной языковой личности» — Бенедикта в романе Т. Толстой «Кысь» [3: 119] (вспомним, что личность эта условная, созданная авторской фантазией).

Опираясь на концепцию В.В. Морковкина, авторы разложили процесс осмысления агнонимов на три этапа:

- 1) осмысление абсолютной ценности слова, которую авторы понимают как дефиницию значения слова;
- 2) осмысление относительной ценности слова, т.е. места слова в лексико-семантическом пространстве языка;
- 3) осмысление сочетательной ценности слова, т.е. его сочетаемостных возможностей.

Избранная авторами процедура анализа позволяет им прийти к выводу о том, что Т. Толстая, описывая то, как герой семантизирует агнонимичные для него слова, показывает, что за простым незнанием слова скрываются «сложнейшие процессы функционирования наивного, темного языкового сознания, которому не суждено обрести свет» [3: 126].

В психолингвистике подробно изучены смежные с семантизацией агнонимов вопросы, в частности стратегии идентификации неологизмов,

окказионализмов. Термин «семантизация» давно и прочно «занят» лингводидактикой, где он понимается как процесс и результат объяснения значения слова. Способ семантизации, основное звено в этом процессе, понимается здесь как выбор того или иного средства объяснения значения слова.

Термин «идентификация» используется преимущественно в психолингвистике, причем понимается он достаточно широко: от процесса распознавания визуального стимула до «обозначения всего ансамбля психических процессов, продуктом которого является субъективное переживание знания (понимания) того, о чем идет речь (исследования С.И. Тогоевой [10]; Т.Г. Родионовой [6]; Т.Ю. Сазоновой [8]). Основным понятием при идентификации, как, вслед за А.А. Залевской [2], считают представители Тверской психолингвистической школы, является понятие стратегии (способ восприятия, «план действий» воспринимающего сознания). Среди самых частотных называют словообразовательную, мотивирующую и категориальную стратегии идентификации. При идентификации слов стратегии зачастую мещаются, в некоторых случаях разграничение стратегий является условным, поскольку все они обнаруживают очень тесное родство и способность к пересечению.

Процессы идентификации и семантизации связаны: сначала слово идентифицируется, потом объясняется, при этом идентификация слова не обязательно сопровождается его семантизацией. Ситуаций, в которых носитель языка должен непременно семантизировать значение какого-либо слова, не так много: как правило, это общение с детьми, иностранцами, ситуации реальных или вероятных коммуникативных неудач, а также случаи выполнения каких-либо заданий (тестовых, экзаменационных и т.п.).

Термин «семантизация», используемый в нашем исследовании, уже термина «идентификация»: в процессе идентификации носитель языка пытается ответить на вопрос: «Что это за слово?» — тогда как процесс семантизации подразумевает только ответ на вопрос: «Что значит это слово?»

Между процессом идентификации и процессом семантизации существуют значительные различия. Тем не менее работы, посвященные различным стратегиям идентификации, послужили теоретической базой для нашего исследования. Это объясняется прежде всего тем, что информация о различных стратегиях идентификации позволяет определить основные направления поиска при выявлении номенклатуры способов семантизации агнонимов. Кроме того, важно отметить, что использование той или иной стратегии идентификации может влиять на выбор способа семантизации.

Языковой и речевой опыт любого национального языка, как известно, складывается из опыта индивидуальных языковых личностей. С другой стороны, речевая деятельность индивида также невозможна без опоры на языковой опыт и традиции социума. В нашей работе в качестве информантов – носителей языка были выбраны абитуриенты Новосибирского государственного технического университета. При этом мы воспользовались термином «совокупная языковая личность», предложенным И.В. Сентенберг [9]. Под совокупной языковой личностью обычно понимается обобщенный, совокупный образ носителя того или иного языка или члена того или иного социума. В нашем случае мы имеем дело с совокупной языковой личностью абитуриента вчерашнего школьника, поступающего в вуз.

Материалом для исследования послужили «дефектные» дефиниции, которые были даны абитуриентами НГТУ при выполнении тестового задания на вступительных экзаменах по русскому языку с формулировкой «Объясните значения слов». Всего было проанализировано 450 «дефектных» дефиниций, данных при семантизации 163 лексических единиц, при этом к «дефектным» мы относили те дефиниции, в которых слово объяснено неправильно или недостаточно полно.

Анализ таких дефиниций показывает, что интерпретация лексического значения носителями языка может быть «правильной» или «неправильной» в разной степени. Полагаем, что это может быть связано в том числе и с тем, что агнонимичность лексической единицы для разных носителей языка неодинакова, она может быть более «сильной» или более «слабой», т.е. данное понятие внутрение градуируется. В связи с этим представляется необходимым введение понятия «степень агнонимичности» слова [1]. Как нам представляется, можно ставить вопрос о степени агнонимичности лексической единицы для конкретной языковой личности и шире - для определенной группы носителей языка (в нашем случае - СЯЛ). Очевидно, можно говорить о нулевой (правильные ответы), частичной и полной агнонимичности слова. На наш взгляд, так называемые «дефектные» дефиниции зачастую представляют собой явление частичной агнонимии. которое требует дальнейшего изучения в целях выявления внутренней градации понятия «степень агнонимичности лексической единицы». Это актуально и для ответов, названных нами условно правильными, часть которых, как кажется, может быть также отнесена к случаям частичной агнонимии (например, правильная трактовка значения может не сопровождаться отнесением к определенной ситуации, или употребление данной единицы в контексте может быть некорректным). В случае полной или частичной агнонимии ин-

форманты, интерпретируя лексическую единицу, наиболее часто актуализируют те семантические компоненты, которые содержатся в конвенциональном значении имплицитно или вообще в нем не присутствуют.

Разработанная нами процедура при выделении различных способов семантизации включала следующие шаги:

- 1) сопоставление «дефектных» дефиниций с конвенциальным значением слова (по MAC);
- 2) проведение компонентного анализа лексического значения слова, представленного в «дефектной» дефиниции;
- 3) оценка возможных источников «дефектной» дефиниции ассоциативных, деривационных, парадигматических и других связей слова (основой для использования последнего шага процедуры как раз и послужила информация об основных стратегиях идентификации).
- В результате проведенного анализа материала было выделено 38 способов семантизации. Охарактеризуем самые частотные способы, объединив их в группы в соответствии с теми или иными сторонами описания слова (парадигматика, синтагматика, эпидигматика и т.д.).
- I. Формальная аналогия (связи ассоциативного характера). Это способ семантизации, при котором носитель языка семантизирует слово, предполагая, что может означать слово с таким звучанием/написанием или на какое слово похоже звучание/написание семантизируемого слова:
- 1) ассоциации по звучанию самого слова (лаконичный — (звук) приятный, без резких тонов; компетентный — ладный);
- 2) семантизация по сходству звукобуквенного состава: импровизировать подражать кому-либо (имитировать); летальный моментальный, быстрый, скорый, мгновенный, скоротечный (моментальный); респондент человек, высланный из страны (резидент, депортированный); катаклизм одно из направлений христианской религии (католицизм); утилитарный вышедший из моды (утиль, утилизация) (в скобках указаны предполагаемые опорные слова);
- 3) семантизация через значение паронима/ парофона: авторитарный пользующийся авторитетом (авторитетный); курировать перемещаться (курсировать); менеджмент человек, нанимаемый организацией для управления ею, директор (менеджер); ординарный состоящий из одного (одинарный); протекция расстояние между двумя телами (проекция) (в скобках указаны паронимы к приведенным словам).

Обратим внимание на то, что в случаях 2 и 3 можно определенно выделить слово, послужившее информанту опорой при семантизации агнонима.

- II. Опора на лексическое значение. В этом случае носитель языка опирается на знание лексического значения слова, но либо обладает неполной информацией об этом значении, либо приводит «дефектную» дефиницию под воздействием других факторов (например, неумения строить подобные формулировки):
- 1) семантизация через указание только части сем (например, указывается только архисема без указания дифференциальных сем) (интуиция чувство; коммюнике информационное сообщение; лоббировать оказывать давление);
- 2) семантизация через указание предполагаемого коннотативного компонента ЛЗ (в частности, эмотивных сем) (антипод — плохой человек; антипод — человек, который мне не нравится; педантичный — занудный).
- III. Опора на деривационные связи. Важно отметить, что в эту группу вошли и те способы семантизации агнонимов, которые опираются на действительно существующие в языке словообразовательные связи, и те, которые носитель языка предполагает как существующие (например, на основе формальной аналогии):
- 1) семантизация через опознание предполагаемого мотивирующего слова (бравировать — кричать браво (в театре); координировать — задавать координаты местоположения; лоббировать — спрашивать прямо в лоб; мановение — ощущение, когда куда-то манят; фамильярный — называющий всех по фамилии);
- 2) семантизация через опознание словообразовательной модели (брифинг вид спорта (компонент -инг в словах, обозначающих виды спорта: реслинг, армрестлинг, картинг, кикбоксинг, сноубординг, серфинг));
- 3) семантизация через указание однокоренного слова (минорный (мост) заминированный);
- 4) семантизация через опознание мотивирующего слова (благоговеть — желать блага, всего хорошего; многозначительный — человек, который имеет большое значение; санкционировать наложить санкции, не дать провести митинг, собрание).

IV. Опора на парадигматические отношения:

- 1) семантизация через слово той же тематической группы (бизнес — коммерция; брокер спекулянт, продавец; дистрибьютор — спонсор; коммюнике — интервью; менеджмент — коммерция);
- 2) семантизация через отнесение к предполагаемой тематической группе (*менталитет – ум*, *интеллект* (тематическая группа — мышление);
- 3) семантизация под влиянием неконвенциональных значений слова (в просторечии, жарго-

нах, разговорной речи) (nерманентный - oбес- цвеченный);

4) семантизация одного агнонима через другой агноним или его значение (дефиницию). Данный способ встречается при семантизации терминов (девальвация — флюктуация, варьирование; стагнация — элемент системы знаков; менталитет — способ изучения литературы, разъясняющий содержание).

V. Опора на синтагматические отношения:

- 1) семантизация через примеры употребления слова (компетентный компетентное жюри; формальный формальные требования);
- 2) семантизация через предполагаемые примеры употребления слова (адекватный приемлемый (проблема неадекватна, так как неприемлема в данной ситуации); зиждиться гнездиться, встает солнце (зиждется на горизонте); менталитет он держит свой менталитет; прецедент случай. Со мной произошел досадный прецедент. То же, что со мной произошел досадный случай). В данном случае носитель языка создает контекст на основе собственного понимания значения агнонимичного для него слова.

VI. Опора на связываемую со словом ситуацию:

- 1) семантизация через связанные со словом явления, характеристики (апелляция комиссия для рассмотрения дел; протекция продвижение по службе; референдум большое скопление людей, часто связанное с выборами президента);
- 2) семантизация через цель действия (апелляция — защита, оправдание; блокировать — предотвратить что-либо):
- 3) семантизация через то, что предшествует действию, явлению, через условие его возникновения (компрометировать сбивать с толку, соблазнять, смущать; привилегия предпочтение одного лица для другого перед остальными).

VII. Способы семантизации, использование которых обусловлено ситуацией восприятия, особенностями языковой личности воспринимающего:

- 1) отгадывание (визуальный языковой; интерпретировать — находить площадь криволинейной трапеции; локальный — действующий через подставного лица; саркастический — умильный);
- 2) семантизация под воздействием заучивания значений слов при подготовке к экзамену или списывания (менталитет способ изучения литературы, сводящийся к разъяснению содержания);
- 3) семантизация через неправильную формулировку правильных дефиниций (интуиция чувство, указывающее на правильность мышления; мессия спасатель; терроризм незаконное яв-

ление, в котором члены террористической группы пытаются своими действиями добиться выполнения требований у кого-либо).

VIII. Опора на язык-источник: бизнес — дело; ноу-хау — не знаю как, не имею представления (ошибка при подборе эквивалента: no-how вместо know-how); ноу-хау — жизнь или смерть, быть или не быть).

IX. Метаязыковая характеристика: коммюнике — иностранное слово.

Наибольшей частотностью обладают способы семантизации агнонимов, связанные с формальной аналогией, опорой на лексическое значение слова и на парадигматические отношения.

В нашем материале представлено достаточно большое количество примеров, когда отнесение к тому или иному способу семантизации может представляться спорным, например:

антипод — человек, который мне не нравится (выведение на первый план коннотативного компонента лексического значения + опознание предполагаемого мотивирующего слова (антипатия) + влияние словообразовательной модели (анти- (антиреклама));

 ϕ орсировать — осаждать (опознание предполагаемого мотивирующего слова (ϕ орт) + семантизация через слово той же тематической группы (глаголы «военного действия»).

Возможно, мы имеем дело с сочетанием названных способов. Вообще, сочетание способов семантизации в нашем материале — достаточно распространенное явление. Наиболее частотными являются следующие сочетания:

- 1) семантизация через опознание предполагаемого мотивирующего слова + опознание предполагаемой словообразовательной модели (бравировать — жестикулировать бровями: брови + глагол на -ировать; мониторинг — экран: монитор + сущ. -инг (картинг — гонки на машинах-картах; препозитивный — очень хороший: позитивный + пре-). По сути, в данном случае мы наблюдаем попытку «буквального прочтения» внутренней формы слова, т.е. ремотивации;
- 2) семантизация через опознание предполагаемого мотивирующего слова + опознание действующей словообразовательной модели (генеалогия наука о генетике: генетика + -логия (биология); генеалогия — наука обо всем гениальном: гениальный + -логия);
- 3) семантизация через опознание предполагаемого мотивирующего слова + опознание по сходству звукобуквенного состава (*генеалогия* - *образо*вание *гениальных* $u\partial e u$ (гений + генерация).
- 4) опознание предполагаемой словообразовательной модели + отнесение к предполагаемой тематической группе (мораторий закрытая лечебница:

-орий, -торий (*санаторий*, *лепрозорий*). Отнесение к тематической группе происходит как раз на основе предполагаемой словообразовательной модели;

- 5) опознание предполагаемой словообразовательной модели + опознание по сходству звукобуквенного состава (превалировать перейти какой-то рубеж: пре-/пере- (перейти, преодолеть) + перевалить);
- 6) семантизация через предполагаемое однокоренное слово + опознание предполагаемой словообразовательной модели ($\partial u\kappa mam - человек$, $проводящий \ \partial u\kappa mahm$: диктант + -ат (депутат, кандидат, адвокат);
- 7) семантизация через предполагаемое однокоренное слово + опора на предполагаемые антонимы (ортодоксальный обыкновенный, обыденный (парадоксальный).

Итак, при «столкновении» с незнакомой языковой единицей носитель языка может объяснить ее значение различными путями. Этому способствуют, во-первых, возможности языковой системы, позволяющие носителю языка раскрыть тот «семантический потенциал» лексической единицы, которого не существует в узусе, во-вторых, — интерпретаторские возможности конкретной языковой личности.

Возникает вопрос: что является определяющим для носителя языка при выборе того или иного способа семантизации? Понимая, что ответ на данный вопрос нуждается в более основательном осмыслении, мы предполагаем лишь, что здесь имеет место сочетание лингвистических, экстралингвистических и психологических факторов [4]. Обратим внимание на то, что в тестах слова для объяснения значений предъявляются без контекста, что противоречит реальной языковой практике, когла те же самые языковые единицы (предположительно агнонимы для данной совокупной языковой личности) выступают всегда в определенном текстовом окружении. Нормальным образом при восприятии слова носитель языка чувствует «мощную текстовую поддержку» (В.В. Морковкин), поэтому объем знаний, требуемых для понимания этой единицы, будет меньше, чем при употреблении носителем языка той же единицы, поскольку в этом случае текстовое окружение приходится создавать (творить, придумывать) самостоятельно.

Другим немаловажным моментом является собственно лингвистическая характеристика слова — исконное оно или заимствованное, источник, время заимствования, степень освоения, принадлежность к определенной тематической группе, сфере употребления, частотность в письменной и устной речи, стилистическая окраска, системно-структурные свойства (парадигматические, синтагматические, эпидигматические, деривационные связи). Существует прямая зависимость между указанными характеристиками и степенью

агнонимичности лексической единицы— нулевой, частичной или полной, так, например, новейшие заимствования чаще попадают в группу полных агнонимов.

Выбор носителем языка того или иного способа семантизации обусловливается степенью агнонимичности семантизируемого слова. Наш материал показал, что выявленные способы семантизации можно разбить на три группы в соответствии с тем, какой степенью агнонимичности обладает слово для носителя языка:

1 группа способов семантизации: а) опора на сходство звукобуквенного состава, б) опора на предполагаемое одокоренное слово, в) через другой агноним или его значение, г) отгадывание, д) метаязыковая характеристика. Это способы, которые используются только для объяснения полных агнонимов.

2 группа способов семантизации: а) через значение/звучание паронима/парофона, б) опора на предполагаемое мотивирующее слово, в) опора на предполагаемую словообразовательную модель, г) отнесение к предполагаемой тематической группе, д) влияние предполагаемых антонимов, д) с помощью моделируемого контекста, е) через язык-источник. С помощью этих способов семантизируются как полные, так и частичные агнонимы.

3 группа способов семантизации: а) указание части сем, б) указание коннотативных сем, в) опора на контекст, г) неверная формулировка, д) опора на компоненты ситуации, связываемой с семантизируемым словом, е) отнесение к тематической группе, ж) влияние неконвенциональных значений слова. Эти способы используются только для объяснения значений частичных агнонимов.

Очевидно, что «дефектные» определения не являются случайными, индивидуальными, они обусловлены тем семантическим потенциалом, который заложен в конкретной языковой единице и представляет собой результат функционирования, переосмысления в разных контекстах, и тех семантических «наслоений», которыми обрастает слово в течение своей жизни в языке. Конкретная языковая личность использует для семантизации в той или иной степени незнакомых ей языковых единиц вполне определенный набор способов.

Поскольку агнонимы, как известно, являются единицами, которые могут быть выделены только с позиции антропоцентрического подхода, то обращение к показаниям языкового сознания носителей при их изучении неизбежно. Исследование способов семантизации агнонимов позволяет получить сведения о специфике процесса семантизации слов в целом, о некоторых особенностях функционирования семантической составляющей слова в ментальном лексиконе человека, а также об особенностях функционирования агнонимов в речевой практике носителей языка.

Литература

- 1. Жукова А.Г., Мандрикова Г.М. Фразеологическая агнонимия: к постановке проблемы // Русский язык: исторические судьбы и современность. II Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ, 18−21 марта 2004 г.). Труды и материалы. М., 2004.
- 2. Залевская А.А. Актуальные подходы к психолингвистическому исследованию лексики // Проблемы психолингвистики: слово и текст. Сб. науч. тр. Тверь, 1993.
- 3. Коган И.И., Козловская Н.В. Этапы семантизации агнонимов в лексиконе условной языковой личности (на материале романа Т. Толстой «Кысь») // Слово. Семантика. Текст. Сб. науч. тр. СПб., 2002.
- Мандрикова Г.М. Об интерпретации агнонимов / Современная филология: актуальные проблемы, теория и практика. Сб. материалов II междунар. науч. конф. (Красноярск, 10−12 сентября 2007 г.). Красноярск, 2007.
- 5. Морковкин В.В., Морковкина А.В. Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем). М., 1997.
- 6. Родионова Т.Г. Стратегии идентификации неологизмов-глаголов // Тверская психолингвистическая школа: воспоминания о будущем. Курск, 1999.
- 7. Русская речевая культура. Учебный словарь-справочник / Под ред. В.Д. Черняк. СПб., 2006.
- 8. Сазонова Т.Ю. Психолингвистическое исследование процессов идентификации слова. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2000.
- 9. Сентенберг И.В. Языковая личность в коммуникативно-деятельностном аспекте // Языковая личность: проблемы значения и смысла. Волгоград, 1994.
- 10. Тогоева С.И. Роль языкового контекста в идентификации значения словесных новообразований различного рода // Семантика слова и текста: психолингвистические исследования: Сб. науч. тр. Тверь, 1998.

G.M. Mandrikova

AGNONYMS: WAYS OF SEMANTIZATION

 $Agnonymy, agnonym \ semantization, \ ways \ of \ semantization, \ «defective» \ definition, \ the \ degree \ of \ agnonymy \ of \ a \ lexical \ unit.$

This article describes ways of semantization used to explain agnonyms to a native speaker. The ways of semantization under consideration have been resulted from the analysis of «defective» definitions given by the applicants at the entrance examinations in the Russian language (Task: Explain the meanings of the words). The suggested grouping of semantization ways makes it possible to draw conclusions about what a native speaker is guided by, explaining an agnonym, the unknown and unfamiliar lexical unit. In addition, the most frequent ways of semantization are determined, and the dependence of native speaker's choosing the way on the degree of agnonymy of a word is revealed.

Н.А. Маркина

natalia tutor@mail.ru

канд. филол. наук, доцент Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина

Принципы дифференцированного подхода в обучении детей-мигрантов

Дети мигрантов, полиэтнический класс, адаптивный курс, личностно ориентированный подход, уровневая дифференциация.

Статья посвящена вопросам обучения детей-мигрантов в полиэтнических классах в российской общеобразовательной школе. Рассматриваются принципы, опираясь на которые возможно успешно обучать детей в полиэтнических классах.

Процесс миграции в Россию в последние годы интенсивно растет. Исследования миграционных процессов, проводимые в рамках программы ЮНЕСКО, показывают, что одной из самых больших проблем для мигрантов является доступ их детей к получению образования.

Москва имеет уже 20-летний опыт работы с детьми мигрантов. Для образовательной политики мегаполиса идея поликультурного и поликонфессионального социального пространства стала одной из базовых.

Основным направлением в работе по гармонизации межэтнических отношений в условиях полиэтничности и поликультурности общества в системе образования Москвы сегодня является создание учебных заведений с этнокультурным компонентом. Однако практика показывает недостаточность такого подхода. Во-первых, в относительно небольшом числе школ, специализирующихся на этнокультурном подходе, этот процесс замыкается на самом себе. Этнокультрный компонент должен охватывать более широкий круг предметов, включаясь в весь образовательный процесс. Такой подход вытекает не только из положений современной педагогической науки, но и из опыта развития национальных школ как в нашей стране, так и за рубежом, а также из практических задач, которые стоят перед школами в связи с притоком большого количества мигрантов.

Сегодня в Москве нет мононациональных учреждений образования. В каждом учреждении обучаются и воспитываются представители различных наций и народов, и задача педагогических коллективов состоит в том, чтобы наряду с воспитанием уважения к истории и культуре народов России воспитывать уважение к мировым культурным ценностям, к традициям других народов.

Важны не только проблема расширения межкультурных связей национальных образовательно-воспитательных систем, углубленное изучение возможных традиционных гуманитарных предметов в поликультурном образовании и воспитании учащихся, но и разработка методики изучения мигрантами культуры и языков как средства интеркультурной коммуникации, критерии отбора культурологического знания; методики и технологии страноведческого и культурологического образования детей-мигрантов, дидактические требования к разработке адаптационных учебных курсов для учащихся-мигрантов, обеспечивающих интеркультурную компетенцию мигранта.

Перед российской системой образования стоит очень важная и трудная задача — интегрировать детей иммигрантов в российское общество, для чего возникает необходимость создания технологий адаптации учащихся к условиям российской школы.

Под интеграцией мы понимаем состояние включенности в систему жизнедеятельности социума.

Под адаптацией мы понимаем процесс ввода в систему жизнедеятельности социума.

Для успешного интегрирования в общество детям необходима помощь с первых шагов, базовым этапом их адаптации является языковая адаптация.

Сегодня большое количество детей обучается в обычных классах российских общеобразовательных школ, что, с одной стороны, способствует более быстрой и успешной социализации, но, с другой стороны, создает трудности для всех участников учебного процесса. И для детей мигрантов, так как, попадая в новую, пока не понятную для него среду, ребенок может испытать

лингвокультурный шок, который, скорее всего, скажется на его дальнейшем развитии. И для учителей, работающих в этих классах, так как возникает проблема обучения детей с разным объемом языковых, социальных (или фоновых) знаний, с учетом которых строится школьная программа.

В процессе работы с такими детьми выявляется необходимость подготовки двух типов программ, двух типов технологий работы. Другими словами, технологии адаптации должны включать в себя:

- 1. Программы и технологии работы с детьми, плохо владеющими русским языком. Для них необходимо создание учебной программы, учебных материалов для дополнительной работы в специальных группах или индивидуально. Также необходима разработка критериев перевода учеников из группы определенного уровня в группу более высокого уровня подготовки.
- 2. Технологии коррекции для детей мигрантов, обучающихся в обычных классах российских общеобразовательных школ. Для этой категории детей необходимо создание специальных дополнительных дидактических материалов, позволяющих быстрее включить их в обычную образовательную среду.

Другими словами, реалии современной российской школы ставят задачу разработки специальных технологий обучения детей в полиэтнических классах. Разработка технологий работы в полиэтнических классах должна строиться на принципах дифференцированного обучения, с использовнием дифференцированного подхода к обучению.

Дифференцированный подход - это использование определенной образовательной модели - логически последовательной системы соответствующих элементов, включающих в себя структуру целей, содержание, проектирование учебных планов и программ, модели группировки учеников, методы контроля и отчетности, способы оценки процесса обучения. Организацию процесса обучения отражают понятия: дифференцированный подход, индивидуализация обучения и индивидуальный подход. Дифференцированный подход - это комплекс методических, психолого-педагогических и организационных мероприятий, обеспечивающих осуществление процесса обучения в гомогенных группах. Технология дифференцированного обучения представляет собой совокупность организационных решений, средств, методов дифференцированного обучения, охватывающих определенную часть учебного процесса.

В рамках этого подхода обычно предлагается индивидуальная работа с сильными учащимися. Мы же обращаем внимание в первую очередь

на возможность работы с менее подготовленными учащимися.

В настоящее время в образовании все чаще обращаются к индивидуальному обучению. Индивидуальный подход (личностно ориентированный подход) к учащемуся можно обеспечить только в том случае, если педагог точно определит исходный уровень его обученности, индивидуальные способности, что возможно только на основе проведения тщательного тестирования. В дальнейшем путем подбора необходимых средств обучения и проведения индивидуальных консультаций учащийся приобретает необходимые знания и умения в соответствии с поставленными учебными задачами.

На практике индивидуальное обучение в чистом виде используется сравнительно редко. Подобный подход популярен сейчас в зарубежной школе. Индивидуальный стиль обучения основан на учете индивидуальных особенностей каждого ученика, особенностях психического развития студента, темперамента, типа нервной деятельности и пр.

В дидактике обучение принято считать дифференцированным, если в его процессе учитываются индивидуальные различия учащихся.

дифференцированного Сеголня принцип обучения в основном рассматривается только в рамках работы с одаренными детьми. Педагоги ставят вопрос о том, как стимулировать их развитие, поэтому считают важным условием развития творческой личности дифференцированное обучение. Принцип дифференцированного подхода к учащимся предполагает оптимальное приспособление учебного материала и методов обучения к индивидуальным способностям каждого школьника. Однако реальностью, обусловливающей необходимость дифференцированного обучения, являются объективно существующие различия учащихся в темпах овладения учебным материалом, а также в способностях самостоятельно применять усвоенные знания и умения.

Выявить уровень знаний детей можно путем постановки специальных заданий (разной степени сложности). Их можно разделить на 2 вида:

- 1. Обязательные задания. Они способствуют умению правильно применять изученное правило, следуя алгоритмам.
- 2. Дополнительные задания. Эти задания повышенной трудности на применение изученного правила, требующего сравнения, анализа, определенных выводов. Они рассчитаны на тех детей, которые справились с обязательными заданиями. Эти задания ставят своей целью привитие интереса к самостоятельной творческой деятельности.

В рамках этого подхода учащимся предлагаются задания разных уровней сложности. В со-

держание уроков включаются разбор нестандартных задач, проблемные ситуации, используются элементы дискуссии, что способствует активизации учащихся всего класса. Домашние задания также даются дифференцированными.

Индивидуальный подход (личностно ориентированный подход) в работе с детьми-мигрантами позволяет не только обеспечивать успешное обучение, но и развивать процессы самореализации личности обучающегося, развитие его индивидуальности.

Обучение на основе личностно ориентированного подхода необходимо строить на основе следующих принципов:

1. Принцип индивидуальности. Необходимо создавать условия для формирования и поддержки индивидуальности личности обучающегося.

При работе с детьми мигрантов в разных возрастных группах необходимо учитывать их потребности. Например, дети младшего дошкольного возраста могут воспитываться в русскоязычной группе детского сада, так как они еще практически не говорят ни на родном, ни на втором языке. Языковое окружение, в котором они находятся, является решающим фактором в формировании их языковой компетенции. Находясь в русскоязычной группе детского сада, ребенок совершенно естественным образом наравне с детьми из русских семей может научиться правильно говорить по-русски.

Дети же старшего дошкольного возраста, которые не посещали детские дошкольные учреждения с обучением на русском языке, должны перед поступлением в школу пройти специальный курс русского языка.

Дети младшего школьного возраста без специальной подготовки чаще всего испытывают большие психологические трудности, так как плохо понимают учителя, не могут отвечать на вопросы в классе, не справляются с заданиями. В настоящее время эти дети при поступлении в школу обычно посещают уроки логопеда, который проводит с ними небольшой корректировочный курс по фонетике и грамматике.

Дети среднего школьного возраста испытывают большие сложности при поступлении в школу, чем дети начальной школы. Вновь поступившим в школу детям среднего школьного возраста в первые месяцы требуются систематические за-

нятия по коррекции русской грамматики и развитию речи.

Дети старшего возраста, которые поступают в школу в возрасте 15-17 лет, могут пройти годовой курс обучения РКИ в вечерней школе.

2. Принцип учета трудностей. Дидактический материал для обучающихся должен соответствовать уровню их языковой подготовки.

Так, например, при работе с детьми в средней школе важно выделить и сгруппировать трудности, с которыми сталкиваются такие дети.

При реализации дифференцированного подхода необходимо обращать внимание на то, что учебный материал должен опираться на субъективный опыт школьника, включая опыт его предшествующего обучения; изложение знаний должно быть направлено не только на расширение их объема, структурирование, обобщение предметного содержания, но и на преобразование личного опыта каждого ученика; учебный материал должен быть организован таким образом, чтобы ученик имел возможность выбора при выполнении заданий; необходимо стимулировать учащихся к самостоятельному выбору и использованию наиболее значимых для них способов проработки учебного материала; при введении знаний о приемах выполнения учебных действий необходимо выделять общелогические и специфические предметные приемы учебной работы с учетом их функций в личностном развитии; необходимо обеспечивать контроль и оценку не только результата, но главным образом процесса учения, т. е. тех трансформаций, которые осуществляет ученик, усваивая учебный материал; образовательный процесс должен обеспечивать построение, реализацию, рефлексию, оценку учения как субъектной деятельности.

Реализация этих требований предполагает наличие учебных пособий и дидактических материалов для индивидуализированной работы (рабочие тетради, задачник, учебники); заданий различной степени трудности; адаптированных программ; учет факторов, которые обусловливают неуспеваемость; поиск путей преодоления индивидуальных недостатков в знаниях, умениях; преодоление неразвитости мотивации; сочетание приемов учебной работы и приемов преподавания; индивидуальную работу с книгой, учителем; самостоятельную работу в школе и дома; свободное самообразование.

N.A. Markina

PRINCIPLES OF DIFFERENTIATED APPROACH IN TEACHING MIGRANT CHILDREN

Migrant children, polyethnic group, adaptation course, the Learning Style Approach, level differentiation.

The article deals with aspects of teaching migrant children in a polyethnic surrounding at a public school in the Russian Federation. There are considered principles basing on which it is possible to conduct successful tuition of children in a polyethnic class.

Т.Л. Музычук

muzychuk@rambler.ru канд. филол. наук, доцент Иркутского государственного университета путей сообщения Иркутск, Россия

Невербальный дискурс как речевая деятельность

Невербальный дискурс, речевая деятельность, речевое взаимодействие, речевое воздействие, речевое реагирование.

В статье автор анализирует фрагменты невербального диалогического дискурса с точки зрения означивания в них речевой деятельности. Речевая деятельность в условиях диалогического общения изучается автором как речевое взаимодействие коммуникантов (персонажей), составными частями которого являются невербальное речевое воздействие и невербальное речевое реагирование.

Гевербальный речевой дискурс — это знаковая система невербального языка (организованного вертикально в отличие от вербального языка, организованного как линейный текст), представляющая собой фрагмент диалогического художественного текста, декодирующего языковыми средствами невербальное эмоционально-речевое поведение персонажа и его истинные намерения в каждый конкретный момент общения и состоящего более чем из одного предложения или равноправной части диалогической реплики. Невербальный речевой дискурс — это комментирующая часть диалогической реплики, манифестирующая невербальную речь персонажа и являющаяся равнозначной, равноценной частью вербального диалогического общения, или авторское описание невербального поведения коммуниканта до и после диалогического общения, представляющее собой относительно независимую часть невербального дискурса как текстового фрагмента [5: 14]. Невербальный дискурс создает общий контекст, описывающий невербальное коммуникативное действо участников диалога, объекты и пространства, обстоятельства и поступки во времени, качественные и количественные наращения эмоциональных интенций, вплетающиеся в невербальную ткань диалога и движущие ее. Элементы невербального дискурса: «излагаемые события» - невербальная интерпретация базовой эмоции диалога, чувств, ощущений, эмоциональных интенций участников общения и «не события», т.е. а) невербальные обстоятельства, сопровождающие события; б) невербальный фон, поясняющий события; в) невербальная оценка участников событий; г) невербальная информация, соотносящая речевой дискурс с событиями. Невербальный дис-

курс, как и вербальный, - это относительно за-

конченный акт обмена информацией в процессе речевой деятельности человека.

Словарь методических терминов Э.Г. Азимова, А.Н. Щукина дает толкование понятия «речевая деятельность», сообразно определению И.А. Зимней, — это «активный, целенаправленный, опосредованный языковой системой и обусловленный ситуацией общения процесс передачи и приема сообщений» [1: 290].

Речевая деятельность в условиях диалогического общения означивается и изучается нами как речевое взаимодействие коммуникантов (персонажей), составными частями которого являются речевое воздействие и речевое реагирование. Речевое воздействие – мотивированное речевое поведение (вербальное и невербальное) коммуниканта (продуцента, адресанта), направленное на регуляцию поведения речевого партнера (реципиента, адресата) с определенной целью и намерением. Речевое реагирование — мотивированное речевое поведение (вербальное и невербальное) речевого партнера (реципиента, адресата) в процессе диалогического общения аффективно-оценочного характера, основанное на декодировании речевого поступка коммуниканта (продуцента, адресанта). Важно понять, что речевого воздействия и речевого реагирования, последовательной смены коммуникативных ролей в процессе речевого взаимодействия коммуникантов в чистом виде не существует. Оказывая речевое воздействие на реципиента с определенной целью, наблюдая за его невербальной реакцией, а возможно, и минимизированно вербальной, декодируя ее и прогнозируя возможное речевое поведение реципиента, продуцент в процессе воздействия осуществляет и речевое реагирование. В свою очередь, реципиент, осуществляя прием и обработку информации, реагируя невербально или минимизированно вербально на речевое воздей-

ствие продуцента, сам оказывает речевое воздействие на продуцента, заставляя его менять тактику речевого поведения. Диалоги художественной прозы позволяют лингвистам осмыслить и интегрировать невербальный мир, так как в них этот мир выражен словами (декодирован языковыми средствами), этот мир является существенной, если не главной частью речевого воздействия и реагирования коммуникантов. Анализируя диалог как дискурсивное целое, мы имеем возможность исследовать в нем процесс движения мысли, бытование эмоционального импульса в каждый конкретный момент коммуникации. Исследуя «интериоризацию мышления, облеченную в материальную форму - язык» [4: 230], мы убеждаемся, что невербальный дискурс как знаковая система психической и практической деятельности и намерений коммуниканта в своей главной коммуникативной сущности предназначен для координации и регулирования отношений речевых партнеров, для «их взаимодействия внутри речевого сообщества». Маркеры интонации и эмоционального состояния, их конкретизаторы, локализаторы времени и пространства, активаторы эмоции (случайно и дополнительно приобретаемой невербальной информации, вплоть до экстралингвистических шумов), активаторы слухового и зрительного взаимодействия, а также количественные и качественные квантификаторы невербальной речи, имеющие языковое выражение в невербальном диалогическом дискурсе персонажа художественной прозы, позволяют утверждать, что в художественном диалогическом дискурсе воплощается «ход реального диалога» [6: 10]. С одной только разницей, что в реальном диалоге невербальная речь коммуниканта первична, а вербальная - вторична с точки зрения логики, диалогическая речь художественного произведения должна была быть графически оформлена несколько иначе: вначале - вертикально организованная невербальная речь, а затем – линейно организованная вербаль-

Диалогическая речь, литературно препарированная или разговорная, всегда направлена на слушателя, на речевого партнера с определенной целью и призвана оказать на него определенное влияние, вызвать определенный речевой поступок. Речевая деятельность персонажей, их речевое взаимодействие на протяжении диалогического общения, представленные в невербальном дискурсе во всем многообразии коммуникативных проявлений (через голос и тон, жесты и пластику, язык глаз и касаний, язык времени и пространства, через указание на направленность эмоционально-речевого импульса и др.), являются сутью невербального диалогического дискурса.

Проанализируем фрагмент невербального диалогического дискурса с точки зрения означивания в нем речевой деятельности (речевого воздействия и речевого реагирования).

См. речевое воздействие продуцента: — Не ври ты, чего не знаешь! — рассердился на Рюхина Иван. — Я, а не ты был при этом! Он его нарочно под трамвай пристроил!

Прием и обработка информации реципиентом (речевое реагирование): — Толкнул?

Речевое реагирование продуцента: — Да при чем здесь «толкнул»? — сердясь на общую бестолковость, воскликнул Иван. — Такому и толкать не надо! [2: 65].

Маркер эмоционального состояния рассер- $\partial u n c s$ идентифицирует эмоциональное состояние коммуниканта, находящегося во власти эмоции гнева, и указывает направленность эмоционального импульса говорящего (продуцента) на речевого партнера: рассердиться — быть в гневе, в раздражении, чувствовать злобу к кому-нибудь, выражать раздражение. Указание на направленность речевой деятельности манифестируется в значении маркера эмоционального состояния (МЭС) опосредованно, через свободную валентность маркера, предполагающего субъект адресата чувствовать злобу к кому-нибудь; выражать раздражение кому, как; рассердиться на кого. Кроме этого, невербальный дискурсный речевой отрезок манифестирует достаточно очевидно указание и на активный, целенаправленный процесс передачи и приема сообщения, обусловленного ситуацией общения: рассердился на Рюхина Иван. Процесс передачи и приема информации, как правило, маркируется именами собственными или местоимениями. Маркер эмоционального состояния - объективный показатель испытываемой коммуникантом в каждый момент речевой ситуации конкретной эмоции. Именно эта эмоция и организует в дальнейшем речь продуцента (персонажа), направляя диалогическое общение в русло его речевых потребностей, эмоционально-речевого стимула с выходом на эмоциональные концепты, эмоциональные триады. Композиционный МЭС, выраженный общевозвратным собственно-эмоциональным глаголом состояния, проектирует негативное отношение адресанта к адресату или событию. МЭС рассердился манифестирует отношение адресанта к адресату. Речевое реагирование адресата декодирует причину этого отношения, прогнозирует дальнейшее развитие речевой ситуацию. Адресант рассчитывает на принятие его речевой позиции, однако полученная невербальная и вербальная информация остается непонятой адресатом, требует уточнения, что и провоцирует адресанта на повторение вербальной и невербальной интеракции **воскликнул**, *сердясь*. Маркер интона-

ции (МИ) воскликнул идентифицирует эмоциональное состояние коммуниканта, находящегося во власти сильного чувства, и указывает направленность эмоционального импульса говорящего (продуцента) на речевого партнера: воскликнуть - произнести что-н. громко, с чувством, выразительно; восклицание - возглас, выражающий сильное чувство. Сильное чувство означено в невербальном диалогическом дискурсе маркером эмоционального состояния, выраженным деепричастием несов. вида сердясь: сердиться быть в раздражении, гневе, чувствовать злобу к кому-н. МЭС, выраженный деепричастием несов. вида, обозначает действие, совпадающее во времени с действием МИ на всем своем протяжении и сопутствующее главному действию МИ. Невербальный дискурс манифестирует как интонационный рисунок речи и эмоциональное состояние адресанта, так и причину этого состояния, т.е общую бестолковость адресата.

Лаконично бытование невербального дискурса диалогического фрагмента можно кратко представить следующим образом:

рассердиться — быть в гневе, в раздражении, чувствовать злобу (эмоциональное состояние продуцента, t — временной параметр эмоционального состояния продуцента) к кому-нибудь (направленность речевой деятельности на реципиента), выражать раздражение (эмоциональное состояние продуцента, направленность речевой деятельности на реципиента, зрительное восприятие состояния продуцента реципиентом, t — временной и p — пространственный параметры речевого продукта); рассердился на Рюхина Иван (направленность речевой деятельности, указание на речевое взаимодействие коммуникантов, зрительное восприятие реципиента продуцентом);

сердясь на общую бестолковость, воскликнул Иван: воскликнуть - произнести что-н. громко (слуховое восприятие тона продуцента реципиентом), с чувством (эмоциональное состояние продуцента, слуховое восприятие тембра продуцента реципиентом), выразительно (слуховое восприятие темпа, дикции продуцента реципиентом); восклицание - возглас, выражающий сильное чувство (слуховое восприятие интонационного рисунка речи продуцента как проявления конкретной эмоции, t — временной параметр речевого продукта); воскликнул Иван (зрительное восприятие продуцента реципиентом, указание на речевое взаимодействие коммуникантов); сердясь, на общую бестолковость: сердиться — быть в раздражении, гневе, чувствовать злобу к кому-н. (направленность речевой деятельности, речевое взаимодействие коммуникантов, речевое реагирование продуцента на реципиента, эмоциональное состояние продущента

и реципиента, t — временной параметр речевого продукта); общий — свойственный кому-н. (направленность речевой деятельности); бестолковый — непонятный, глупый, несообразительный; глупый — с ограниченными умственными способностями, несообразительный, бестолковый; несообразительный — плохо соображающий, непонятливый (речевое реагирование продуцента на речевое поведение реципиента, оценивание интеллектуальных возможностей реципиента).

Таким образом, невербальный диалогический дискурс, языковая репрезентация его структурных компонентов - прекрасный материал для изучения прагматических установок говорящих. В ряде научных статей мы уже представляли наблюдения за невербальным диалогическим дискурсом как языковой системой и семантической структурой. Наблюдение за лексическим выражением знаковых компонентов невербального диалогического дискурса выявило, что за конкретными его компонентами закреплена стройная система языкового выражения. Выявлено языковое выражение ядерных компонентов невербальной речи (маркеров интонации и эмоционального состояния), центральных (конкретизаторов маркеров интонации и эмоционального состояния) и периферийных (локализаторов времени и пространства, пространственных и количественных квантов, активаторов слухового и зрительного восприятия) в стадии аффекта (кульминации эмоционального напряжения) и стадии резистентности (относительного речевого равновесия) в диалоге.

Персонажи в диалоге - не просто участники ситуативного речевого общения, они всегда стремятся определенным образом воздействовать друг на друга. Даже самое непринужденное общение предполагает принятие позиции говорящего слушающим. В основе речевого общения лежит упорядоченный процесс убеждения и переубеждения реципиента, суть любой речевой деятельности заключается в воздействии на сознание реципиента посредством языковых выражений и неязыковой организации речевой интеракции, а также подчиненности речевого поведения коммуниканта целям определенной коммуникативной деятельности, задачи, интенции. Выбор и организация языковых и неязыковых средств детерминированы прежде всего содержанием этой коммуникативной интенции, личностными свойствами и отношениями субъекта дискурса. В процессе общения говорящий воздействует на речевое поведение реципиента, с помощью вербальной и невербальной речи стремится, чтобы реципиент разделил его мнение, согласился с ним и в результате совершил определенное действие.

Проанализируем еще один фрагмент невербального диалогического дискурса с точки зре-

ния речевого взаимодействия и коммуникативного развертывания дискурса.

См.: Мещанин на этот раз поднял глаза и зловещим, мрачным взглядом посмотрел на Раскольникова.

- Убивец! - **проговорил** он вдруг тихим, но ясным и отчетливым голосом...

Раскольников шел подле него. Ноги его ужасно вдруг ослабели, на спине похолодело, и сердце на мгновение как будто замерло; потом вдруг застукало, точно с крючка сорвалось. Так прошли они шагов сотню, рядом и опять совсем молча. Мещанин не глядел на него.

- Да что вы... что... кто убийца? **пробор- мотал** Раскольников едва слышно.
- Ты убивец, произнес тот еще раздельнее и внушительнее и как бы с улыбкой какого-то ненавистного торжества и опять глянул в бледное лицо Раскольникова и в его помертвевшие глаза [3: 204].

В невербальном дискурсе означено прямое указание на процесс передачи и приема информации - мещанин посмотрел на Раскольникова и опосредованное указание на направленность речевой деятельности: посмотреть - направлять взгляд, чтобы увидеть кого-что-н.; проводить осмотр, обследование кого-чего-н. Состояние мещанина, его отношение к Раскольникову очевидно: он посмотрел зловещим, мрачным взглядом. Однако заметим, это отношение в первую очередь очевидно для Раскольникова, он декодирует выражение взгляда мещанина, видит зловещее и мрачное выражение глаз речевого партнера, и, безусловно, его речевое реагирование будет строиться сообразно дешифровке речевого поступка (речевого воздействия) продуцента: зловещий - предвещающий несчастье, зло; **мрачный** - темный, погруженный во мрак, исполненный печали, наводящий грусть, безрадостный, угрюмый. Зловещий, мрачный взгляд в структурно-семантической организации невербального дискурса является конкретизатором МЭС, кинесическим сомативом, который объективно манифестирует выразительно-визуальную организацию общения персонажей. Кинесический соматив, выраженный соматическим глагольным речением посмотрел зловешим. мрачным взглядом с семантикой зрительной интеракции «угрозы» (с семантикой эмоциональных настроений), не только декодирует состояние и намерения коммуниканта, но и оказывает мощное психологическое воздействие на собеседника. Кроме этого, кинесический соматив манифестирует зрительное восприятие реципиентом (адресатом) продуцента (адресанта). Раскольников с начала речевой ситуации напряжённо и беспокойно наблюдает за мещанином, пытается заглянуть в его глаза и понять причину прихо-

да незнакомца. Безусловно, дальнейшее речевое поведение реципиента будет строиться с учетом этого знания и знаний о состоянии и намерении продуцента, приобретаемых реципиентом в процессе речевого общения. Речевое взаимодействие, являясь сутью и сущностью невербального дискурса, позволяет означить невербальное речевое поведение как дискурсивное целое, в котором речевая деятельность, речевое взаимодействие происходят при катализирующей силе бытия времени и пространства, что, собственно, и образует континуум диалога, внутридиалогическое движение (жизнедейство персонажей, мысли, эмоциональных импульсов и т.д.), дискурс как таковой. Время, пространство как знаковые категории диалогического дискурса вообще и невербального в частности позволяют приблизиться к пониманию дискурсной «эстафеты диалога» и понять механизм стыковки невербальной и вербальной речи в нем. Так, кинесический соматив, манифестирующий зрительное восприятие реципиентом продуцента, имеет при себе временной локализатор на этот раз посмотрел: на этот раз – случай, явление в ряду однородных (повторяющихся или возможных) действий, проявлений чего-н. Временной локализатор как самостоятельный структурный компонент невербальной речи указывает достаточно очевидно, что зрительный контакт реципиента состоялся после некоторого временного отрезка, Раскольников некоторое время ожидает контакт и наблюдает момент установления его. Композиционный МИ как ядерный структурный компонент невербального дискурса и часть речевого взаимодействия коммуникантов в процессе общения манифестирует с достаточной степенью очевидности эмоциональное состояние говорящего, его отношение к речевому партнеру и слуховое восприятие реципиентом интонационного рисунка продуцента проговорил тихим (тон), но ясным, отчетливым голосом: отчетливый - раздельный, четкий, разборчивый (темп, дикция); ясный, точный, вполне понятный; ясный - хорошо слышимый и понимаемый (слуховое восприятие речи продуцента реципиентом); разборчивый - строгий в выборе, требовательный (тембр), легко понимаемый, четкий (слуховое восприятие речи продуцента реципиентом); раздельный — от четливый, четко обнаруживающий составные части (темп). Речевое реагирование реципиента манифестируется через интонационный рисунок (МИ) речевого воздействия и эмоциональное состояние реципиента (МЭС), представленного в дискурсе как личное переживание и ощущение в режиме реального времени: пробормотать - сказать быстро (темп, время речевого акта) и непонятно (темп, дикция), произнести бормоча. Ощущение эмоционального состояния в режиме реального времени: Ноги его ужасно вдруг ослабели, на спине похолодело, и сердце на мгновение как будто замерло; потом вдруг застукало, точно с крючка сорвалось.

Обратим внимание на заключительную фразу продуцента в анализируемом нами диалогическом фрагменте, представляющем собой яркий образец невербального дискурса, в котором прослеживается однозначная позиция продуцента, его эмоциональное состояние. Продуцент быстро, непродолжительно рассматривает реципиента опять глянул: глянуть (однокр.) — направить взгляд, чтобы увидеть кого-что-н., что воспринимается в русском речевом этикете как признак некоторой некорректности, вмешательства в личные дела. Структурные компоненты невербального дискурса объективно манифестирует меняющееся в процессе диалога эмоциональное состояние коммуникантов. Раскольников видит мещанина, его улыбку какого-то ненавистного торжества. Мещанин торжествует, потому что видит бледное лицо Раскольникова и его помертвевшие глаза. Конкретизатор МЭС, вегетатив в помертвевшие глаза, выражен вегетативным речением в форме одиночного психологического определения, манифестирующего эмоционально-когнитивное реагирование коммуниканта. Вегетативные проявления адресата (блеск глаз, бледность кожи лица) как реакция на речевое поведение адресанта свидетельствует, что его эмоциональное состояние движется к грани аффекта. Это состояние предельно ярко манифестируется конкретизаторами интонации и состояния, а также локализатором времени опять: опять - еще раз, снова. Временной локализатор как структурная единица пространственно-визуальной системы, указывающая на повторяемость кинесического соматива, жеста, во времени: опять является показателем дискурсного континуума линейно-последовательного изложения и фиксирует действие коммуникантов как процесс эмоционально-когнитивного реагирования, имеющего тенденцию к усилению. Более того, эмоционально-когнитивная интеракция манифестируется через слуховой и зрительный активаторы речевого общения. Кинесический соматив глянул выражен глаголом зрительного действия, функция его - создание и достижение определенного психологического давления на речевого партнера. Достижению адресантом определенного результата способствуют и интонационные особенности его речи, манифестирующие эмотивные интеракции через конкретизаторы тембра внушительный и темпа раздельный и их квантификатор-квантитатив еще – в большей степени. Квантификатор-квантитатив декодирует значение временного параметра речевого продукта, значение чего-то, что

уже было в прошлом, указывает на наличие достаточного времени, условий для чего-то. Внушительный - способный внушать, производящий впечатление; раздельный — отчетливый, четко обнаруживающий составные части. Активатор зрительного восприятия адресата, вегетатив бледное лицо, помертвевшие глаза усугубляет агрессивное речевое поведение адресанта. Одним словом, проксемический соматив, квантификаторы, активаторы, временные локализаторы ярко объективируют дискурсный эмоциональный континуум речевого взаимодействия. Наблюдения показали, что проксемические и кинесические сомативы в структуре дискурсного невербального диктуума стадии речевого взаимодействия фиксируют действие как длящийся во времени процесс.

Бытование невербального дискурса диалогического фрагмента кратко выглядит следующим образом:

Мещанин на этот раз (t — временной локализатор) поднял глаза и зловещим, мрачным взглядом посмотрел на Раскольникова (речевое реагирование, зрительное контактное взаимодействие, зрительное восприятие эмоционального состояния продуцента реципиентом):

— Убивец! — проговорил он вдруг (темп) тихим (тон), но ясным и отчетливым (темп, дикция) голосом (речевой посыл продуцента и слуховое восприятие его реципиентом).

Раскольников шел подле него. Ноги его ужасно вдруг ослабели, на спине похолодело, и сердце на мгновение как будто замерло; потом вдруг застукало, точно с крючка сорвалось (речевое реагирование реципиента: обработка полученной от продуцента невербальной и вербальной информации, речевое поведение реципиента, ощущение реципиентом собственного внутреннего состояния в режиме реального времени). Так прошли они шагов сотню, рядом и опять совсем молча. Мещанин не глядел на него (эмоциональное состояние реципиента, t—временная и р—пространственная организация речевого взаимодействия).

- Да что вы... что... кто убийца? пробормотал (слуховое восприятие интонационного рисунка темпа, тембра, дикции, и эмоционального состояния продуцента волнение, растерянность) Раскольников едва слышно (указание на направленность речевой деятельности и речевое взаимодействие, зрительное восприятие речевого партнёра, слуховое восприятие тона продуцента реципиентом).
- *Ты убивец*, **произнес том** еще раздельнее и внушительнее (указание на направленность речевой деятельность, речевое реагирование реципиента на тон, темп, тембр продуцента) и как бы с улыбкой какого-то ненавистного торжест-

ва (состояние продуцента, зрительное восприятие продуцента реципиентом) и опять глянул (речевое взаимодействие, речевая интеракция, $\mathbf{t}$ — временная организация выразительно-визуального речевого поведения коммуникантов) в бледное лицо Раскольникова и в его помертвевшие глаза (состояние реципиента, зрительное восприятие реципиента продуцентом).

Анализируя диалогические фрагменты с позиции невербального дискурса, мы убеждаемся, что именно в этой части диалога означивается факт речевой деятельности, речевого взаимодействия, речевого реагирования коммуникантов, более того, здесь последовательно означивается факт оценивания состояния речевого партнера и поэтапное реагирование на изменение его речевого поведения, а также контроль за собственным эмоциональным состоянием в процессе речевого взаимодействия.

См. фрагмент с точки зрения восприятия эмоционального состояния продуцента реципиентом и ощущения продуцента своего внутреннего состояния:

 Я не дам себя мучить, − зашептал он вдруг по-давешнему, с болью и с ненавистью (слуховое восприятие интонационного рисунка (темп, тембр) и эмоционального состояния продуцента реципиентом, временная организация речевого воздействия продуцента), мгновенно сознавая в себе, что не может не подчиниться приказанию, и приходя от этой мысли еще в большее бешенство (ощущение продуцентом собственного внутреннего эмоционального состояния в режиме реального времени манифестируется маркерами внутренней речи и состояния: объективируя единство эмоции и мысли), - арестуйте меня, обыскивайте меня, но извольте действовать по форме, а не играть со мной-с! Не смейте...

— Да не беспокойтесь же о форме, — перебил Порфирий с прежнею лукавою усмешкой (восприятие эмоционального состояния продуцента реципиентом) и как бы даже с наслаждением любуясь Раскольниковым (ощущение продуцентом собственного внутреннего состояния), — я вас, батюшка, пригласил теперь по-домашнему, совершенно этак по-дружески! [3: 259].

Надо отметить, что в структурной организации невербального дискурса представляет интерес единство маркера интонации, выраженного собственно-речевым глаголом говорения зашептал, и маркера интонации, выраженного словоформой внутренней речи мгновенно сознавая в себе. В этом единстве как объективном языковом знаке дискурсного невербального континуума содержание процессной функции несовершенного вида фиксирует так называемый «признак динамичности», переход от одного состоянии в протекании процесса к другому.

Изучение языка как деятельности привело к тому, что сегодня текст рассматривается как процесс, как дискурс. В этом ракурсе приоритетным становится изучение коммуникативной модели текста, в частности диалога, учитывающего обстоятельства общения, характеристики коммуникантов, невербальную составляющую диалогического общения. Время, пространство, потенциальное движение в диалоге дают возможность коммуникативно-прагматического описания языковых индикаторов интенциональных смыслов в составе зависимых реплик диалога, установления закономерностей прагматической согласованности реплик иллокутивной функции во взаимодействии партнеров, а также выявления тактики развертывания реактивных реплик на глубину более двух высказываний как коммуникативно значимых в процессе речевой деятельности.

Литература

- 1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Словарь методических терминов (теория и практика преподавания языков). СПб., 1999.
- 2. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. Роковые яйца. Собачье сердце: Роман, повести. Иркутск, 1989.
- 3. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание: Роман в шести частях с эпилогом. М., 1979.
- 4. Левашкина О.Ю. Проблема взаимодействия языковой системы и речевой деятельности // Лингвистические и экстралингвистические проблемы коммуникации: теоретические прикладные аспекты. Вып. 3. Саранск, 2004.
- 5. Музычук Т.Л. Невербальный дискурс в преподавании русского языка и литературы // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2007. № 3.
- 6. Юдина Г.С. Роль диалога в организации текста художественного произведения (на примере романа И.А. Гончарова «Обломов») // Материалы XXVIII межвуз. науч.-метод. конф. Вып. 19. Ч. 2. СПб., 1999.

T.L. Muzychuk

NON-VERBAL DISCOURSE AS SPEECH ACTIVITY

Non-verbal discourse, speech activity, speech interaction, speech impact, speech reaction.

In the article the author analyses fragments of a non-verbal dialogical discourse from the point of view of designation in them characters of speech activity. Speech activity under the conditions of dialogical communication is studied by the author as speech which components are a non-verbal influence and non-verbal speech reaction.

Е.А. Озерова

konf2009@yandex.ru канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Московского педагогического государственного университета Москва, Россия

К вопросу о межкультурной коммуникации на занятиях по РКИ в интернациональной группе

Русский язык как иностранный, межкультурная коммуникация, межкультурная компетенция, образование, интернациональная группа, глобализация, культура, языковая личность.

Работая в интернациональных группах высших учебных заведений, студенты и преподаватели сталкиваются с рядом специфических трудностей, и высокая межкультурная компетенция помогает успешно преодолевать их: облегчает общение между учащимися из разных стран, повышает качество образования и общий культурный уровень. Работа с опорой на межкультурную коммуникацию служит дополнительной мотивацией для более углубленного изучения русского языка и более творческого подхода. Автор статьи излагает основные принципы работы на уроках РКИ в целях повышения межкультурной компетенции учащихся.

Скаждым годом все более очевидна актуальность такого аспекта обучения и общения в группах студентов, изучающих русский язык как иностранный, как межкультурная коммуникапия.

Во-первых, межкультурная компетенция облегчает общение между учащимися из разных стран. Во-вторых, повышает качество образования. В-третьих, интересна почти всем студентам, а значит, служит дополнительной мотивацией для более углубленного изучения русского языка.

Стремление молодых представителей разных стран лучше узнать друг друга стало как результатом, так и дополнительной подпиткой мировой глобализации. К началу текущего столетия противостояние разных идеологических систем фактически изжило себя. Сегодня в процессы глобализации вовлечены все народы и культуры. И конечно, это не только «Макдональдсы» и одинаково оформленные супермаркеты, бутики и боулинг-клубы. Это и одинаковый стиль в одежде студентов, это нежелание есть национальную пищу и стремление питаться американским фаст-фудом. Это юные китаянки, не умеющие есть палочками, и русские подростки, не знающие русских народных сказок. Универсальные условия и ситуации вынуждают людей вести себя в них и реагировать на них если не одинаково, то узнаваемо [1; 5].

Таким образом, под угрозой оказывается именно функционально-поведенческая составляющая национальных культур. Ей грозит или исчезновение, или переход в карнавальную сферу, превращение в инсценировку и китч.

Понимание этой угрозы заставляет сегодня разные народы с особым, почти болезненным вни-

манием относиться к своим историческим корням, языку, традициям, национальным костюмам, наконец. И в этом плане, вероятно, весенний венецианский или бразильский карнавал, осенний баварский «Октоберфест» или корейский «Чусок», испанскую корриду и русскую Масленицу можно рассматривать как форму сохранения национальных ценностей. То есть в мире поднимаются силы, противостоящие побочным эффектам глобализации.

Глобализация почти безгранично расширяет поле идентификации индивида. Особенно это касается современного молодого человека, существующего наряду с реальностью в мировом киберпространстве.

В этом контексте интернационализацию личности через изучение иностранных языков и культуры можно рассматривать как путь к национально-культурной самоидентификации. Изучение иностранных языков и культур объективно становится одним из средств культурного противодействия глобализационным процессам.

Любой факт и процесс межкультурной коммуникации может быть охарактеризован по степени проникновения индивида в новую культуру. С этой точки зрения некоторые исследователи [4] выделяют следующие уровни: 1) культурное взаимоприятие; 2) культурное взаимопонимание; 3) культурное «взаимоединение». Первый уровень можно условно представить через утверждение: «Я предполагаю, знаю и учитываю, что другой думает и действует по-другому». Второй уровень — через утверждение: «Я знаю и понимаю, почему другой отличается, и я готов согласиться с объяснением его инакости и принять ее». Третий,

высший, уровень можно попытаться выразить утверждением: «Я понимаю и принимаю концептуальные ценности другого и готов разделить их». Целью первого уровня будет гарантирование взаимной культурной толерантности, целью второго — обеспечение взаимной культурной адаптации, а целью третьего — достижение единения в культурном смысле.

Важно помнить, что в процессе межкультурной коммуникации человек выступает как существо творческое. Поэтому реальное межкультурное общение на более высоких, чем первый, уровнях начнет тяготеть не к категории типичного, не к «мы», «они», «обычно» или «всегда», а к «я», «ты», «здесь», «сейчас». Очевидно, высшего уровня можно достичь только при условии выхода, во-первых, за пределы культурного быта в сферу культурного события и, во-вторых, за пределы знания факта культуры как такового в область личностной интерпретации этого факта как культурного явления. Что такое культурные явления? Это вечные ценности духовной культуры народа. Для русских это былины, иконопись, православные храмы и произведения великих русских писателей-классиков. Это традиционные предметы русского быта, такие теплые и домашние, и великая история преодолений и побед. Культурными событиями мы назовем также принципиально новые для каждой данной эпохи имена и тексты культуры, каковы, например, «Азбука» Ивана Федорова, «Житие протопопа Аввакума» или искусство русского авангарда [3].

Также культурными событиями могут стать и собственно исторические события, сыгравшие судьбоносную роль в развитии народа и человека в русской культуре. Причем это могут быть не только исторические ситуации, которые традиционно иллюстрируют становление и развитие российской государственности (Крещение Руси, Куликовская битва, реформы Иоанна Грозного, деятельность Петра I, Отечественная война 1812 г., революции XX в., террор, «оттепель», «перестройка» и т. д.) и которые обычно трактуются в специальных страноведческих курсах, преимущественно с информирующей целью. Но если принять во внимание цель обеспечения культурного взаимопонимания, то в ряд культурных событий нужно включить и те, которые существенно повлияли именно на менталитет народа. К ним можно отнести проведенную Владимиром Киевским в 980 г. реформу восточнославянского языческого пантеона как начало двоеверия на Руси или, например, демографические последствия завоевания и заселения Казанского и Астраханского ханств для областей центральной Московии, или исторические особенности землепользования в России. Такая информация необязательно должна предъявляться на изучаемом иностранном языке.

Тексты на русском языке как иностранном необязательно должны быть объемными. Но они обязательно должны быть понятными и понятыми. Для более полного восприятия следует использовать все имеющиеся возможности: иллюстрации, видеофильмы, экскурсии и комментарии преподавателя, наконец [2; 3].

Возможно, что даже при такой глубинной интерпретации основ специфики национальной культуры и менталитета мы едва ли сумеем подняться выше уровня обеспечения культурного взаимопонимания. Но уже на этом уровне важно найти и подчеркнуть общее в судьбах и культурах разных народов. Сравним, например, борьбу с крепостным правом в России и движение против рабства в Соединенных Штатах. Данные события «работают» на сходства, а не на различия в культурах. Сопоставление антинаполеоновских настроений в Испании и в России, проиллюстрированные творчеством Ф. Гойи и Л. Толстого, приведет к мысли о некоторых общих чертах в менталитете народов, живущих на противоположных концах Европы. Разумеется, подобные факты должны быть вычленены, систематизированы и поданы в соответствии с методикой РКИ.

Но все же высшего своего уровня, как и высшей цели, межкультурная коммуникация может достичь только при условии обращения к «событийному» пласту духовной художественной культуры. Только здесь личности предоставляется возможность органично воспринимать и использовать в речи единицы языка, связанные с общечеловеческими ценностями. Каждая национальная культура располагает текстами, трактующими концепты «жизнь», «смерть», «судьба», «любовь» и другие. Те из мировых текстов, которые пользуются наиболее широкой известностью и часто реинтерпретируются в культуре нации, могут наряду с национальными шедеврами составлять содержание обучения иностранным языкам и культурам.

При этом, изучая русский язык и культуру, можно читать не только оригинальные тексты, но и переводы мировых классиков. И это будет представлять особый интерес: ведь отечественная переводческая традиция остается до сих пор уникальной. Да и сама оригинальная русская литература, начиная от особенно актуальных сегодня пушкинских «Подражаний Корану» и кончая известными стихами И. Бродского о Джоне Донне, располагает неисчислимым количеством текстов, органично и неразрывно связывающих ее с текстами мировой культуры. С другой стороны, трудно представить культуру любой нации от испанцев до японцев без переводов произведений русской литературы. И здесь речь может идти не только о всемирной известности Толстого, Достоевского, Чехова. Показательна в этом отношении судьба стихотворения А. С. Пушкина «Если жизнь тебя

обманет». Переведенное в свое время на японский и на корейский языки, оно получило, в частности в Корее, уже в конце XIX в. такое широкое распространение, что «потеряло» автора и стало восприниматься как корейская народная мудрость.

Примеров очень много. По-видимому, перспективным могло бы быть выявление, описание и каталогизация как оригинальных, так и переводных текстов по критерию их «межкультурной валентности» в пределах понятия «культура нации». Именно такие тексты способны вовлечь в процесс своей интерпретации высокие и сложные духовные категории и тем самым воздействовать на личность. А это, в свою очередь, может помочь современному человеку обрести культурную

устойчивость и облегчить его национально-культурную самоидентификацию не только на функциональном, но и на глубинном, духовном уровне, не только через различное, «конфликтное», но и через «общее», «согласное». Это может служить основанием для дальнейшей эффективной работы в области межкультурной коммуникации как одного из важнейших аспектов обучения РКИ. Создание книг для чтения, погружающих учащегося в новую для него культуру, с творческими заданиями, диалогами, упражнениями, речевыми образцами; разработка видеоматериалов и интерактивных программ — вот актуальные задачи, которые стоят сейчас перед специалистами-практиками в области русского языка как иностранного.

Литература

- 1. Вербицкая Л.А. Глобализация и интернационализация в образовании и важность изучения иностранных языков // Мир русского слова, 2001. № 2.
- 2. Воробьев В.В. Лингвокультурология. Теория и методы. М., 1997.
- 3. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Дом бытия языка. М., 2000.
- 4. Голев Н.Д. Конфликтность и толерантность как универсальные лингвистические категории // Лингвокультурологические проблемы толерантности. Тезисы докладов межд. науч. конф. 24—26 октября 2001 г. Екатеринбург, 2001.
- 5. Гудков Д., Захаренко И., Красных В. Русское языковое сознание и межкультурная компетенция // Теория и практика русистики в мировом контексте. М., 1997.

E.A. Ozerova

REFERRING TO CROSS-CULTURAL COMMUNICATION DURING RFL STUDIES IN AN ETHNICALLY MIXED GROUP

Russian as a foreign language, cross-cultural communication, cross-cultural competence, education, international group, globalization, culture, language personality.

Students and teachers of international groups at institutions of higher education face a number of specific difficulties, and a high cross-cultural competence helps to overcome them with success. It facilitates communication between students from different countries, makes the quality of education and general cultural level higher. Relying on cross-cultural competence serves as additional motivation for a deepened study of Russian and a more creative approach to studies. The author discusses main principles to enhance cross-cultural competence of students during RFL classes.

Э.Э. Паремузашвили

shvilieka@rambler.ru аспирант Государственного института русского языка им. А.С.Пушкина Москва, Россия

Стратегия доминирования в структуре непрямого речевого акта

Непрямая коммуникация, непрямой речевой акт, речевая деятельность, стратегия доминирования, вербальная агрессия, когнитивно-коммуникативная парадигма.

В данной статье мы рассматриваем непрямые речевые акты с точки зрения их ситуативной обусловленности и стратегической направленности. Важно то, что человеческая коммуникация заключается не только во взаимодействии языковых личностей в целях передачи, получения, обмена информацией, но и в той или иной форме воздействия на эмоции и поведение собеседника. Для определения типов взаимодействия речевых партнеров мы, вслед за В. И. Шляховым, выделяем три концептуальные стратегии речевого поведения: кооперации или сотрудничества, словесного доминирования (персуазивности) и противостояния словесному воздействию. Стратегия доминирования в речевой практике реализуется как антидиалогическое слово-действие, приводящее коммуникантов к тому, что процесс общения либо «сбивается», либо «проваливается». Именно в этой среде зарождается вербальная агрессия, направленная на подавление собеседника. В подобном контексте речевая агрессия становится формой для осуществления стратегии доминирования, которая реализуется с помощью как прямых речевых актов, таких, как угроза, грубое требование, оскорбление и др., так, в частности, и непрямых речевых актов — намека, иронии, скрытой насмешки, иносказания, нарочитого непонимания, пародии, имплицитного прессинга, умолчания, метафоры и др., анализу которых посвящена наша статья.

о второй половине XX в. произошел «линг-Ввистический поворот», ознаменовавшийся переходом от структурной лингвистки к функциональной, в основе которой расположился «человек диалогический», по определению К. Ажежа. А.А. Леонтьев, говоря о современном состоянии лингвистического знания, писал: «Общая тенденция, наблюдаемая в современной лингвистике, заключается в разработке комплексных, пограничных проблем, в развитии «смежных» областей, где языкознание работает бок о бок с другими науками, такими, как социолингвистика, этнолингвистика, психолингвистика; это общая тенденция в проникновении «за» язык, в раскрытии сущностных характеристик деятельности человека в целом, в том числе и речевой деятельности; одним словом, в изучении не столько языка, сколько говорящего человека [12: 3].

В симбиозе научных школ и исследовательских программ вместе с расцветом когнитивной лингвистики родилась когнитивно-коммуникативная парадигма в языкознании, ознаменовавшаяся переходом от информационно-кодовой модели коммуникации, для которой характерна передача информации посредством кодирования и декодирования сообщений, к интеракционной, «в качестве главного принципа которой выдвигается взаимодействие, помещенное в социально-культурные условия конкретной ситуации» [5:

57]. Вместо формулы, заложенной еще Р. Якобсоном и У. Эко, «я говорю, ты понимаешь» используется другая: «мы сообща стараемся понять друг друга». При интеракционной модели коммуникации общение приобретает субъектно-субъектный статус, антагонизм в паре «говорящий» — «слушающий» преодолевается, и на смену ему приходит открытая система общения, в которой говорящий и слушающий взаимодетерминированы и взаимозаменяемы. Если основной задачей информационно-кодовой модели коммуникации является процесс декодирования слушающим «посыла» говорящего, без опоры на интерпретацию высказывания, то основной задачей интеракционной модели коммуникации не является достижение взаимного понимания, интерпретация — это критерий успешности или неуспешности общения. В данной модели значимы все формы речевого поведения - «действие и бездействие, речь и молчание в определенной ситуации может оказаться коммуникативно значимой». При интеракционной модели «коммуникация организуется совместными координированными усилиями обоих участников общения независимо от того, о каких конкретных вещах они говорят, в рамках какого конкретного жанра (гармоничного и дисгармоничного) протекает общение» [5: 57].

Когнитивно-коммуникативная парадигма, по нашему мнению, была обоснована не только

лингвистическими и психологическими изменениями, своим закреплением в гуманитарном знании она обязана также социальным и естественно-научным факторам. Теория относительности А. Эйнштейна и теория дополнительности Н. Бора — вот та научная «альфа», определившая дальнейшее развитие всего исследовательского сообщества середины XX и начала XXI века.

Воспринимая когнитивно-коммуникативную парадигму как комплексную лингвистическую единицу, мы считаем необходимым выделить, пользуясь терминологией Л. Ельмслева, ее пролегомены, т. е. общепризнанные идеи, на основе которых она построена [28: 12–18]:

- 1. Синтетический характер парадигмы.
- 2. Доминирование языка в мышлении и освоении мира, в обществе.
  - 3. Полифония в дискурсе.
- 4. Амбивалентность вербальных структур и стадиальность порождения речи.
- 5. Интерпретация косвенных речевых актов, метафор лежит в основе понимания метасмысла в дискурсе.
  - 6. Метасмысл в дискурсе.
- 7. Большинство речевых событий повторяется, рекуррентность важнейшая предпосылка для взаимопонимания собеседников.
- 8. Рефлексия основной инструмент исслелователя.

Основополагающими для нашего исследования являются пятый и шестой пункты, так как в непрямой коммуникации слушающий постоянно должен декодировать текст, который ему посылает говорящий. Текст — это код, метасмысл, которого нужно выявить. Метасмысл — это все то, что не сказано, не выражено в словах собеседника (автора), и то, что надо осознать слушателю (читателю), если он хочет понять смысл сказанного, смысл текста. Это те импликатуры, по определению П. Грайса, которые нужно вывести на поверхность, для того чтобы декодировать сообщение. Одним из способов выявления метасмысла является интерпретация непрямых речевых актов, таких, как намек, ирония, скрытая насмешка, иносказание, нарочитое непонимание, пародия, имплицитный прессинг, умолчание, метафора и др. Проанализируем в качестве примера непрямой речевой акт «скрытая насмешка», предложенный К.Ф. Седовым, «Бедняга/ оголодала// Не пойму только/ чтойто тебя все разносит? $Bu\partial amb/c$ голодуxu//»(муж - жене, в ответ на ее жалобы о том, что ей некогда пообедать) [22: 264]. Первое – выделение просодических элементов. Интонация на повышение «со смешком» в первом предложении. Интонация на понижение «со знанием дела» в последнем предложении. Наличие тактического ударения. Второе - знакомство с прецедентным текстом о том, что «от голода люди, действительно, пухнут». Третье — сама ситуация бытового общения: жена считает, что она занятой человек, муж, как мы видим из контекста, не согласен с этим утверждением. Насмешка в данном случае — это акт несогласия мужа со взглядами жены.

Итак, в основу когнитивно-коммуникативной парадигмы мы кладем определение языка как когнитивного процесса, осуществляемого в коммуникативной деятельности, в которой любое высказывание воспринимается со своей функциональной стороны. Эта парадигма вобрала в себя теорию речевой деятельности А.А. Леонтьева, которая, в свою очередь, была дополнена теорией речевых жанров М.М. Бахтина и А. Вежбицкой и теорией речевых актов Дж. Остина и Дж. Л. Серля. Одно из положений теории речевых актов состоит в том, что минимальной единицей человеческой коммуникации является не предложение или высказывание, а «осуществление определенного вида актов, таких, как констатация, вопрос, приказание, описание, объяснение, извинение, благодарность, поздравление и т.д.» [35]. Из теории речевых актов вышла школа непрямой коммуникации и теория персуазивности, в совокупности предоставив возможность описывать любое речевое действие с точки зрения дискурс-анализа в полифоническом исполнении говорящего и слушающего, так как высказывание в речевой коммуникации является действием, которое можно опознать и назвать.

Важно отметить, что изучение персуазивного речевого поведения или же персуазивной коммуникации имеет глубокие исторические основы, так как само понятие «персуазивность» впервые появляется в античной риторике. Взрыв научного интереса к персуазивной коммуникации за рубежом наблюдался в 40-50-е годы XX столетия. Впервые принцип персуазивности (доминирования) был выделен Дж. Лакоффом, который противопоставлял его принципу сотрудничества П. Грайса, реализуемому в четырех общеизвестных максимах [33]. Для определения типов взаимодействия речевых партнеров Дж. Линч выделял сотрудничающие речевые действия и конфликтные. Вслед за В.И. Шляховым [27]. мы выделяем три концептуальные стратегии речевого поведения: кооперации или сотрудничества, словесного доминирования (персуазивности) и противостояния словесному воздействию. Под персуазивностью мы понимаем «языковое воздействие, предусматривающее изменение модели мира адресата» [28: 156]. В нашем исследовании понятия «речевое воздействие» (доминирование) и «персуазивность» являются тождественными, первое наименование воспринимается как отечественный аналог второго. Персуазивность в

сегодняшней междисциплинарной лингвистике становится модным термином, что обусловливает и рост лингвистических производных от данного понятия: «персуазивная коммуникация» и «персуазивная речевая деятельность», приобретающие в работе И.Ю. Логиновой [13] тождественный статус; «персуазивные тактики» (А.В. Голоднов); «персуазивные языковые средства» (М. Хоффманн, К. Кесслер); «персуазивные тексты» (М. Хоффманн).

Выявление агрессивных элементов в непрямых речевых актах рассматривается нами в структуре стратегии доминирования в контексте непрямой коммуникации, под которой мы понимаем «содержательно осложненную коммуникацию, в которой понимание высказывания включает смыслы, не содержащиеся в собственно высказывании, и требует дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата» [5: 5].

Стратегия доминирования является одной из форм выражения речевой агрессии, проявляющейся в многообразных непрямых речевых актах и действиях. Однако в данном исследовании мы рассматриваем только мягкие формы ее выражения. Стратегия доминирования (воздействия) в речевой практике реализуется как антидиалогическое слово-действие, приводящее коммуникантов к тому, что процесс общения либо «сбивается», либо «проваливается». Именно в этой среде зарождается вербальная агрессия, направленная на подавление собеседника. В подобном контексте речевая агрессия становится формой для осуществления стратегии доминирования, которая реализуется с помощью навязывания партнеру своих интерпретаций и оценок событий, т. е., в конечном счете, своего мнения.

Нас интересует вербальная агрессия, так как она противопоставлена стратегии сотрудничества, реализуется в конкретной речевой ситуации доминирования и может быть представлена различными коммуникативными актами. Под вербальной агрессией мы понимаем антидиалогическое, поликонфликтное общение, направленное на «дисквалификацию» адресата адресантом.

Важно отметить, что вербальная агрессия может быть представлена как в прямой форме, так и в косвенной (непрямой).

«Прямая речевая агрессия — результат коммуникативного акта, иллокуция которого содержит открытую, очевидную враждебность» [22: 255]. Это оскорбления, угрозы, злопожелания, которые могут содержать табуированную лексику.

Непрямая речевая агрессия содержится в речевом акте, негативная иллокуция которого не вытекает из суммарного значения входящих в

высказывание компонентов. Важно то, что в непрямых речевых актах «на первое место выдвигается проблема их интерпретации адресатом и наблюдателем, основывающейся на ряде пресуппозиций, постулатов и презумпций» [5: 120]. Это намек, ирония, скрытая насмешка, иносказание, нарочитое непонимание, пародия, имплицитный прессинг, умолчание, метафора и др.

По мнению В.В. Дементьева [5], содержательными особенностями непрямых речевых актов являются такие признаки, как осложненная интерпретативная деятельность адресата, неконвенциональность, ситуативная обусловленность и креативность. Важно, что «представления, содержащиеся в языке в неявном, «недискурсивном» виде, оказываются наиболее «явными» носителями его антропоцентрического характера» [21: 217]. Слушающий в процессе коммуникации, производя когнитивные действия интерпретации непрямых высказываний, вскрывает «языковые лакуны», отображая тем самым метасмыслы слова, так как «язык, это нерукотворное орудие и изобретение, не только сам постоянно изменяется и совершенствуется, но и «совершенствует» способы выдать желаемое за действительное: истину можно не только сокрыть, но и исказить, факты не только констатировать, но и тасовать, передергивать, приукрашивать, преподносить в выгодном для себя свете, взглядами не только делятся, но и навязывают их; побуждают к действию (или не действию) не только просьбами и приказами, но и угрозами, лестью, шантажом...» [21: 261-262].

Мы считаем, что метафора, как и другие непрямые речевые акты, может служить инструментом агрессивного воздействия. Теория метафоры занимает пограничное положение между прямыми речевыми актами и непрямой коммуникацией, она эксплицирует переход прямых актов в косвенные. В современной теории непрямой коммуникации исследованию метафоры отводится особое место. Если вся «наша понятийная система носит преимущественно метафорический характер, тогда наше мышление, повседневный опыт и поведение в значительной степени обусловливаются метафорой» [11: 267]. Более того, «...необходимо подчеркнуть известную мысль о том, что этот феномен является прекрасным материалом для исследования скрытых когнитивных процессов, лежащих в основе метафоризации. Несложно выдвинуть предположение: в создании метафоры принимают участие универсальные когнитивные действия. В частности, эти речемыслительные операции используются говорящими в непрямой коммуникации, когда они сталкиваются с необходимостью опознавать и интерпретировать помимо метафоры иронию, эвфемию, умолчания и намеки. Эти же

действия, видимо, активизируются при создании новых слов» [28]. В данном исследовании мы не рассматриваем метафору в аристотелевском понимании (как поэтический троп), нас интересует ее когнитивная (речемыслительная) наполняемость, т. е. то «как функционирует метафора в речи, как говорящий продуцирует метафоры, а реципиент их декодирует» [28].

С точки зрения когнитивно-коммуникативной парадигмы нам важно выяснить, каким образом происходит дешифровка адресатом истинного смысла метафоры. Например, если попробовать расшифровать метафору, представленную в высказывании «Ну посмотри на нее// ни рыба/ ни мясо», логически, то это вызовет определенные трудности, так как необходимо поместить человека (девушку) в пограничный ряд между рыбой и мясом. Причем логично может возникнуть смежный вопрос, связанный с неодушевленностью мяса (чье мясо?). Носитель языка, безусловно, понимает то, что здравому смыслу здесь нужно пойти на уступки языковой традиции. В данном случае не девушка отождествляется с рыбой и мясом, а ее поведение в том или ином случае характеризуется окружающими как пассивное, бездейственное, не соответствующее ситуации, и в связи с этим уже персона помещается в алогичный речевой ряд. Путем логических умозаключений и трансформации образного языка в язык повседневного общения метасмысл метафоры выявляется.

Агрессия, вербализующаяся с помощью непрямых речевых актов, может быть направлена на внешний вид, умственные способности, моральные качества адресата.

Важно отметить, что классифицировать непрямые речевые акты теоретически можно по нескольким критериям:

- по целеполаганию (опираясь на языковые функции Р. Якобсона и М. Халлидейя);
- по силе воздействия (по иллокутивной силе, опираясь на теорию речевых актов Дж. Остина и Дж. Л. Серля);
  - по реакции слушающего (адресата);
  - по итогу общения.

В нашем исследовании мы опираемся не на критерий успешная/неуспешная коммуникация, а на критерий выводимости: декодированы ли слушающим скрытые агрессивные смыслы говорящего и выведены ли они из глубинной структуры на поверхность.

Представленные ниже непрямые речевые акты, несмотря на то что тематически повторяются, обладают разной ситуативной наполняемостью, а значит, и разной силой воздействия.

Ниже представлены девять константных непрямых речевых актов, функционирующих в непрямой коммуникации.

Насмешка — форма вербального давления. В обычной коммуникации она воспринимается как «обидная шутка, издевка» [15: 593]. Насмешка — это «обидная шутка, язвительное замечание, продиктованное стремлением говорящего сказать собеседнику неприятное, подвергнуть осмеянию» [26: 179]. Скрытая насмешка является имплицитной формой выражения данного коммуникативного явления.

Hy конечно/ все дураки/ а ты у нас самый умный/

Ситуация: жена — мужу, обвиняющему ее в недальновидности.

Метасмысл: «Рассуждения жены имеют право на существование. Она не глупее других, а мысли ее логичны».

- Мне звонили/
- $-\ Hy$ конечно/ $c\ ympa\ до\ вечера//\ Телефон$ оборвали//
  - Так звонили/ иль нет//
  - Кому ты нужен...

Ситуация: разговор сестры с братом, находящихся в ссоре.

Метасмысл: «С таким характером можно всех друзей потерять. В тебе никто не нуждается».

Умолчание — «оборот речи, заключающийся в том, что автор не до конца выражает мысль, предоставляя читателю (или слушателю) самому догадаться, что именно осталось невысказанным» [20: 572]. В непрямой коммуникации может быть представлено как одна из форм морального подавления адресата.

- Я сегодня с утра встретила Ирину Ивановну/ она рассказала о том/ что ты вчера.../ ну ты же понимаещь о чем я?
  - Так о чем ты?
- Да ничего/ наверное/ я что-то недопоняла// Посмотри/ какая погода сегодня чудесная// Ситуация: разговор двух подруг, одна из которых стремится придать себе так называемой вербальной значимости за счет вербального понижения статуса слушающего.

Метасмысл: «Мне известно то, что тобой тщательно скрывается. Это не секрет».

Ирония (с греч. «притворство») — «троп, состоящий в употреблении слова или выражения в смысле, обратном буквальному в целях насмешки» [20: 155].

Да/ доченька/ ты ведешь себя по-взрослому/ особенно когда приносишь двойки из школы//

Ситуация: мать — дочери, которая объясняет свое желание пойди в ночной клуб возрастом.

Метасмысл: «Поведение не соответствует возрасту, ни о какой дискотеке не может быть и речи».

Порядочность твоя безгранична/ дорогой!

Ситуация: жена — мужу, который очень поздно вернулся домой после работы.

Метасмысл: «Поведение мужа не вызывает доверия у жены, так как он не раз подтверждал ее подозрения».

Метафора — «оборот речи, состоящий в употреблении слов и выражений в переносном смысле на основе какой-н. аналогии, сходства, сравнения...» [15: 531]. В непрямой коммуникации может быть представлена как одна из форм морального подавления адресата.

Hy ты и cyxapb/ ничем тебя не прошибешb//

Ситуация: сестра делает замечание брату, обвиняя его в бесчувственности.

Метасмысл: «Засушенный кусок хлеба, сухой, неотзывчивый, эгоистичный человек».

Что смотришь/ как баран на новые ворота// Ситуация: общение подростков.

Метасмысл: «Млекопитающее, рогатый скот, не отличающееся умственными способностями, о глупом, недалеком человеке».

Намек — «слово или выражение, в котором не полностью высказанная мысль может быть понята только по догадке» [15: 581].

Цель: привести адресата к коммуникативному замешательству.

Ой/ Наташ/ привет// ... Знаешь/ а я вчера твоего в кафе видела/ с блондинкой// Ты толь-ко не беспокойся/ они же только коллеги//

Ситуация: встреча двух подруг.

Метасмысл: «Поведение твоего мужа не вызывает доверия. Я, конечно, не знаю точно, но подозреваю, что у него с блондинкой роман».

Интересно/ а можно ли на зарплату полковника построить дом в миллион долларов? Ситуация: общение старых приятелей за кружкой пива, риторический вопрос через намек приобретает форму укора.

Метасмысл: «И как это ты с мизерной зарплатой полковника отстроил царский домище? За какие деньги?»

В структуре непрямого речевого акта нарочитое непонимание — это форма вербального протеста, выраженная в том, что один из коммуникантов «как бы» не понимает смысл, адресованных ему слов, или же намеренно выраженная форма языковой игры.

- Куда прешь/ без очереди?
- Ой/ а Вы что-то сказали?
- Hem/ Вам показалось (грубо)//
- Я так и поняла//

Ситуация: очередь в продуктовом магазине.

Метасмысл: «Через игнорирование агрессии со стороны говорящего адресат понижает конфликтность ситуации. Реакция для адресанта неожиданная».

Пародия — «неудачное подражание, искажающее образец, превращающееся в насмешку, в издевательство» [15: 741].

(Голосом Ельцина): Прямо приехал сразу// Рад поприветствовать нашего уважаемого пенсионера//

(Голосом Горбачева): Hy/ вы знаете/ от пенсионера слышу//

(Голосом Ельцина): Я действительно/ как только/ так сразу со своего юбилея на ваш//

(Голосом Горбачева): Hy/ вы знаете/ Борис Николаевич/ что-то/ когда вы были президентом/ вы меня ни разу так и не приняли//

(Голосом Ельцина): Да занят был// To/ понимаешь/ то с Биллом встречался/ то с Колем/ то с Гельмутом//

Ситуация: пародия М. Галкина на потенциальную встречу Б.Н. Ельцина и М.С. Горбачева.

Метасмысл: «Пародия, как правило, направлена на высмеивание потенциальных недостатков героя (-ев) пародии».

Иносказание — эзоповский прием, под которым понимается «выражение, содержащее иной, скрытый смысл, аллегория» [15: 382].

Слушай/ не надо так упираться/ просто валаамова ослица//

Ситуация: разговор двух студенток, одна их которых настоятельно рекомендует другой принять какое-то решение.

Метасмысл: «Валаамова ослица — библейское животное, отличающееся упрямством, об упертом, стоящем на своем человеке».

 Γ оворят/ что на нем лежит каинова печать//

Ситуация: беседа в виде слухов.

Метасмысл: «Ветхозаветный сюжет, посвященный первому в истории человечества братоубийству (Каин убил Авеля). Перенос библейского сюжета на реальных людей».

В общеязыковом ареоле под прессингом понимается «психологическое, идеологическое или экономическое давление на противника в политике, соперника в бизнесе и т. п.» [15: 870]. С точки зрения непрямой коммуникации под имплицитным прессингом понимается форма скрытого вербального давления, направленная на то, чтобы собеседник потерял «равновесие» и поддался коммуникативному давлению. Коммуникант, использующий имплицитный прессинг в речи, может преследовать самые различные цели.

- … актив: имеется эмигрант/ вернувшийся в родной город// Пассив: он боится/ что его заберут в $\Gamma\Pi Y/$
- Да ведь я же вам тысячу раз говорил/ что я не эмигрант//
  - А кто вы такой? Зачем вы сюда приехали?
  - Hy/ приехал из города N по делу//
  - По какому делу?

- Hy/ по личному делу//
- И после этого вы говорите/ что вы не эмигрант?.. Один мой знакомый тоже приехал... (с. 48−49).

Ситуация: первая встреча Остапа Бендера и Кисы Воробьянинова.

Цель: получение информации.

Метасмысл: «Путем запугиваниями органами ГПУ Остап Бендер выуживает у Воробьянинова информацию о целях его пребывания в городе».

- Это национализированное имущество//
- Национализированное?
- Да-с, да-с/ национализированное/
- ...Кем национализировано?
- Советской властью! Советской властью!
- Какой властью?
- Властью трудящихся/(с. 81).

Ситуация: столкновение отца Вострикова и Кисы Воробьянинова.

Цель: дисквалификация соперника.

Метасмысл: «Вербальное запугивание оппонента, приводящее к сдаче им занимаемой позиции».

- Мы рады/ продолжал Остап /встретить в этой тревожной обстановке преданного борца за родину//
- Γ м... $\partial a!$ гордо процедил Ипполит Матвеевич...
- Да/ шептал Остап/ Мы надеемся с вашей помощью поразить врага// Я дам вам парабеллум//
  - Не надо/ − твердо сказал Кисляровский//
- Вы верный друг отечества! торжественно сказал Остап... Пятьсот рублей смогут спасти гиганта мысли//
- Скажите/ спросил Кисляровский жалобно/ а двести рублей не могут спасти гиганта мысли? (с. 424).

Ситуация: разговор между Остапом Бендером, Кисой Воробьяниновым и Кисляровским.

Цель: вымогание денег.

Метасмысл: «Остап Бендер, вымогая у Кисляровского деньги, прибегает к сложным лексическим конструкциям, тем самым «дисквалифицируя» оппонента».

Важно отметить, что предложенный список не является закрытым, как и любое речевое действие, детерминированное понятиями «здесь» и «сейчас», т. е. являющееся дискурсивно обусловленным, непрямые речевые акты могут модифицироваться и трансформироваться друг в друга в зависимости от целей общающихся и от коммуникативной среды. Данные непрямые речевые акты являются базовыми, константными и рекуррентными.

Говоря о дихотомии «дискурсивное — недискурсивное» знание, важно отметить, что, не-

смотря на вторичность в языке неявного, имплицитного знания, оно «представляет собой ни с чем не сравнимый источник сведений как о самом языке, так и о его носителе» [21: 538]. Более того, недискурсивные знания «являются наиболее ярким свидетельством взаимосвязи естественного интеллекта и естественного языка: их конгруэнтности, ассиметрии и дополнительности» [21: 538], в основе которых находится более глубокая связь когниции и коммуникации.

Выше нами были показаны способы выявления и перевода имплицитного знания в эксплицитное на основе скрытой насмешки и метафоры. Алгоритмически этот процесс может быть представлен следующими когнитивными операциями:

- 1. Провести непрямой речевой акт через процедуру интерпретации (парафразирования) для того, чтобы поднять на поверхность скрытый смысл высказывания.
- 2. Выявить экстралингвистические составляющие дискурса.
- 3. Обратиться к прецедентным текстам, если они есть.
  - 4. Опираться на прошлый опыт общения.
- 5. Проанализировать ситуацию с точки зрения «здесь» и «сейчас».

Например, в иносказании «Савельев, ты снова ведешь себя как Иуда» (ситуация: жена (В) — мужу (А), который несколько недель подряд посещает с друзьями баню) представлены все когнитивные операции:

- 1. (A) еженедельно ездит с друзьями в баню, (В) недовольна его поведением, так как считает это подозрительным.
  - 2. (В) отождествляет (А) с неким «Иудой».
- 3. Иуда новозаветный персонаж, ученик Иисуса, предавший его Ироду (за 30 сребреников).
- 4. Присутствие в высказывании маркера «снова» подтверждает факт уже неоднократного, по мнению (В), аморального поведения (А).
- 5. (В) опять недовольна поведением (А), так как он не раз подтверждал ее сомнения.

Процесс выявления агрессивного потенциала в непрямых речевых актах является практикой очень сложной, так как требует от интерпретатора не только чисто лингвистических знаний, но и «экстралингвистического чутья», с помощью которого в речевом потоке адресат сможет распознать и вывести все скрытые смыслы говорящего на поверхность. Поэтому стратегия доминирования приобретает координирующее значение в процессе выявления и анализа скрытых (непрямых, имплицитных) речевых актов, определяющих как ситуацию общения, так и речевое поведение адресата.

Литература

- 1. Ажеж К. Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки. М., 2008.
- 2. Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике. 2-е изд., испр. и доп. / Под ред. А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского. М., 2001.
- 3. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. М., 1990.
- 4. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
- 5. Дементьев В.В. Непрямая коммуникация. М., 2006.
- 6. Демьянков В.З. «Теория речевых актов» в контексте современной лингвистической литературы: (Обзор направлений) // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М., 1986.
- 7. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003.
- 8. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века: (Опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. М., 1995.
- 9. Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004.
- 10. Кубрякова Е. С. Понятие «парадигма» в лингвистике: Введение // Парадигма научного знания в современной лингвистике. Сб. науч. трудов. М., 2008.
- 11. Лакофф Дж., Джонсон М. Метофоры, которыми живем // Актуальные проблемы современной лингвистики: Учеб. пособие / Сост. Л.Н. Чурилина. 3-е изд. М., 2008.
- 12. Леонтьев А.А. Деятельность, сознание, личность. М., 1975.
- 13. Логинова И.Ю. Персуазивность как механизм воздействия в политическом дискурсе: программа политической партии и манифест // Интерпретация. Понимание. Перевод: Сб. науч. статей. СПб., 2005.
- 14. Лузина Л. Г. О когнитивно-дискурсивной парадигме лингвистического знания // Парадигма научного знания в современной лингвистике. Сб. науч. трудов. М., 2008.
- 15. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / Под ред. проф. Л. И. Скворцова. 26-е изд., испр. и доп. М., 2009.
- Паремузашвили Э. Э. Виды вербальной агрессии // Международный аспирантский вестник. Русский язык за рубежом. 2009.
   № 1-2.
- 17. Паремузашвили Э. Э. Проблема декодирования агрессивных речевых актов в непрямой коммуникации // Русский язык: исторические судьбы и современность. IV Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы / Сост. М. Л. Ремнева, А. А. Поликарпов. М., 2010.
- 18. Разлогова Е. А. Когнитивные установки в прямых и непрямых ответах на вопрос // Логический анализ языка. Избранное. 1988–1995. М., 2003.
- 19. Резуненко М. Ф. Стратегии и тактики речевого поведения судей, государственных обвинителей и адвокатов в судебно-процессуальном дискурсе. Дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2007.
- 20. Розенталь Д. Э., Теленкова М.А. Справочник по русскому языку. Словарь лингвистических терминов. М., 2008.
- 21. Рябцева Н. К. Язык и естественный интеллект. М., 2005.
- 22. Седов К. Ф. Речевая агрессия и агрессивность как черта речевого портрета // Социальная психолингвистика: хрестоматия. М., 2007.
- 23. Фуко М. Археология знания. Киев, 1996.
- 24. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М., 2003.
- 25. Шевченко И. С., Морозова Е. И. Проблемы типологии дискурса // Дискурс как когнитивно-коммуникативный феномен. Харьков, 2005.
- 26. Щербинина Ю. В. Вербальная агрессия. М., 2006.
- 27. Шляхов В. И. Сценарии русского речевого взаимодействия в теории и практике преподавания русского языка иностранцам. Автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 2009.
- 28. Шляхов В. И. Речевая деятельность: Феномен сценарности в общении. М., 2010.
- 29. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб., 2006.
- 30. Якобсон П. М. Общение людей как психологическая проблема. М., 1998.
- 31. Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975.
- 32. Brown P., Fraser C. Speech as a Marker of Situation // Social Markers in Speech.. Cambridge, 1979.
- 33. Lakoff R.T. Persuasive discourse and ordinary conversation with examples in advertising // Tannen, D. (ed.). Analyzing discourse: text and talk. Georgetown University Press, 1982.
- 34. Rudzka-Ostyn B. Introduction // Conceptualizations and mental processing in language / Ed. by Geiger R.A., Rudzka-Ostyn B. B., N.Y., 1993.
- 35. Searle J. R., Kiefer F., Bierwisch M. (eds.). Speech act theory and pragmatics. Dordrecht, 1980.

Источники

- 1. Ильф И., Петров Е. Золотой теленок. Роман. М., 2006.
- 2. Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. Роман. М., 2006.

Eka Paremuzashvili

DOMINATION STRATEGY IN STRUCTURE OF THE INDIRECT SPEECH CERTIFICATE

Indirect communications, the indirect speech certificate, speech activity, domination strategy, verbal aggression, paradigm.

In the given article we consider the domination speech strategy in discourse. Human communication is known to consist not only of speakers interactions for the purpose of conveying information, but also influencing emotions and behavior of the speech counterpart. The article deals with indirect communication acts involved in the domination strategy.

С.П. Самойлова

swyti@mail.ru

ст. преподаватель, зам. зав. кафедрой иностранных языков №1 Института иностранных языков Российского университета дружбы народов

Принцип дополнительности Н. Бора как метод анализа языкового сознания

Принцип дополнительности, базовые ценности, индивидуальное сознание, семантическое пространство, ценностная доминанта, личностный смысл, психосемантика, семантический дифференциал.

В настоящей статье в качестве методов анализа языкового сознания использованы принцип дополнительности Н.Бора и методика семантического дифференциала для построения семантического пространства базовых ценностей лингвосоциума. В ходе анализа была произведена математическая обработка матрицы ценностных доминант индивидуального сознания. Математическая обработка позволила представить исходные данные в компактной, хорошо структурированной форме, удобной для анализа и дальнейшей интерпретации.

анная работа посвящена анализу и описанию состояния базовых ценностей языкового сознания и их психологических составляющих.

В этом контексте закономерности отношений между сознанием и психическими состояниями создают возможность изучения осознаваемых доминант состояний индивида.

Исследование осознаваемых доминант через субъективную систему значений, образующих семантическое пространство, включает также изучение содержательных характеристик сознания в переживаемых субъектом состояниях. Субъективные семантические пространства состояний субъекта могут быть рассмотрены также как модель отражения содержания языкового сознания индивида.

Изучение сознания как составляющей психического состояния, представленного в его ценностных доминантах, позволяет раскрыть специфику и закономерности проявлений сознания, обеспечивающих категоризацию качественных характеристик осознаваемых психических состояний и выявить закономерности процесса осознания в онтогенезе, а также рассмотреть социально-психологические и культурные влияния и их отражения в языковом сознании.

Отраженная психикой совокупность элементов ситуации (условий, обстоятельств и т.д.) становится значимой для субъекта, только приобретая для него определенный личностный смысл. Отражением этой значимости ситуации и личностного смысла является возникающее психическое состояние. По мнению А.О. Прохорова, «благодаря личностному смыслу в ситуации происходит выделение наиболее значимого фактора, обстоятельств, причины, ключевого элемента и т.п.,

влияющих на субъекта, что детерминирует актуализацию определенного состояния» [12]. Личностный смысл, его ценностность, является одной из главных составляющих человеческого сознания и во многом обусловливает его пристрастность. По определению А.Н. Леонтьева [7: 150], отражением личностного смысла в деятельности человека может являться, например, профессиональная направленность. По-видимому, личностный смысл приводит к внутренне непротиворечивому для личности преобразованию различных аспектов ситуации в единое целое.

Личностный смысл является системообразующим фактором, обусловливающим возникновение психического состояния; он индивидуализированное отражение действительного отношения личности к определенным объектам, входящим в ситуацию, осознаваемое как «значение для меня», в основе которого лежат направленность личности, уровень притязаний, ценности и ориентации, роли, образ «Я» и другие особенности самосознания [11].

В этой связи С.Л. Рубинштейн отмечает: «Непрерывное членение (анализ) ситуации, выделение в ней того, что существенно в соотношении с требованием жизни человека...» [13].

Понятие «личностный смысл» используется в зависимости от его места в обществе, его мотивов, установок, эмоций и т.д. [4].

Согласно концепции А.Н. Леонтьева [6], в личностный смысл входят две системы связей: своим происхождением он обязан процессам, происходящим вне сознания субъекта; личностный смысл возникает в его реальной жизнедеятельности, отражая отношение целей и обстоятельств совершения действий к мотивам деятельности. Однако в

структуре сознания личностный смысл вступает в новые связи — в связи с другими составляющими сознания — и выражает себя в значениях и эмоциональных, чувственных переживаниях. Если внешняя чувственность связывает в сознании субъекта значения с реальностью объективного мира, то личностный смысл связывает их с реальностью самой его жизни в этом мире, с ее мотивами. Одни и те же по своему содержанию обстоятельства, действия, их последствия, вовлекаемые в разные жизненные отношения, могут иметь различные личностные смыслы: позитивный смысл в отношении к одному мотиву и иной, негативный смысл в отношении к другому.

По мнению А.А. Леонтьева, смысл — «...это та сторона сознания индивида, которая определяется его собственными жизненными отношениями... Смысл — это то в нашем отражении действительности, что обусловлено особенностями деятельности каждого отдельного человека» [5].

«Я», рассматриваемое действующим субъектом как условие самореализации, также приобретает личностный смысл [14].

Важные идеи о динамике сознания разработаны в трудах А. Бергсона [1]. Основой психической жизни он считает живую, непрерывную, постоянно изменяющуюся текучесть психической реальности. Эта текучесть выступает как поток «тесно проникающих друг в друга образов», как смена чувств, образующая «несмолкаемую мелодию нашей внутренней жизни», как переход друг в друга психических состояний, каждое из которых содержит в себе предшествующее ему и подготавливает следующее за ним [2: 179]. По аналогии с А. Бергсоном У. Джемс говорит об отражении в психическом состоянии сознания и, следовательно, о непрерывном, текучем изменении сознания, «потоке сознания» [3].

При исследовании психических состояний были использованы методы психосемантики, позволяющие рассматривать семантические пространства состояний как осознаваемый базис данного психического явления.

В основе таких представлений лежит принцип операциональной аналогии между параметрами субъективного семантического пространства и категориальной структурой сознания [10]. По мнению А.О. Прохорова, большое разнообразие психических состояний субъекта обусловлено лексическими пластами языкового сознания. Лексические пласты являются звеном, которое опосредует влияние разнообразных факторов жизнедеятельности субъекта и являются «осознаваемым фундаментом» психического состояния, через который преломляются любые воздействия на личность. Это находит отражение в разнообразии состояний. Лексические пласты образуют типичные функциональные иерархически разно-

уровневые семантические пространства состояний по типу граф-дерево, дифференцированные по количеству элементов, шкале осознанности (коннотативность — денотативность), связанности и интегрированности признаков в факторы-категории, глубине, ведущим составляющим, размерностям и др. Каждая группа состояний, выделенная на основании определенных классифицирующих признаков (по времени — длительности, пространству, энергетическому фактору и т.д.) характеризуется спецификой семантических пространств. За этой спецификой стоят категориальные структуры сознания, обеспечивающие дифференциацию, осознание и рефлексию переживаемых состояний, а также величину семантического пространства.

В то же время в состоянии как психическом явлении, имеющем ряд системных характеристик, практически полностью неизученным является механизм осознанности, т.е. каким образом происходит смена функций состояний сознания. В работах В.Ф. Петренко описано, что эмоции способны изменять характер категоризации, а введение аффективной окраски исследуемых объектов приводит к уплощению семантического пространства (уменьшению его размерности), переходу от денотативной (предметно-категориальной организации) к коннотативным факторам [9; 10].

Отдельные факты свидетельствуют о том, что состояния сознания способны изменять психический образ и, увеличивая субъективный вес тех или иных параметров, нарушать его предметную логику, а значит, и трансформировать его значение. Изменяя значения слов в сознании человека, состояния сознания увеличивают вариативность значений. Под этим влиянием перестраивается структура индивидуального сознания. Подтверждением этому служит работа А.Н. Леонтьева [8], в которой исследовалось влияние эмоциональных состояний на характер протекания потока свободных ассоциаций. В ходе исследований было установлено, что, если ассоциативный поток испытуемых попадал в область, чем-то для испытуемых аффективно окрашенную, наблюдалась, по определению А.Н. Леонтьева, «реакция аффективной персервации», суть которой заключалась в том, что процесс ассоциирования по цепному принципу прерывается и испытуемый начинает давать ассоциации на ключевой раздражитель. Таким образом, сознание уравновешивает бытие и субъекта, наполняя бытие смыслом.

В этом контексте роль сознания заключается в определении субъективного ответа на ситуацию жизнедеятельности — в качественных особенностях проявленного психического состояния.

В связи с этим для определения субъективного ответа на происшедший ситуативный процесс была предпринята попытка объединения количественных (опрос определенной группы респон-

дентов) и качественных (определение глубинных, неосознаваемых характеристик сознания) психосемантических методов с использованием, при этом количественных критериев их оценки. Возможность подобного совмещения дает один из проективных методов исследования — метод семантического дифференциала.

Основная исследовательская задача состояла в определении метода адекватного выявления эмоциональной (аффективной) составляющей установки, то есть в необходимости выявления того, что человек действительно чувствует по поводу конкретного названия, а не то, что он говорит об испытываемых им эмоциях.

Для этой цели необходимо было:

- определить аффективные компоненты смыслов, вкладываемых людьми в те или иные понятия, явления и т.д.;
- определить те факторы, которые определяют смысловую значимость объектов для каждого человека, т.е. по каким критериям человек оценивает различные объекты окружающего мира;
- определить различия в восприятии человеком разных объектов;
- выделить типы людей, имеющих похожую картину изучаемых смыслов.

Таким образом, методом психосемантики — семантическим дифференциалом информация переводится с когнитивного уровня (исследовательская задача всегда формулируется в его понятиях) на аффективный уровень, где эта информация закодирована не языковыми формами, а разнообразными ощущениями.

Метод семантического дифференциала основывается на явлении синестезии (мышлении по аналогии, когда одни чувственные восприятия возникают под действием других) и является операциональным способом «улавливания» эмоциональной стороны смысла, воспринимаемого индивидом в объектах. Семантический дифференциал (СД) позволяет выявить бессознательные ассоциативные связи между объектами в сознании людей.

Метод СД позволяет найти систему латентных факторов, в рамках которых индивид оценивает объекты. По существу, семантическое пространство — исследовательская модель структуры индивидуального сознания, и задача состоит в определении местонахождения изучаемого объекта в этом пространстве.

Тестируемые объекты (названия и т.д.) оцениваются обычно по ряду бимодальных семибалльных шкал, полюса которых задаются вербально с помощью антонимов хороший — плохой, теплый — холодный, активный — пассивный и т.п. Предполагается, что человек способен оценить изучаемый объект, соотнося интенсивность внутреннего переживания по поводу объекта с задан-

ной оценочной шкалой. Деления шкалы фиксируют различные степени качества данного объекта. Шкалы, коррелирующие между собой, группируются в независимые факторы, образующие семантическое пространство.

В классическом варианте Ч. Осгуда [15] в качестве шкал использовались коннотативные признаки, которые отражали не объективные свойства оцениваемого предмета, понятия, а субъективнозначимые для респондента стороны предмета, понятия.

Для сохранения «духа» метода и фиксации аффективных элементов установки используется набор шкал (15-25 шкал). Результатом методики являются не напрямую рассчитанные средние значения объектов по каждой из шкал, а получаемые в ходе особой процедуры анализа латентные факторы, на основе которых формируется семантическое пространство.

Для получения новых данных при описании языкового сознания был использован принцип дополнительности Н. Бора. Полученные данные были интегрированы в экспериментальную часть работы. Кроме того, была произведена реконструкция категориальной структуры индивидуального сознания, в которую были помещены индивидуальные системы значений. Значения в сознании каждого отдельного индивида «записаны» как правила их порождения. Для выяснения особенностей подобной записи были проведены исследования с применением метода анализа главных компонентов эмпирической матрицы, построенной на основе статистического анализа ответов респондентов. Проанализированы значения 15 понятийных компонент в 37-мерном пространстве общечеловеческих ценностей. Для удобства обработки полученной информации были выделены 3 главные оси, являющиеся линейной комбинацией ценностей. Приведены проекции всех понятийных компонент на главные оси. Выделены сильные корреляции между группами понятийных компонент и их проекциями на главные оси ценностей.

Основным результатом данной работы явилось в экспериментальной части определение 3 главных осей, определяющих процесс сознания в системе координат ценностей на основе статистического опроса российских респондентов. Полученные данные по 3 осям (факторам) близки к универсальным, которые приводит в своих исследованиях Ч. Осгуд, однако в нашем случае отличительной особенностью явилось слиянии факторов «активность» и «сила» в категорию «динамичность». Факторы приведены в порядке убывания вклада в общую дисперсию и составляют 26,1 % — «оценка», 15,2 % — «упорядоченность», 12,1 % — «активность+сила (динамичность)».

Литература

- 1. Бергсон А. // Краткий психологический словарь / Под ред. А.В. Петровского. М., 1991.
- 2. Бергсон А. Собр. соч. Т. 4. СПб., 1914.
- 3. Джемс У. Психология. М., 1991.
- 4. Краткий психологический словарь / Под ред. А.В. Петровского. М., 1991.
- 5. Леонтьев А.А. Языкознание и психология. М., 1966. С.34.
- 6. Леонтьев А.Н. // Краткий психологический словарь / Под ред. А.В. Петровского. М., 1991.
- 7. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
- 8. Леонтьев А.Н. Опыт структурного анализа цепных ассоциативных рядов [1928] // Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения. В 2 т. Т. II. М., 1983.
- 9. Петренко В.Ф., Кучеренко В.В., Нистратов А.А. Влияние аффекта на семантическую организацию значений // Текст как психологическая реальность. М., 1982.
- 10. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. Смоленск. 1997.
- 11. Прохоров А.О. Психические состояния и их функции. Казань, 1994.
- 12. Прохоров А.О. Семантические пространства психических состояний. Дубна, 2005.
- 13. Рубинштейн С.Л. Проблема общей психологии. М., 1976.
- 14. Столин В.В. Самосознание личности. М., 1983
- 15. Osgood Ch. E. The nature and measurement of meaning // Psychol. Bull. V. 49. 1952.

S.P. Samoylova

COMPLEMENTARITY AS BOHR'S METHOD OF ANALYSIS OF LANGUAGE CONSCIOUSNESS

The principle of complementarity, basic values, individual consciousness, semantic space, value dominant, personal sense, psychosemantics, semantic differential.

In this paper, there are described methods of analysis of language awareness based on the principle of complementarity of Bohr and the semantic differential technique to construct a semantic space of basic values of a linguosocium. The mathematical processing of the matrix of the value dominants of the individual consciousness was done. The mathematical processing allowed to present the initial data in the compact form that is convenient for the analysis and further interpretation.

В.П. Синячкин

word@list.ru

канд. филол. наук, доцент, зав. кафедрой русского языка и литературы Института иностранных языков Российского университета дружбы народов Москва, Россия

Методы исследования восприятия ценностей

Семантический дифференциал, семантическое пространство, общечеловеческие ценности, ассоциативное поле.

В работе исследуется восприятие определенных ценностей у студентов московских вузов. В ходе исследование используется методика семантического дифференциала Чарльза Осгуда. Главной целью эксперимента является выявление семантического пространства индивидуума. В статье представлены результаты проведенного эксперимента.

Вработе исследуется восприятие некоторого набора ценностей у студентов московских вузов. В данный набор входило 37 ценностей, отобранных в результате предварительного эксперимента. Для исследования использовалась методика семантического дифференциала (СД) Ч. Осгуда [6]. Метод, предложенный Осгудом, позволяет выяснить отношение человека к объекту и выявить основные факторы, определяющие отношение исследуемой группы, поместив объект в систему его признаков. По мнению авторов метода, СД позволяет измерять коннотативное значение, связанное с эмоциями, опытом, социальными установками, стереотипами и другими эмоционально насыщенными, слабо структурированными и мало- и неосознаваемыми формами восприятия. Метод СД позволяет измерять то состояние, которое следует за восприятием символа-раздражителя и необходимо предшествует осмысленным операциям с символами. По существу, методом СД исследуется именно эмоциональная окраска значений. Коннотативное значение можно определить как подразумеваемое значение, т.е. то, что подразумевается, предполагается на уровне индивидуального восприятия и опыта индивидом, когда он говорит или думает о том или ином объекте. Коннотативному значению противопоставляется денотативное значение, которое понимается как знание об объекте оценивания, о его реальных характеристиках. Отношение денотативного и коннотативного аспектов во многом соответствует отношению объективного и субъективного и отношению знака к обозначаемому: денотативное значение - когнитивно, межличностно, осознаваемо, объективно, а коннотативное значение - субъективно, индивидуально, ценностно, эмоционально, метафорично. Применение СД во многих случаях дает возможность избежать по-

пытки респондента соотносить оценки со своим представлением о социально одобряемом ответе, так как оценивая те или иные объекты с помощью шкал СД, респондент не имеет полного четкого представления о конечных результатах этой процедуры.

Реализация этого метода предполагает несколько этапов. На первом этапе исследователь разрабатывает систему полярных шкал, состоящую из пар антонимичных прилагательных, описывающих объект. Пример таких пар: «сильный - слабый», «активный - пассивный» и т.д. Классический семантический дифференциал подразумевает использование прилагательных, соответствующих коннотативным признакам объекта. Измеряемые объекты оцениваются по ряду биполярных градуированных шкал, полюса которых заданы с помощью вербальных антонимов. Оценки понятий по разным шкалам коррелируются друг с другом, и с помощью факторного анализа удается выделить группы таких коррелирующих шкал, объединить их в факторы. Психологическим механизмом, объясняющим взаимосвязь и группировку шкал в факторы, Осгуд [5] считал явление синестезии. (Синестезия - психологический феномен, состоящий в возникновении ощущения одной модальности под воздействием раздражителя другой модальности.) При подборе прилагательных важно избежать исследовательского субъективизма. Поэтому на первом этапе желательно провести серию опросов (30-40) с независимыми людьми, задавая им вопросы типа: «Какими прилагательными Вы могли бы описать данный объект?»

На втором этапе респондентам предъявляются объекты и шкалы для их оценки. Каждый объект должен быть оценен по всем шкалам. Предполагается, что, взглянув на объект, респондент способен соотнести свои ощущения со всеми

предложенными ему шкалами. Размер выборки исследования зависит от исследовательских задач. С учетом того что данным методом изучаются не респонденты, а оценки объекта, выставляемые по большому количеству шкал, в результате получается довольно большая матрица данных. Поэтому, как правило, достаточно ограничиться выборкой в 40-50 респондентов.

Третий этап — аналитический. Метод семантического дифференциала позволяет использовать разнообразные способы анализа, при выборе которых исследователю также следует исходить из поставленных перед ним задач. Среди наиболее часто используемых методов анализа выделяются:

- 1) анализ средних величин, который позволяет выявить усредненные оценки объектов по шкалам и таким образом сравнить объекты межлу собой:
- 2) факторный анализ, позволяющий выявить и построить типологию глубинных факторов, определяющих восприятие объекта человеком. Эти факторы включают в себя максимально коррелирующие между собой шкалы.

Главной задачей метода СД считается построение семантического пространства, структура которого может служить для исследователя объяснительной моделью того, как индивид воспринимает, классифицирует, сравнивает, оценивает заданные объекты или их характеристики. Семантическое пространство - это модель категориальной системы индивидуального сознания, иерархизированный набор наиболее глобальных, универсальных индивидуальных категорий, определяющих построение и содержание значений в сознании респондента. Семантическое пространство также можно определить как «пространство реакций». В математическом смысле построение семантического пространства является переходом от пространства данных большой размерности к меньшей. Исходные данные СД можно представить как трехмерный объект, осями которого являются оцениваемые объекты, шкалы и респонденты. Для того чтобы применить методы многомерного анализа, необходимо привести исходные данные к двумерному виду. На основе семантического пространства исследователь получает возможность изучить специфику факторов, которые определяют смысловую значимость объектов для респондентов, а также «семантическую дифференциацию» - место объектов в семантическом пространстве (различение реакций респондентов на объекты).

Экспериментальная часть Описание эксперимента

Испытуемые: 170 человек, студенты вузов.

Экспериментальный материал: для эксперимента были выбраны 37 ценностей, выявленных в предварительном исследовании. Экспериментальная методика и обработка данных: испытуемые шкалировали предъявляемые объекты по 15 классическим биполярным семибалльным шкалам СД Ч. Осгуда. В исследовании был использован следующий набор шкал-характеристик:

- 1. Неприятный приятный.
- 2. Безобразный красивый.
- 3. Медленный быстрый.
- 4. Изменчивый устойчивый.
- 5. Простой сложный.
- 6. Маленький большой.
- 7. Легкий тяжелый.
- 8. Темный светлый.
- 9. Пассивный активный.
- 10. Хаотичный упорядоченный.
- 11. Неподвижный движущийся.
- 12. Таинственный обычный.
- 13. Мягкий твердый.
- 14. Опасный безопасный.
- 15. Грубый нежный.

Полученная матрица данных подвергалась процедуре факторного анализа.

Экспериментальная инструкция:

«Пожалуйста, оцените по шкале от -3 до 3, насколько каждое из предложенных ниже качеств характеризует предложенные объекты».

Процедура эксперимента. Для оценки тестового объекта респонденту давался бланк для фиксации оценки.

Результаты

В результате обработки данных после поворота факторных структур было выделено 4 независимых, ортогональных фактора, интерпретация которых дается ниже. Факторы приведены в порядке убывания вклада в общую дисперсию: Оценка -23,6%, упорядоченность -15,2%, активность -13,5%, сила -10,6%. Так же были вычислены значения объектов-ценностей по каждому фактору и построены семантические пространства.

Первый фактор включал следующие шкалы, перечисляемые в порядке убывания факторной нагрузки:

Неприятный - приятный.

Безобразный - красивый.

Грубый - нежный.

Опасный – безопасный.

Это традиционно оценочный набор шкал, отражающий эмоциональную оценку объекта. Это наиболее значимый фактор.

Следующий по значимости фактор содержит шкалы:

Изменчивый - устойчивый.

Таинственный - обычный.

Xаoтичный — упоряdoченный.

Данный фактор можно назвать фактором «упорядоченности».

Третий по значимости фактор включает шкалы:

Неподвижный – движущийся.

Медленный – быстрый.

Пассивный – активный.

Это классический фактор «активности».

Наконец четвертый фактор представлен шкалами:

Легкий — тяжелый.

Мягкий – твердый.

 Π ростой — сложный.

Этот фактор можно назвать фактором «силы».

Факторы 1, 3, 4 — это базисные факторы, определенные Осгудом как оценка, активность, сила.

Фактор 2, названный нами «упорядоченность», был также выделен в исследовании Бентлера и Лавойе [4]. (Рассматривая более широкий по содержанию набор шкал и более широкий круг понятий для шкалирования, Бентлер и Лавойе

расширили универсальное семантическое пространство и наряду с факторами «оценка», «активность», «сила» выделили такие факторы, как «плотность», «упорядоченность», «реальность» и «обычность».) Таким образом, в результате эксперимента была выявлена четырехмерная категориальная структура сознания и построено семантическое пространство восприятия ценностей. При геометрическом представлении семантического пространства категории-факторы выступают координатными осями некоего пространства, а значения объектов (в данном случае ценностей) задаются как координатные точки внутри этого пространства. Это можно видеть на представленных графиках. На рис. 1 горизонтальная ось фактор ОЦЕНКА, вертикальная ось - фактор СИЛА.

На рис. 1 приведено семантическое пространство по факторам «оценка»/»сила». Рассматривая объекты по фактору «оценка», видим противопоставление двух групп ценностей: любовь, семья, творчество, удовольствие, успех, комфорт и беззаконие, бедность, неудача, одиночество. Таким образом, видим, что семья, успех, родина наиболее позитивны в оценке респонден-

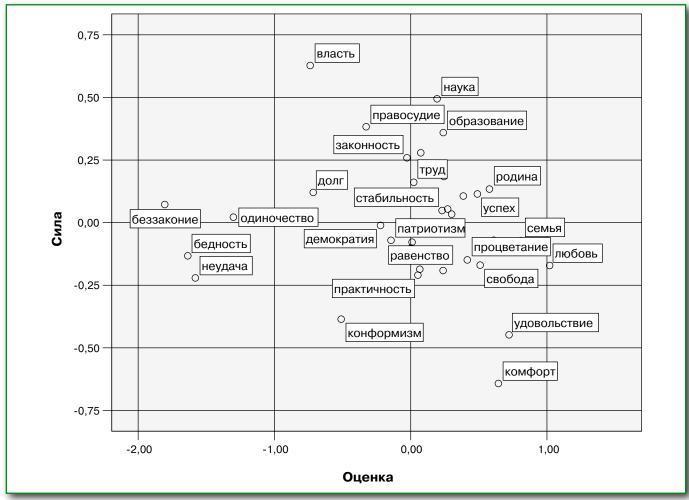

Рис. 1. Размещение ценностей по критериям: оценка, сила

тов, ассоциируются с любовью, удовольствием, творчеством и образуют позитивный полюс категории «оценка». На полюсе негативного восприятия — беззаконие, бедность, неудача, одиночество. Эти объекты можно назвать антиценностями, что подтверждается противопоставлением их богатству, успеху. Интересно, что эти антиценности имеют гораздо более четкую негативную оценку, чем противопоставленные им ценности. Также негативно, но в меньшей степени воспринимается власть, конформизм, долг. Эти две группы создают два полюса в категории «оценка».

Как видно из графика по фактору «сила» наиболее полярными являются ценности власть и комфорт. Т.е. власть характеризуется как тяжелая, твердая, сложная, а комфорт как легкий, мягкий, простой. Наибольшее значение по фактору «сила» имеет власть. Власть всегда ассоциируется с силой, является проявлением силы. Можно даже сказать, что это почти синоним силы. Однако наука, образование, прогресс больше ассоциируются со сложностью, которая также является составляющей категории «сила». На противоположном полюсе можно видеть ком-

форт, удовольствие, неудачу. Можно предположить, что стремление к комфорту, удовольствию и конформизму есть проявление некоторой слабости в глазах россиян.

Исходя из полученного семантического пространства, можно говорить, что и наука, правосудие, образование, прогресс, труд, законность также требуют твердости, усилий и преодоления сложностей. Напротив, удовольствия и конформизм — путь наименьшего сопротивления. Логично предположить, что бедность и неудача — результат недостаточного приложения усилий. Одиночество оценивается совершенно нейтрально. Если учесть, что по фактору «активность» одиночество расположено на полюсе пассивности (рис. 2), то можно предположить, что это состояние вынужденное (см. Ожегов С.И. Томиться в одиночестве).

Рассматривая размещение ценностей на рис. 2, в пространстве «активность»/ «упорядоченность», видим, что наибольшие ассоциации с активностью имеют ценности: прогресс, развитие, наука, труд, образование, а наименьшие — одиночество, бедность, религиозность, стабильность, равенство, неудача, комфорт. Это вполне

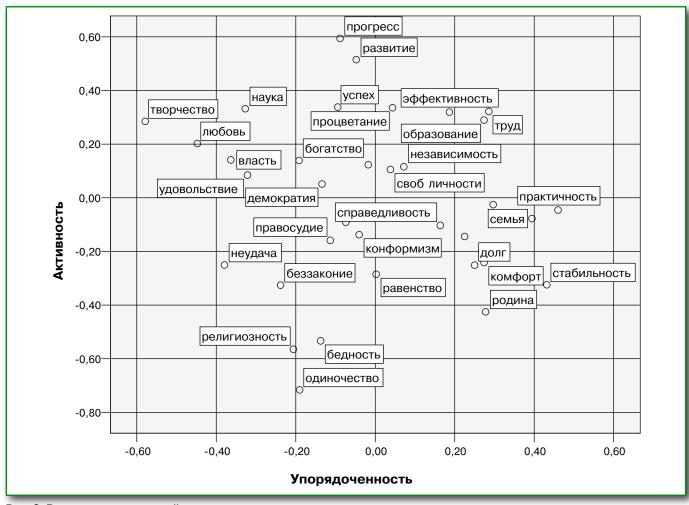

Рис. 2. Размещение ценностей по критериям: упорядоченность, активность

согласуется с результатами ассоциативного эксперимента. Можно отметить, что некоторые ценности (творчество, удовольствие, любовь, свобода, процветание) ассоциируются с движением и активностью,

На другом полюсе критерия «активность», т.е. наибольшие ассоциации с пассивностью, неподвижностью, медленностью, исходя из оценок респондентов, находятся одиночество, религиозность, бедность, в несколько меньшей степени родина, стабильность, долг, равенство, неудача, комфорт, беззаконие. Интересно, что правосудие и законность не ассоциируются с активностью. Как видно на рис. 2, наиболее полярно в данном семантическом пространстве воспринимаются по критерию «активность» одиночество, религиозность, бедность и прогресс, развитие.

Одиночество, религиозность, бедность представляют полюс пассивности. Можно полагать, что бедность, одиночество есть результат пассивного отношения к жизни, по мнению респондентов.

Переходя к фактору «упорядоченность», видим, что неупорядоченность, иными словами, стихийность (изменчивость, таинственность) свойственна, по мнению респондентов, творчеству, любви, неудаче, власти. Напротив, семья, практичность, родина, стабильность устойчивы, обычны, безопасны. Из графика видно, что полюс упорядоченности представляют ценности стабильность, родина, долг, практичность. Можно сказать, что родина по этой категории в сознании россиян в наибольшей степени связана с долгом, практичностью, стабильностью и несколько меньше - с равенством, образованием, законностью, здоровьем, справедливостью. На другом полюсе - любовь, неудача, религиозность, беззаконие, власть, творчество.

ПРОФИЛИ ОЦЕНОК ПО ШКАЛАМ

Для того чтобы более детально рассмотреть восприятие ценностей, были посчитаны средние значения оценок объектов по шкалам и построены профили оценок некоторых объектов (ценностей). Так, на рис. З представлены профили оценок по шкалам для ценностей долг, доставлень испех.

Как видно из рис. 3, респонденты воспринимают достаток и успех как близкие понятия (высокая корреляция и близкое расположение кривых). Т.е., если есть $\partial ocmamo\kappa$, то это уже успех и, если есть успех, то должен быть и достаток. Наиболее частотные ассоциации здесь – деньги, богатство, зарплата, благополучие, прибыль, большой. А вот $\partial o \pi z$ не коррелируется с достатком и успехом и не совпадает по оценкам. Из представленных на рис. 3 профилей восприятия ценностей наиболее отрицательные коннотации вызывает $\partial o \pi z$. По оценкам респондентов, он воспринимается как грубый, наименее приятный и красивый, как нависшая угроза. Можно даже сделать вывод, что следование долгу может мешать достижению достатка и успеха. Как уже отмечалось, он является не только наиболее грубым, но и наиболее тяжелым, опасным. Вполне вероятно, столь неоднозначное восприятие долга связано с принуждением следованию долга под давлением общественного мнения и иногда с негативными социальными последствиями при уклонении от его выполнения. В научном дискурсе общечеловеческих ценностей (ОЦ) «долг» понимается как категория этики и обозначает нравственные обязанности члена общества, как одна из категорий аксиологии, ассоциированная с категорией совести. В качестве аксиологической категории «долг» - достояние общественного сознания, в обыденном сознании

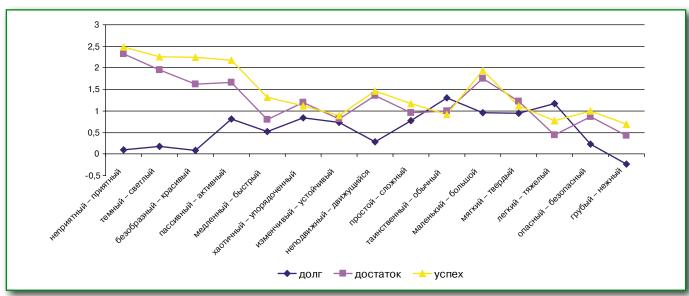

Рис. 3. Профиль оценок по шкалам для ценностей долг, достаток, успех

категория «долг» принимает форму ценностной ориентации и функционирует в качестве целей социальной деятельности.

«Словарь русского языка» под редакцией С.И. Ожегова дает такую дефиницию значения слова «долг»: «то же, что обязанность», а обязанность в том же словаре определяется как «определенный круг действий, возложенных на когонибудь и безусловных для выполнения».

Авторы работы «Базовые ценности россиян» [1] экспериментальным путем установили, что современные россияне ОЦ долг считают своей базовой ценностью.

Перейдем к анализу АП из РАС слова-стимула «долг» (прямой словарь) и АП слов-стимулов, вызвавших в качестве ассоциаций слово «долг» (обратный словарь).

АП слова-стимула «долг» имеет следующий вид: ДОЛГ: чести 55; честь 40; деньги 38; платежом красен 31; отдать 29; обязанность 28; перед Родиной 19; большой 14; интернациональный 11; совести, совесть 10; мой 9; вернуть, каждого, отдавать, человека 8; гражданина, платеж, родина, святой 7; выполнять, наш 6; денежный, перед Отечеством 5; выполнить, ответственность, памяти, платежом 4; армия, гражданский, красен, красен платежом, плата, платить, родине, священный, служба, службы, человеческий 3; вечный, военный, возвратить, возвращать, волк, врача, залог, зарплата, и совесть, исполнить, карты, матери, мужество, надо, не мой, не отдать, общественный, отдан, перед людьми, Родине, рубль, служебный, тяжесть, человек, чувство, чушь 2.

АП слов-стимулов, вызвавших реакцию долг: ДОЛГ $\leftarrow$ отдать 71; платить 23; обязанность 22; вернуть 17; общественный 16; отдавать 15; исполнить 10; заплатить 8; перед Родиной 7; внешний, возмещать, общий, остальной, отплатить 6; отдай, служба 5; взять, выполнять, забрать, материальный, невыполнимый, платил, платишь, требовать 4; брать, ваш, взаймы, одолжение, оплатить, ответственность, платила, работа, расплачиваться, святость, услуга, чувство 3; высший, давать, должен, иметь, исполнять, малый, милицейский, наш, нравственный, обещать, передать, платим, повинность, получен, помнить, постоянный, приказ, принести, свой 2.

Анализ АП из прямого и обратного словарей позволяет распределить ассоциации по следующим критериям:

- по нравственному критерию «чести», «честь», «совесть», «и совесть», «нравственный», «повинность», «памяти», «чувство долга», «ответственность»;
- по критерию признания ответственности перед своим/чужим этносом «перед Родиной»,

«Родина», «Родине», «перед Отечеством», «интернациональный»;

- по критерию ответственности перед обществом «гражданин», «гражданский», «общественный», «перед людьми», «человеческий»;
- по критерию специфической сферы деятельности: «армия», «служба», «службы», «военный», «служебный», «врача», «карты», «милицейский»;
- по критерию признания/непризнания сакральности долга — «священный», «высший», «святость», «мужество», «чушь»;
- по критерию величины долга «малый», «большой»;
- по критерию модуса существования «платежом», «красен», «красен платежом», «платить», «плата», «отдать», «отдавать», «вернуть», «выполнять», «выполнить», «возвратить», «возвращать», «не отдать», «отдан», «заплатить», «возмещать», «отплатить», «отдай», «взять», «забрать», «платил», «платила», «платишь», «платим», «требовать», «брать», «оплатить», «расплачиваться», «давать», «иметь», «исполнять», «обещать», «передать», «получен», «помнить», «принести»;
- по критерию синонимичности «приказ», «обязанность», «одолжение» «услуга», «надо», «чувство»;
- по критерию эквивалента измерения долга «рубль», «деньги», «денежный»;
- по критерию принадлежности долга «мой», «свой», «ваш», «наш», «не мой»;
- по критерию субъекта долга «человека», «гражданина», «матери», «врача», «каждого»;
- по критерию внешней/внутренней ориентированности «общий», «внешний», «остальной».

Можно высказать гипотезу о том, что большая частотность ассоциатов «чести», «честь» связан не с реальным функционированием образа чести в сознании русским, а с частотностью употребления словосочетания «долг чести» с диффузным значением

Проведем анализ ценности «достаток». Слово, обозначающее эту ценность, в словаре С.И. Ожегова (Словарь русского языка) имеет два значения «1. зажиточность, отсутствие нужды и 2. материальное благосостояние, доходы» с пометой (разговорное).

Словарная статья «Достаток» в РАС имеет следующий вид: ДОСТАТОК: деньги 13; в доме 7; большой, в семье 6; полный 4; недостаток, средний 3; благополучие, богатство, в деньгах, в жизни, во всем, денег, довольство, жизнь, иметь, материальный, неплохой, средств, ума 2.

Как известно, слова $A\Pi$ «достаток» — это слова, которые имеют ассоциативные связи со словом-стимулом «достаток».

Теперь приведем АП «достаток» из обратного словаря РАС: ДОСТАТОК $\leftarrow$ материальный 30; средний 4; престиж, роскошь 2.

Эта статья содержит слова-стимулы, ассоциатом которых в ассоциативном эксперименте (АЭ) было слово «достаток».

Обратимся к анализу АП «достаток» из прямого ассоциативного словаря (1-й том РАС). Самая частотная реакция «деньги», а также ассоциат «в деньгах» и «денег» указывают, что наличие денег у кого-либо в русской культуре является универсальным показателем достатка.

Ассоциаты «в одежде», «в пище», «средств» и «ума» показывают другие эквиваленты достатка, хотя и менее частотные. Чрезвычайно частотное слово-стимул «материальный» из обратного словаря наталкивает на вывод, что ценность «достаток» в русской культуре имеет прежде всего значение материального достатка.

Ассоциаты «в доме», «в семье», понимаемые как задолженность, отсутствие нужды, указывает на ту сферу, где обычно определяется уровень жизни, хотя на противоположную тенденцию использования слова «достаток» как средства измерения уровня жизни указывают ассоциаты «в жизни» и «во всем».

Асоциаты «большой», «полный», «средний», «неплохой» — это стандартные способы измерения материального обеспечения человека в русской культуре.

Ассоциаты «благополучие», «богатство», «довольство», а также «престиж» и «роскошь» из обратного словаря можно рассматривать как способы осмысления ценности «достаток» в русской культуре.

Ассоциат «недостаток» как средство характеристики уровня жизни связан семантическим отношением со словом «достаток», которое сформировалось в процессе сравнения: связь подобного типа, вероятно, является самой древней, если судить на основе данных онтогенеза, где она является первой логической операцией, которая усваивается ребенком.

Связь ассоциата «жизнь» со стимулом «достаток» может быть интерпретирована только гипотетически: «жизнь — это существование в достатке».

Осмысливая анализ ценности «успех», необходимо заметить, что материалы РАС в целом дают достаточные возможности для понимания этой пенности.

С.И. Ожегов определяет значение слова «успех» как «1. удача в достижении чего-л., 2. общественное признание».

Обратимся к анализу АП из РАС (прямой словарь). АП слова-стимула «успех» имеет такой вид: УСПЕХ: большой 40; огромный 28; удача 24; радость 21; обеспечен 17; дела, победа 14;

пришел 13; полный 12; неудача, цветы 11; счастье 9; в делах, в деле 8; иметь, слава 7; в работе, колоссальный, поражение 6; блестящий, потрясающий, придет 5; бешеный, в обществе, грандиозный, ошеломляющий, у женщин, шумный 4; аплодисменты, в любви, громкий, дело, долгожданный, друга, закономерен, легкий, на сцене, неожиданный, первый, провал, случайный, театр 3; артиста, безусловный, великий, в жизни, в игре, вскружил голову, в учебе, выигрыш, гарантирован, головокружительный, громадный, деньги, достижение, заслуженный, крупный, любовь, начало, овации, овация, сопутствует, сцена, триумф, ура, чужой 2.

АП слова-ассоциата «успех» (обратный словарь): УСПЕХ ← гарантировать 11; огромный 10; крупный 8; получаться 7; иметь 6; удача, шумный 5; абсолютный, большой, добиваться, материальный, победа, предвидеть, результат 4; блестящий, будущий, громадный, громкий, добиться, желать, общий, определенный, относительный 3; безуспешный, в любви, достижение, мимолетный, надеяться, найти, нежданный, полнейший, принести, серьезный, слава, средний, талант, уверенность, удастся, усердие, успеть 2.

Ассоциаты «большой», «огромный», «колоссальный», «грандиозный». «громадный», «крупный» — это характеристики успеха, принятые в русской культуре по критерию величины. Ассоциат «абсолютный», «определенный», «относительный», «общий», «полный» выделен по критерию полноты – неполноты. Ассоциаты «блестящий», «бешеный», «ошеломляющий», «громкий», «безусловный», «великий», «головокружительный», «заслуженный» выделены по критерию положительной – отрицательной оценки. Ассоциаты «долгожданный», «неожиданный», «случайный» выделены по критерию предсказуемости. Ассоциат «легкий» вычленяется по критерию легкости — трудности достижения, ассоциат «первый», «будущий» — по критерию очередности, ассоциат «шумный» - по критерию произведенного эффекта, ассоциат материальный - по критерию материальности - идеальности.

Ассоциаты «удача», «радость», «победа», «счастье», «слава», «выигрыш», «деньги», «достижение», «любовь», «триумф», «результат», «талант» — эквиваленты успеха, выступающие речевыми синонимами в речевом дискурсе современных русских.

Ассоциаты «дела», «в делах», «дело», «в деле», «в работе», «в обществе», «у женщин», «в любви», «на сцене», «сцена», «театр», «в жизни», «в игре», «в учебе» обозначают сферу деятельности, где хорошие результаты называют успехом.

Ассоциаты «неудача», «поражение», «провал», обозначают отсутствие успеха.

Ассоциаты «цветы», «аплодисменты», «вскружил голову», «деньги», «овации», «овация», «ура» обозначают атрибуты успеха в русской культуре.

Ассоциаты «получаться», «желать», «обеспечен», «пришел», «иметь», «придет», «добиться», «добиваться», «предвидеть», «гарантировать», «принести», «успеть», «сопутствует» указывают на стандартные действия, связываемые с успехом в русской культуре.

Анализ АП «успех» позволяет сделать вывод, что дискурс, в рамках которого функционирует представление об успехе деятельности членов русского социума, является достаточно проработанным.

Проанализированные ассоциаты обозначают содержание ценности «успех». Наши данные хорошо согласуются с данными ассоциативного эксперимента, проведенного в рамках проекта «Томская инициатива» в 2001—2002 гг. [1].

Там было показано, что самым частотным ассоциатом на слово «успех» являются «радость», «счастье», «удача», «труд», «работа», «удовлетворение». Исследователи делают правдоподобный вывод, что основные ассоциации на слово «успех» — это разные названия сильнейшей положительной эмоции в случае достижения успеха [2: 263].

Целью данного исследования было определить глубинные критерии отношения населения России к различным общечеловеческим ценностям. Выявить специфику отношения россиян к следующим ценностям: достаток, долг, успех. Использование психосемантического метода исследования позволяет выявить не только ситуативные, но и устойчивые представления жителей России о выбранных ценностях. Как правило, эти представления нелегко поддаются быстрому изменению, поскольку сформировались главным

образом на основе устоявшихся стереотипов, мифов, обычаев трудно поддающихся быстрому изменению.

В результате исследования были выделены четыре основных критерия, по которым российские респонденты оценивают представленные ценности. На основе этих критериев (независимых факторов) было построено семантическое пространство исследуемых ценностей, структура которого может служить для исследователя объяснительной моделью того, как индивид воспринимает, классифицирует, сравнивает, оценивает заданные объекты или их характеристики.

Первый критерий, «оценка», соответствует склонности индивидуума приближаться к стимулу или избегать его; она выражает положительный или отрицательный характер подкрепления реакций индивидуума на данный стимул.

Второй критерий — «упорядоченность» — организованность или возможность адаптироваться к данным стимулам.

Третий критерий — «активность» — указывает на необходимость или отсутствие необходимости совершать движения при адаптации к стимулам.

Наконец, четвертый критерий — «сила» — предполагает оценку объема приспособительной деятельности, которая вызвана или должна быть вызвана стимулом, или, быть может, оценку суммарного усилия, которое вложено в ответ на стимул. Выявление глубинных психологических механизмов, лежащих в основе данных категорий, помогает понять взаимосвязи аксиологического сознания с языковым сознанием россиян. Для более детального анализа восприятия ценностей были построены профили средних оценок по шкалам. Профили оценок позволяют сравнить отношение респондентов к интересующим ценностям по всем заданным параметрам.

Литература

- 1. Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы / Отв. ред. А.В. Рябов, Е.Ш. Курбангалеева. М., 2003.
- 2. Дубов И.Г. Анализ смыслового наполнения понятий, обозначающих ценности // Базовые ценности россиян: Социальные установки, жизненные стратегии. Символы. Мифы / Отв. ред. А.В. Рябов, Е.Ш. Курбангалеева. М., 2003.
- 3. Караулов Ю.Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов и др. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. 1. М., 2002.
- 4. Bentler P. M., La Voie A. L. An extension of semantic space // J. of Verbal Learning and Verbal Behavior. 1972, v. 11.
- 5. Osgood Ch. Studies on generality of affective meaning system // Amer. Psychol., 1962, v. 17.
- 6. Osgood Ch., Suci G. J., Tannenbaum P.H. The measurement of meaning. Urbana, 1957.

V.P. Sinyachkin

METHODS OF RESEARCH OF VALUES PERCEPTION

Semantic differential, semantic space, all-human values, association field.

The paper deals with studies on perception of certain values by students of Moscow institutions of higher education. The research relies on methods of semantic differentials proposed by Charles Osgood. The main goal of the experiment has been to disclose the semantic space of an individual, and the paper presents results of the conducted experiment.

А.А. Соколянский

sokol 2001@mail.ru

канд. филол. наук, зав. кафедрой русского языка Северо-Восточного государственного университета Магадан, Россия

Фонология, фонетика и орфоэпия в преподавании русского языка как иностранного

Фонология, фонетика, орфоэпия, разговорный язык, норма.

В статье говорится о необходимости использовать в работе с иностранными учащимися данные фонологии, фонетики и орфоэпии. Фонология помогает определить магистральные задачи, связанные с необходимостью научить студента различать те фонетические сущности, которые противопоставляются в русском языке, то есть сформировать состав фонем. Фонетика помогает в становлении непривычной для студента артикуляционной базы. Орфоэпия приучает пользоваться всем многообразием фонетических ресурсов русского языка. Приводятся примеры из практики работы с китайскими и американскими студентами.

о студенческих лет я проявлял интерес к фоиологии, моими любимыми книгами по лингвистике до сих пор остаются «Основы фонологии» Н.С. Трубецкого [1] и «Русская фонетика» М.В. Панова [2]. Однако прочувствовать всю силу фонологии, как говорится, «на своей шкуре» мне помог опыт преподавания русского языка китайским студентам. Несовпадение фонологических систем русского и китайского языков было настолько очевидным, что давало о себе знать на каждом занятии. Именно поэтому обучение любому иностранному языку должно начинаться с выявления фонологических соответствий и несоответствий между родным языком учащегося и изучаемым языком. Эти знания необходимы даже в тех случаях, когда преподаватель не владеет языком, на котором говорят его учащиеся (сведения о фонетике китайского языка можно почерпнуть, например, в [3]).

На своем опыте пришлось убедиться, что в китайском языке все наоборот. Пожалуй, радовал только звук [т], который в китайском, как и в русском, является не альвеолярным, а зубным. Только одна студентка, обремененная знанием английского языка, упорно вместо русско-китайского [т] говорила английский [t]. Мы, преподаватели, называли ее [коt], произнося это слово с альвеолярным согласным на конце.

Отсутствие категории звонкости — глухости согласных в китайском языке на первом этапе являлось главной фонетической проблемой. Китайские студенты никак не хотели отказываться от привычного для них деления согласных на придыхательные и непридыхательные: противопоставления слов $mom - \partial om$, $\partial am - mam$ и другие они пытались выстроить по законам фонетики китайского языка и на месте [т] произносили придыхательный [т^h], а на месте [д] — глухой [т].

Возникали и проблемы с фонологическим автоматизмом. В китайском языке непридыхательные и придыхательные составляют пары: $t - t^h$, $p - p^h$, $k-k^h$, но фрикативные согласные таких пар не имеют. После того как студенты уже усвоили противопоставление русских пар [T] - [J], $[\Pi] - [б]$, $[\kappa] - [\Gamma]$, мы все еще продолжали бороться за звонкую пару к звуку [с]. Дело в том, что в китайском языке звук в не имеет звонкой пары. Отсутствие звука z в системе китайского языка приводило к тому, что «превращение» [с] в звонкий согласный сопровождалось еще и добавлением признака аффрикатности: вместо [3] многие студенты упорно говорили [дз], появление которого было вызвано тем, что соответствующая звонкая аффриката есть в китайском языке. Работал такой фонологический механизм: звонкого (= непридыхательного) зубного фрикативного не может быть, потому что его не может быть никогда, его звонкость должна всегда сопровождаться аффрикацией. Приходилось идти от того фрагмента фонологической системы китайского языка, который ближе к русской. В китайском языке имеется противопоставление sh [š] и r[ž], они противопоставлены именно как глухой и звонкий. Для усвоения артикуляции [3] использовалась фонологическая пропорция: u - m = c - 3. Практически это выглядело так: студенты артикулировали пару [ша - жа], потом [ша - са]. Когда эти пары были освоены, переходили к паре [са за]. Не сразу, но постепенно артикуляция русского звука становилась все увереннее.

К сказанному хочется добавить еще одно практическое наблюдение. Надо научить студента не только слышать речь говорящих на чужом языке, но и свою собственную — как на родном языке, так и на иностранном. Надо сразу же закреплять до-

стигнутый артикуляционный навык. Иногда бывает так: преподаватель долго бьется над произношением какого-то звука, того же [3]. И с преподавателя, и со студента сходят семь потов. Они, кажется, уже оба ненавидят этот звук. Наконец измученный студент произносит правильный звук, не менее измученный преподаватель говорит: «Хорошо, вот так дальше и говорите». Но студент еще не осознал, что он говорит, поэтому результат, достигнутый с таким трудом, почти мгновенно утрачивается. Поэтому необходимо после того, как студент правильно произнес требуемый звук, помочь ему услышать, что же именно он правильно произнес.

Иногда приходится принимать во внимание фонетику не только литературного, но и диалектного языка. Известно, что в китайском языке диалекты имеют значительное распространение, среди носителей диалекта вполне можно встретить и очень молодых людей. Обучая студентов русскому языку, я пытался освоить и начала китайского языка, что вызывало безграничный восторг моих учеников, которые могли видеть своего преподавателя в том же затруднительном положении, в каком часто находились и они. Больше всех хотела научить меня китайскому счету студентка с русским именем Тоня. В китайском языке существует противопоставление фонем <s> и <š>. Слово «четыре» произносится как sì, слово «десять» как shi, которые различаются не только согласным, но и тоном. Особую трудность для русских вызывает звук, обозначенный буквой i, но не похожий ни на русский [и], ни на русский [ы]. Предметом моего освоения был именно этот звук, который, как я сейчас думаю, мне освоить так и не удалось. Старательно произнося за моей китайской «учительницей» эти слова, в какой-то момент я услышал, что она произносит в этих словах одинаковые согласные, о чем я не преминул сказать. Ответом мне был смех других китайских студентов (китайцы, как и русские, не отличаются повышенной деликатностью), которые простодушно объяснили мне, что Тоня из деревни, где говорят «неправильно». Только тогда я догадался, почему этой студентке с таким трудом дается противопоставление звуков [с] и [ш], с которыми другие студенты справлялись относительно легко. Противопоставление фонем s и sh отсутствовало в ее родном диалекте. Этот случай показал мне, что необходимо не только принимать во внимание противопоставление русского и китайского языков в их литературной форме, но и помнить о китайских диалектах.

Вслед за Л.В. Щербой принято говорить об идеальном фонетическом облике слова [4]. Не все фонетисты согласны с построениями Л.В. Щербы. Более всего вызывает критику выделенный им полный стиль произношения, который очень похож на послоговое (чуть ли не орфографическое) произношение слов. Во многом первый ленинградский фонолог шел от опыта обучения иностранному язы-

ку. И здесь его построения более востребованы, чем при описании современного русского языка.

Иногда преподавателю приходится сталкиваться с тем, что можно было бы назвать фонетическим плацебо. Известно, что самый трудный студент тот, который учил русский язык со слуха. Был такой студент и среди моих китайцев. Русский язык он осваивал на одной из строек в Чите. Страшно было не то, что его лексический запас включал в себя слова, с которыми мы не торопимся знакомить детей и осуждаем их употребление в речи. К слову сказать, этот студент прекрасно осознавал стилистическую окрашенность этих слов и не использовал их (по крайней мере, в общении с преподавателем). Дело совсем в другом. Очень часто освоенные разговорные формы не позволяют перейти к формам другого произносительного стиля.

Сначала пример из лингвистической классики. Е.Д. Поливанов писал о том, что китайские студенты спрашивали его, одинаково ли произносятся слова десять и есть. На этот фрагмент из работ Е.Д. Поливанова обратил внимание М.В. Панов [2: 273-274]. Действительно, в разговорной речи эти формы могут совпадать, так как разговорная речь знает переход ∂' в i (xoum mym xoum = xo ∂ um $mum, xo\partial um)$ и редукцию до нуля звука безударных гласных. Чтобы убедить русских студентов в возможности такого произношения, я обычно использую фразу: У тебя будет есть рублей? Эту фразу я произношу в разговорной манере и вместо слова десять говорю слово есть. Фраза произносится несколько раз, и студенты убеждаются, что в быстрой речи никаких аномалий в этой фразе обнаружить не удается.

Но представим себе человека, у которого слова десять и есть последовательно не различаются во всех стилях речи. Очень часто такими людьми бывают иностранцы, которых русскому языку обучала жизнь, а не преподаватель. На каком-то этапе они сталкиваются с тем, что их русский уже не поддается усовершенствованию. Упомянутый китайский студент оказался почти неспособным усваивать грамматику русского языка. Фонетические подмены привели к подменам грамматическим. В существительных с ударением на основе флективная выразительность оказывается фонетически ослабленной. Так, склоняя слово мама в единственном числе, мы произносим мам[ъ], мам[ы], ма[м'и], mam[y], mam[ъи], o ma[m'u]. В каких-то случаях мы в разговорной речи «проглатываем» окончания, делаем их похожими друг на друга. В речи моего студента со стройки при внимательном изучении обнаружилась только одна форма существительного: в конце слова он говорил что-то среднее между [ъ] и [ы]. Схожим образом он умудрялся говорить и существительные с ударными окончаниями. Получается, что русские существительные в его речи не склонялись! Такая суррогатная речь, наверное,

годилась для общения на стройке, но она закрывала путь к освоению русского языка в более полном объеме. Такова расплата за пренебрежение фонетикой на начальном этапе обучения.

В русской лингвистической традиции принято разграничивать фонетику и орфоэпию. К фонетике относится то, что происходит в языке автоматически и не является предметом варьирования. Например, в русской литературной речи фонема <a> между мягкими согласными реализуется в звуке [ä], слово *пять* произносят как [п'äт']. Иное произношение невозможно. Стало быть, это область фонетики. Есть другие случаи, когда у говорящего есть выбор. Слово *дверь* можно сказать и как [д']верь, и как [д]верь. Выбор между [д'] и [д] — предмет орфоэпии.

От орфоэпии следует отличать близкую к ней социофонетику, которая также занимается изучением вариантов произношения. Но задачи этих наук различны, хотя и близки. Задача социофонетики — изучить явления, а задача орфоэпии — дать рекомендации в отношении того или иного употребления. Тот, кто занимается социофонетикой, не обязан из своих наблюдений делать выводы предписывающего характера, он может ограничиться констатацией того, что 30 % говорят так, а 70 % предпочитают иное произношение. Социофонетика не дает ответа на вопрос: что нормативно, а что нет? Она только сообщает о степени распространенности явления. Напротив, для орфоэпии именно этот вопрос является главным.

Рассуждая об орфоэпии, обычно не обращают внимания на то, кому адресованы ее предписания. Предполагается, что всем говорящим на русском языке. Но говорящие на русском языке не представляют собой однородной массы. Как минимум, можно выделить три категории говорящих, для которых орфоэпические рекомендации должны быть отличными друг от друга:

- 1. Владеющие литературной нормой.
- 2. Не владеющие литературной нормой.
- 3. Иностранцы, изучающие русский язык.

Впервые такое разграничение было предложено мною в статье «Орфоэпия и социофонетика» [5].

Именно речь говорящих на литературном языке имеется в виду в тех случаях, когда говорят о различении фонетических законов и орфоэпических закономерностей. Для них не является актуальным знание того, что в слове нога на месте буквы о произносится звук [а], в их речи это автоматический процесс. Для владеющих нормами литературного языка орфоэпия— это, скорее, область фонетической стилистики. Да, в первом предударном слоге ударная фонема <o> реализуется как [а], но есть небольшая группа слов, в которых звук [о] сохраняется в безударном положении: это такие слова, как поэт, боа, бокал, сонет и некоторые другие. Это знание—фонетический изыск, необходимый только тем, кто профессионально связан с различными видами пуб-

личной речи. Для этой группы говорящих важно знание и всех возможных разговорных вариантов произношения. Полное владение литературным языком подразумевает возможность использования всех фонетических вариантов слова здравствуйте: [здраствуит'и — здрас'ит'и — здрас'т'и — здрас'т' здрас' – зас']. Такой говорящий знает, что если он выступает на торжественном собрании, то уместно будет сказать [здраствуит'и]; если он приветствует студенческую аудиторию на очередной лекции, то вполне достаточно формы [здрас'ит'и], сохраняющей слоговую структуру «исходного» слова. Никого не расстроит при появлении на работе в среде сослуживцев форма [здрас'т'и]. Приветствия [здрас'т'] и даже [здрас'] вполне уместны при общении близких людей. Что касается формы [зас'], то ее лучше избегать, но если ты торопишься и пробегаешь мимо своего хорошего знакомого, то вряд ли он обидится на [зас'], для него будет важным, что ты заметил его и послал сигнал приветствия, пусть и такой фонетически усеченный.

Приведенный пример ни в коем случае не противоречит тому, что ранее говорилось о необходимости предлагать иностранцам более полные произносительные варианты. Для иностранца обучение должно начинаться только с формы [здраствуит'и].

К сожалению, людей, в полной мере владеющих нормами русского литературного языка, не так много, значительная часть говорящих может быть отнесена к числу тех, для кого напоминание о произносительных нормах вовсе не является излишним. Именно на эту категорию людей рассчитаны большей частью работы по орфоэпии. Это категория чрезвычайно пестрая: от носителей диалекта до людей, в речи которых имеются незначительные отклонения от литературного произношения. Если человек окает, то ему важно знать, что в слове нога в первом слоге надо произносить [а]. Для него замена [о] на [а] выступает как принудительное правило, которое он должен освоить. Чтобы правильно произнести это слово, окальщик должен проделать приблизительно следующее: «В слове нога я произношу [о], но это неверно, я знаю, что вместо моего безударного [о] я должен сказать [а], тогда никто не заподозрит, что я говорю не на литературном языке». После того, как эта операция будет доведена до автоматизма, носитель диалекта из второй категории говорящих перейдет в первую. Однако в моменты особого волнения, когда контроль за речью полностью пропадает, наш «вторичный акальщик» будет переходить на оканье. Носители городских форм речи большей частью нуждаются в акцентной корректировке и в устранении региональных черт речи, к которым, например, относится более сильная редукция безударных гласных, чем в литературном языке. Так, в «первичной» языковой системе автора этих строк имеются словоформы звонишь, звоним и другие с ударением на первом

слоге. Когда я произношу их с правильным ударением, это результат некоторого контроля, который приводит к преобразованию «первичных» (ненормативных форм) во «вторичные» (нормативные).

Совершенно особую категорию составляют те, для кого русский язык не является родным. В этом случае на «первичную» родную систему произношения накладывается «вторичная» - фонетическая система русского литературного языка. Возможно, для иностранца противопоставление фонетики и орфоэпии нейтрализовано. Для него – все орфоэпия, так как все является предметом специальной выучки. Так, для англоязычных студентов огромную трудность представляет произнесение [ä] между мягкими согласными: как только к [п'a] они «добавляют» [т'], [ä] у них превращается в [э]. Удачно сохраненное [а] приводит к потере мягкости конечного согласного, то есть говорят либо [п'эт'], либо [п'ат], но не [п'ат']. Стало быть, для иностранца правило передвижения гласных по ряду в сочетании с мягкими согласными не автоматическое правило, а результат специального обучения. И тогда для него это не фонетика, а орфоэпия. В принципе орфоэпией данное употребление будет являться и для носителя говора, в котором происходит чередование a // э в таких случаях, как [п'ar]ый, но [п'эт'] (= nять). Освоение произношения [п'ат'] для носителя этого говора — такой же сложный процесс, как и для носителя английского языка.

Иностранцы, уже овладевшие основами русского языка, стремятся к усвоению его более разговорных форм. Это касается большей частью лексики, но обычно не забывают и фонетику. Разговорные формы иностранцам необходимо осваивать с большой осторожностью. Сначала лексический пример. От формы обращения $3\partial pascmsyume$ иностранцы иногда торопятся перейти к более неформальной форме npusem. Носители английского языка отождествляют ее с родным обращением hi, при этом не

учитываются различия в употреблении. Американский студент может приветствовать своего преподавателя словом hi, а вот русский преподаватель не готов к обращению npusem со стороны студента.

Думается, что иностранцу следует использовать в своей речи только те варианты произношения, которые уже получили широкое распространение, но не всегда признаны кодификаторами. В качестве примера назовем некоторые из таких вариантов.

В процесс нейтрализации все более втягивается фонема $\langle y \rangle$. Поэтому произношение $\operatorname{pad}[\mathfrak{L}]c$, $\operatorname{hob}[\mathfrak{L}]\omega$, $\operatorname{hob$

Можно сказать, что ассимилятивная мягкость согласных уже необязательна в большинстве случаев. Явное преимущество получает произношение [c]menь, [c]нег, [д]верь, [з]мей и другие. Результаты ассимиляции лучше сохраняются внутри слова: ново[c']mu, y[c']ни и другие, но и в этих случаях она не является обязательной.

Подводя итоги, следует сказать, что работающему с иностранной аудиторией на всех этапах обучения надо помнить и о фонологии, и о фонетике, и об орфоэпии. Фонология помогает определить магистральные задачи, связанные с необходимостью научить студента-иностранца различать те фонетические сущности, которые противопоставляются в русском языке, то есть сформировать состав фонем. Фонетика помогает в становлении непривычной для студента артикуляционной базы. Орфоэпия приучает пользоваться всем многообразием фонетических ресурсов русского языка и при этом не нарушать завещанного А. С. Пушкиным принципа соразмерности и сообразности.

Литература

- 1. Трубецкой Н.С. Основы фонологии. М., 1960.
- 2. Панов М.В. Русская фонетика. М., 1967.
- 3. Задоенко Т.П., Хуан Шуин. Основы китайского языка. Вводный курс. М., 1993.
- 4. Щерба Л.В. О разных стилях произношения и об идеальном фонетическом облике слов // Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957.
- Соколянский А.А. Орфоэпия и социофонетика // Язык: изменчивость и постоянство. К 70-летию Леонида Леонидовича Касаткина. М., 1998.

A.A. Sokolyansky

PHONOLOGY, PHONETICS AND ORTHOEPY IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Phonology, phonetics, orthoepy, spoken language, norm.

The article states the needs of using data on phonology, phonetics and orthoepy while working with foreign students. Phonology helps to determine the major tasks connected with the importance of teaching students to distinguish the phonetic phenomena which are opposed in the Russian language, that is to form the structure of phonemes. Phonetics helps to form the articulatory base unusual for a foreign student. Orthoepy tries to make the student learn to use all the variety of phonetic resources of the Russian language. Examples are given from the practice of working with the Chinese and American students.

Т.Г. Ткач

yatatiana@mail.ru преподаватель Мешхедского государственного университета им. Фирдоуси Мешхед, Иран

Персидская артикуляционная база в сопоставлении с русской: приемы коррекции артикуляции

РКИ, персидский язык, артикуляционная база, коррекция артикуляции.

Статья посвящена сопоставлению артикуляционных баз русского и персидского языков; выявлению артикуляторных срезов, прогнозирующих появление характерного акцента у иранцев в звучащей русской речи. Предлагаются возможные приемы коррекции артикуляции.

Стребования к уровню фонетико-фонологической компетенции будущих специалистов в области русского языка. Поэтому одной из злободневных задач ученых-фонетистов является создание этнически ориентированных курсов теоретической и практической фонетики. Содержание подобных курсов строится на материале сопоставительного анализа фонетических систем изучаемого и родного для учащихся языков.

Сопоставительный анализ артикуляторных характеристик фонем русского (изучаемого) и персидского (родного) языков позволяет определить прогнозируемые области фонетической интерференции персидского языка на русский на артикуляторном уровне. Опора на труды Ю.А. Рубинчика [4], И.К. Овчиниковой [2], В.Б. Иванова [1], К.И. Полякова [3], В.В. Мошкало [5], Ігај Bashiri [6], Jones William [7], а также на собственный практический опыт и исследования позволила проанализировать особенности персидского вокализма и консонантизма в сравнении с русским и выявить возможные пути коррекции произношения персоязычных учащихся.

В научных и учебных целях для описания фонетической системы персидского языка используются латиница и специальные диакритические знаки (табл. 1, 2).

В русском языке по артикуляционным характеристикам различают 36 согласных фонем: б, б', в, в', г, г', д, д', ж, з, з', ј (й), к, к', л, л', м, м', н, н', п, п', р, р', с, с', т, т', ф, ф', х, х' ц, ч, ш, щ, а также 6 гласных: а, и, о, у, ы, э. В персидском язы- $\kappa e - 22$ полноценные согласные фонем, 6 гласные (o, u, e, i, a, ā) и два дифтонга (ou, ei). Персидские гласные, как и русские, различаются по трем качественным признакам: а) ряд; б) подъем; в) лабиализация. Как долгие $(\bar{\mathbf{a}}, \mathbf{u}, \mathbf{i})$, так и краткие $(\mathbf{e}, \mathbf{o}, \mathbf{u}, \mathbf{v})$ а) персидские гласные произносятся более напряженно, чем русские гласные фонемы. В то же время артикуляция гласных і, и, е, о практически не отличается от русских гласных и, у, е, о, заметно отличается артикуляция персидских гласных а, ā. Персидская гласная a — фонема нижнего подъема, переднего ряда, нелабиализованная, краткая. Такого звука в русском языке нет, но есть в английском как в слове sad и передается в английской транскрипции диакритическим знаком [ж]. Отличается своими артикуляционными характеристиками и персидская а от русской фонемы среднего ряда, нижнего подъема, нелабиализованной а. Персидская ā — фонема нижнего подъема, заднего ряда, сильно лабиализована.

Основные артикуляционные трудности возникают у персоязычных учащихся при произно-

Таблица 1

Обозначение персидских гласных латинскими буквами

ā	а	u	I	е	0
Ĩ	1	او	ای	ی	1

Таблица 2

Обозначение персидских согласных латинскими буквами

р	b	t	d	č	m	n	V	f	s	Z	I	r	š	ž	γ	k	g	dž	х	h	gh
پ	ب	IJ	7	€	م	ن	و	e.	ڷ	ز	J	ر	m	ڕ	ي	ک	گ	ج	خ	٥	ق

шении русских гласных **ы** и под ударением - **а**. В ходе корректировочного курса практической фонетики данная проблема решается путем специально подобранных упражнений, чистоговорок, основанных на своеобразии акустической природы каждого звука речи, обусловленного особенностями его артикуляции. Например, упражнение строится на примерном артикуляционном соответствии гласной верхнего подъема, среднего ряда ы и гласной нижнего подъема, среднего ряда а. Здесь важно то, что фонемы $\mathbf{b}$, $\mathbf{a}$ — это гласные среднего ряда, последнее обстоятельно особенно существенно, так как учащиеся заменяют гласную верхнего подъема, среднего ряда ы на гласную верхнего подъема, переднего ряда и. В результате вместо mын звучит muh, cыh - cuh. На занятии, например, предлагается произнести про себя и вслух ряд чередующихся слов: лак - лыко, pak - pыk, cah сын; лак – лыко – лик, рак – рык – риск, сан – сын - сито и т.д. Предлагаются также графические изображения артикуляции звуков [а], [ы], [и] для наглядного сравнения, а также артикуляторные упражнения на отработку звука [ы]:

- 1. Оттяните язык назад и держите его на весу, не прижимая ни к одному из органов рта. Теперь представьте себе, что у вас нет языка. В этом положении органов речи произнести звук [и]. Какой звук получился? Правильно: Ы. Повторите упражнение многократно, доведите произношение звука [ы] до автоматизма.
- 2. Чередуйте последовательно произношение звуков [а], [э], [ы].

Способы образования фонем являются тем фактором, который способствует возникновению трудностей при изучении русской системы вокализма и консонантизма, отличной от персидской фонетической системы. Однако сопоставительные характеристики русских и персидских согласных фонем помогают студентам лучше овладеть русской артикуляционной системой.

Так, персидские согласные различаются по трем признакам: а) по органу артикуляции; б) по способу образования преграды; в) по участию голоса. По месту образования персидские согласные делятся на губно-губные (p, b), губно-зубные (f, v), переднеязычные (t, d, č, dž, n, s, z, š, ž, l, r), среднеязычные (k, g, γ, B) некоторых позициях n), заднеязычные (в некоторых позициях k, g, n), увулярные (x, gh), образованные путем смычки мягкого нёба и маленького язычка, и фарингальный или гортанный (h). По способу образования персидские согласные делятся на смычные чистые (р, b, k, g, d, t, gh), смычные аффрикаты ($\check{c}, d\check{z}$), смычные носовые (m, n), щелевые однофокусные (f, v, s,z, h, gh, x), щелевые двуфокусные (š, ž), щелевой срединный (у), щелевой боковой (1), дрожащий (г). По участию голосовых связок и наличию голоса персидские смычные согласные делятся на шумные

(p, t, k, g, gh, č, b, d, dž) и сонанты (m, n); щелевые (v, z, ž) и сонанты (γ, l). Восемнадцать согласных персидского и русского языков практически совпадают по способу и месту образования: персидские согласные – p, b, t, d, č, m, n, v, f, s, z, l, r, $\S$, ž, у, а также заднеязычные k, g в позиции перед гласными заднего ряда $\bar{a}$, **u**, **o**, русские согласные соответственно - п, б, т, д, ч, м, н, в, ф, с, з, л, р, ш, ж, й, к, г, а значит, не вызывают артикуляционных затруднений в персоязычной аудитории. В то же время отсутствие в русском языке увулярных и гортанных звуков все же приводит к огрехам в произношении русских согласных к, г, х, так как студенты стремятся произносить их как kh, gh и гортанно h. Кроме того, аналогичные трудности вызваны постановкой артикуляции аффрикаты ц, отсутствующей в персидском консонантизме.

Несмотря на некоторое сходство артикуляционной базы персидского языка и русского, в определенных позициях персидские согласные существенно отличаются при произношении от русских согласных фонем. Так, персидские губно-губной смычный шумный согласный р, переднеязычный смычный шумный согласный t и заднеязычный смычный **k** в отличие от твердых русских согласных п, т, к, произносятся с сильным придыханием перед и после гласных, в начале и в конце слова, но перед согласными, особенно перед s, f, x, š (c, ф, х, ш), придыхание незначительное и в большей степени соответствует произношению русских п, т, к. Сильный взрывной характер персидских согласных р, t, k студенты переносят на произношение русских согласных п, т, к в аналогичных позициях: слово как звучит кХакЬ, столб *сТолбХ*. Для коррекции данной произносительной ошибки подойдут примеры, в которых согласные п, т, к находятся в позиции перед согласными, по возможности перед c, ϕ , x, m: ncuxonoz, nceeдоним, пшеница, драка, два, дзот, дневной, клок, ксерокс, кто, кран и др. Также можно предложить чистоговорки: Псарь пшеницу на просо променял. Драма длилась два дня. Клара и Клава у Ксении копировали ксерокопии и другие аналогичные.

Кроме того, трудности в персоязычной аудитории возникают при произношении согласных κ , r, так как основной артикуляционный вариант персидских k, g — это смыкание средней части спинки языка с твердым нёбом, благодаря чему среднеязычные согласные k, g становятся мягкими. Особенно явственно это проявляется в позиции в конце слова и перед персидскими гласными i, e. Данный основной артикуляторный вариант значительно отличается от артикуляции русских согласных, что приводит к искажению в произношении русских заднеязычных κ , r. Коррекция идет на словах, в которых фонемы κ , r находятся в позиции перед гласными a, o, y: $\kappa a \delta a \mu$, $\kappa o \kappa$, $\kappa y \kappa n a$, $\kappa o \kappa$, $\kappa y \kappa n a$, $\kappa o \kappa$, $\kappa y \kappa n a$, $\kappa o \kappa$, $\kappa y \kappa n a$, $\kappa o \kappa$, $\kappa y \kappa n a$, $\kappa o \kappa$, $\kappa y \kappa n a$, $\kappa o \kappa$, $\kappa y \kappa n a$, $\kappa o \kappa$, $\kappa v \kappa n a$, $\kappa o \kappa$, $\kappa v \kappa n a$, $\kappa o \kappa n c$, $\kappa v \kappa n a$, $\kappa o \kappa n c$, $\kappa v \kappa n a$, $\kappa o \kappa n c$, $\kappa v \kappa n a$, $\kappa o \kappa n c$, $\kappa v \kappa n a$, $\kappa o \kappa n c$, $\kappa v \kappa n a$, $\kappa o \kappa n c$, $\kappa v \kappa n a$, $\kappa o \kappa n c$, $\kappa v \kappa n a$, $\kappa o \kappa n c$, $\kappa v \kappa n a$, $\kappa o \kappa n c$, $\kappa v \kappa n a$, $\kappa o \kappa n c$, $\kappa v \kappa n a$, $\kappa o \kappa n c$, $\kappa v \kappa n a$,

нии: κ абан — κ ит — κ ок — κ екс — κ укла — κ иви; ϵ ам — ϵ ен, ϵ ора — ϵ иря, ϵ ул — ϵ ений.

В большей степени артикуляционным характеристикам русских твердых согласных $\mathbf{6}$, д соответствуют персидские губно-губной смычный шумный согласный $\mathbf{b}$ и переднеязычный смычный шумный согласный $\mathbf{d}$. Переднеязычные щелевые однофокусные согласные $\mathbf{s}$, $\mathbf{z}$ и губно-зубные, щелевые, однофокусные $\mathbf{v}$, $\mathbf{f}$ по артикуляции почти не отличаются от русских звуков $\mathbf{c}$, $\mathbf{3}$ и $\mathbf{B}$, $\mathbf{\phi}$.

Произношение русской согласной х искажается, так как произносится по аналогии с персидской щелевой однофокусной фарингальной согласной **h** либо с персидской смычной заднеязычной согласной х, хотя ни первая, ни вторая персидская согласная не соответствует артикуляционным характеристикам русской согласной х. Так, при произношении русской х активным артикуляционным органом является задняя часть спинки языка в соприкосновении с мягким нёбом, персидская согласная **h** образуется путем сближения корня языка с задней стенкой гортани, а при артикуляции персидской х активным является маленький язычок. В первом и во втором случае при произношении слышится хрипота, в результате получается звук похожий на км. В какой-то степени произношение персидской согласной х в словах хат [осёл], хапе [дом] соответствует русской фонеме х. Для исправления артикуляции русской согласной х предлагается материал заданий, строящихся на соответствиях в обеих фонетических системах: $x\bar{a}r - xa\kappa u$, $x\bar{a}ne - xanam$ и др. Далее только на русском языковом материале с чередованием гласных после русской согласной х и в сочетании с другими согласными: xалва, xек, xum, xолод, xydo, хруст, хвост, хмурый, хныкать, хлор и др.

При артикуляции персидских щелевых двуфокусных переднеязычных ў, й к нёбу поднимается во втором фокусе средняя часть спинки языка, делая звуки š, ž мягкими, тогда как русские согласные ш, ж всегда твердые и образуются во втором фокусе путем соединения нёба с задней частью спинки языка. Особенно отчетливо отличается произношение персидских š, ž от русских согласных звуков ш, ж в позиции перед гласными переднего образования. В данной позиции персидские согласные у, ž произносятся мягко и гласные не меняют своего качественного звучания, как в аналогичной позиции русские гласные и, е после русских ж, ш на звук ы (жир, жетон, ширина, шестой). Кроме того, в русском языке следующие за согласными ш, ж гласные и, е произносятся всегда открыто и менее напряженно, чем персидские гласные і, е после ў, ž. Корректировать произношение в персоязычной аудитории в данном случае очень сложно, особенно в части, связанной с произношением гласной ы. Коррекция идет путем сопоставления произношения согласных перед гласными среднего

подъема $\mathbf{a}$ и $\mathbf{b}$: wap - wuno, wanka - wuk, wap - wup, wapko - wusom. Перед гласными заднего ряда $\mathbf{a}$, $\mathbf{o}$, $\mathbf{u}$ персидские $\mathbf{s}$, $\mathbf{z}$ произносятся твердо, приближаясь по звучанию к русским звукам: $wap\phi$, wok, wyfa, wahp, wop, wyk.

Артикуляция персидских согласных $\mathbf{r}$, $\mathbf{\check{c}}$, $\mathbf{l}$, $\mathbf{m}$, $\mathbf{n}$, $\mathbf{\gamma}$ практически совпадает с артикуляцией русских согласных $\mathbf{p}$, $\mathbf{u}$, $\mathbf{n}$, $\mathbf{m}$, $\mathbf{h}$, $\ddot{\mathbf{u}}$, а потому не вызывает затруднений в произношении в персоязычной аудитории. Согласные $\mathbf{n}$, $\mathbf{b}$, $\mathbf{z}$, $\mathbf{s}$, $\mathbf{d}$, $\mathbf{r}$, $\mathbf{v}$ в анлауте и в инлауте практически неотличимы при произношении от русских согласных $\mathbf{u}$, $\mathbf{o}$, $\mathbf{s}$, $\mathbf{c}$, $\mathbf{g}$, $\mathbf{e}$, $\mathbf{g}$, однако в ауслауте персидские гласные $\mathbf{b}$, $\mathbf{z}$, $\mathbf{d}$ в отличие от русских $\mathbf{g}$, $\mathbf{g}$,

Корреляция персидских согласных по мягкоститвердости хотя и присутствует, но не несет смыслоразличительной и фонематической нагрузки, свойственной согласным русского языка: мел — мель, молка — молько. Персидские согласные могут быть либо палатальными, либо велярными, хотя велярные подвергаются частичной палатализации в позиции перед гласными переднего образования. Однако персидские переднеязычные смычные шумные согласные d, t и щелевой однофокусный увулярный х никогда не смягчаются перед гласными i, e. Последнее обстоятельство может служить еще одним способом постановки звука ы путем использования противопоставления слов с персидской согласной х и русскими согласными ж, ш: хіг — жир — шип.

Корреляция по глухости-звонкости может быть присуща персидским согласным в определенных позициях, но они никогда не меняют полностью своего фонетического звучания, как, например, звонкая русская д в абсолютном конце слова переходит в глухой звук $\mathbf{T}$: $ny\partial$ [пут]. Если слово заканчивается на двойную согласную, то персидские согласные в противоположность русским усиливают свою звучность: sādd [преграда], tebb [медицина]. При этом в конце слова в персидском языке уже нет того тяготения к протезе и интерконсонантизму, какое наблюдается в начале и в середине слова: hāft [семь], hāšt [восемь] произносятся без вставок в виде гласных звуков между согласными f, t и š, t. В данном случае коррекция произношения слитных согласных строится на противопоставлении слов, имеющих стечение согласных в конце слова и в начале, в конце слова и в середине: napk - cmap, восk - войсковой.

В заключение хотелось бы отметить, что сопоставление систем вокализма и консонантизма родного для учащихся языка (персидского) и изучаемого иностранного языка (русского) способствовало выявлению типичных и прогнозируемых ошибок в произношении персоязычных учащихся. Анализ артикуляционных баз позволил создать систему фонетических упражнений, способствующих коррекции сформированных неверных слухопроизносительных умений и навыков.

Литература

- 1. Иванов В.Б. Учебник персидского языка. М., 1999.
- 2. Овчинникова И.К. Учебник персидского языка. М., 1956.
- 3. Поляков К.И. Самоучитель персидского языка: начальный этап. М., 2001.
- 4. Рубинчик Ю.А. Грамматика современного персидского литературного языка. М., 2001.
- 5. Мошкало В.В. Персидский язык // Языки мира: Иранские языки. Т. І. Юго-западные иранские языки. М., 1997.
- 6. Bashiri I. Persian for beginners. Sorayya Publishers, 1991.
- 7. Jones W. A grammar of the Persian language. London, 1804.

T.G. Tkach

PERSIAN AND RUSSIAN ARTICULATION BASES IN COMPARISON: WAYS OF ARTICULATORY CORRECTION

Russian as a foreign language, Persian, articulation base, articulatory correction.

This article is devoted to the comparison of Russian and Persian articulation bases; to the detection of articulatory cuts with predicting the appearance of the specific Iranian accent in a vocal Russian speech. There are proposed possible ways of articulatory correction.

Н.А. Тюпенко

septan@yandex.ru

ст. преподаватель кафедры русского языка как иностранного Московского педагогического государственного университета Москва, Россия

Совершенствование навыков владения средствами выражения субъективной модальности в научной речи иностранных студентов

Субъективная модальность, лексические средства выражения субъективной модальности, государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному, семантические карты, научный стиль речи.

Современные лингвисты все чаще отмечают широкое проникновение в научный стиль и научные тексты элементов эмоционального и субъективного. В период обучения в вузе иностранные студенты сталкиваются с русской научной речью. Каждый из видов деятельности, реализуемый в учебно-профессиональной сфере учащимися, так или иначе связан с необходимостью использования лексических средств выражения субъективной модальности. Сегодня иностранные студенты показывают слабый уровень владения данными единицами, не соответствующий требованиям государственного образовательного стандарта по русскому языку как иностранному 1—2-го сертификационного уровня профессионального владения языком. В целях устранения этого недостатка была разработана система занятий, способствующая совершенствованию навыков владения лексическими средствами выражения субъективной модальности в научной речи иностранных студентов. Ее основные аспекты представлены в статье.

а первый взгляд может показаться, что вести речь о лексических средствах выражения субъективной модальности в научной речи неправомерно. Но современные лингвисты (Е.Б. Левченко и др.) отмечают наряду с продолжающейся абстрагизацией, объективацией и безэмоциональностью современной науки широкое проникновение в научный стиль и научные тексты элементов эмоционального и субъективного. Сочетание лаконичности и бесстрастности логических рассуждений с взволнованностью эмоционально-субъективной оценки придает глубокую убедительность научной статье или книге. С.Л. Рубинштейн писал: «Если в единстве интеллектуального и аффективного эмоциональность подчинена контролю интеллекта, включение чувств придает мысли большую напряженность и остроту» [3: 73].

Выразительность в научном тексте достигается путем использования авторами вопросительных, восклицательных предложений, вводных и модальных слов и словосочетаний. Заметим, что употребление вводных и вставных слов и словосочетаний в научной литературе в последнее время значительно возросло. И в связи с этим интересен не столько сам факт их использования в научной речи, сколько высокая частотность их употребления. Они используются не только в функции уточнения, добавочного сообщения, но и в функции оценки, выражения авторского отношения к сообщаемому факту, усиления (специального и подчеркнутого привлечения внимания читателя к предлагаемой, особо важной информации). Они не являются конс-

труктивно необходимыми с точки зрения строения предложения, однако выполняют очень важную роль в структуре связного текста. Вводные слова и словосочетания не изменяют общего объективномодального плана высказывания, т.е. не влияют на характер отношения сообщаемого к объективной действительности Они только характеризуют отношение говорящего к высказываемому, т.е. выражают субъективную оценку говорящим содержания предложения. Следовательно, они служат для выражения субъективно-модального значения. Например, отношение говорящего к высказываемому может содержать эмоциональную оценку, когда с помощью вводных слов выражаются различные чувства: к сожалению, к счастью и т.д.; выражать степень достоверности сообщаемого - уверенность, предположительность, сомнение, неуверенность: конечно, несомненно, безусловно, бесспорно и т.д.; интеллектуальную оценку, когда вводные слова и словосочетания указывают на связь мыслей, последовательность изложения: во-первых, однако, в конце концов и т.д.

Помимо вышеуказанного необходимо подчеркнуть важную роль вводных слов и словосочетаний в организации сложных синтаксических единств связного текста. Вводные слова и сочетания служат средством связи отдельных высказываний в составе более сложного синтаксического единства или минимального контекста. Необходимость передачи научной информации в строгой логической последовательности и взаимосвязанности отдельных

компонентов высказывания приводит к численному росту вводных слов и словосочетаний. Эти средства освобождают пишущего или читающего от повторений слов и сообщений, известных из контекста, проявляя одновременно свое отношение к высказываемому. Например: «Заметим, что во всех вышеперечисленных примерах...»

Таким образом, вводные и модальные слова и словосочетания определяют субъективно-модальный фон всего контекста в целом: автор выражает либо свое пассивное отношение к сообщаемому (по словам..., по мнению ученых... и т.д.) либо, наоборот, выражает свое активное отношение к сообщаемому (по-моему, кажется, хочется, пожалуй, и т.д.).

Такое проникновение средств субъективной модальности в научный текст, на наш взгляд, объясняется тесной взаимосвязью экстралингвистических и лингвистических факторов. К экстралингвистическим факторам, участвующим в организации текста, относятся: ситуативность, содержание целей, задач, тема, идея, а также психологические и физиологические факторы, влияющие на процесс научного творчества. М.Н. Кожина писала: «Необходимо помнить о том, что научные знания производят конкретные индивиды... и от их стиля мышления зависит и стиль научной речи» [1: 160].

Иностранные студенты в период обучения в вузе, безусловно, сталкиваются с русской научной речью. Это происходит, прежде всего, на лекциях российских преподавателей; при чтении и воспроизведении студентами неадаптированных профессионально ориентированных текстов различных источников; наконец, при написании и защите дипломной работы. С каждым из данных видов деятельности, реализуемой в учебно-профессиональной сфере, связана необходимость использования лексических средств выражения субъективной модальности.

Наблюдения над речью и лингвистический эксперимент (включавший в себя устные и письменные задания репродуктивного и продуктивного характера), проводившийся в группах иностранных студентовбакалавров из Китая 2-3-го курсов экономического факультета, обучающихся по направлению «Менеджмент», показали слабое владение лексическими средствами выражения субъективной модальности. Отсюда отсутствие декодирования их в научном тексте (устном или письменном), создание барьера в понимании его содержания, безынициативность и однообразие использования в монологической и диалогической, устной и письменной речи. Уровень владениями лексическими средствами выражения субъективной модальности не соответствует требованиям государственного образовательного стандарта по русскому языку как иностранному 1-2-го сертификационных уровней профессионального владения языком.

В целях устранения данного недостатка была разработана система занятий, способствующая совершенствованию навыков владения лексическими

средствами выражения субъективной модальности в научной речи. Для формирования оптимальной системы обучения важно было найти наиболее эффективные пути отбора и презентации языкового материала. Ведь «решение лингвистических задач более интенсивного и эффективного обучения русскому языку на разных этапах и в самых различных социолингвистических и педагогических условиях предполагает прежде всего правильную и обоснованную презентацию научно отобранного материала, скорректированную с учетом характера возможных языковых ошибок и способов их устранения, с учетом особенностей восприятия материала и методических опор в родном языке» [4: 15]. Учитывая это при работе над созданием цикла заданий, обращали внимание на особенности восприятия учебного материала иностранными, в частности китайскими, студентами.

Среди особенностей восприятия китайцев можно отметить их равнодушие к абстрактному, и поэтому важность конкретики, четкости, простоты и логичности во всем. Поскольку у китайцев холистический (от англ. whole «весь») тип мышления, для них важно сначала увидеть целостное, а затем обратиться к деталям. Поэтому, видимо, для них важна наглядность, и именно ей они отдают предпочтение при объяснении учебного материала в родных школах и вузах.

Учитывая эти обстоятельства, при создании системы занятий мы прибегли к помощи семантических карт, чего не было раньше в практике преподавания РКИ при обучении использованию лексических средств выражения субъективной модальности. Проанализировав лексический минимум для 1-2-го сертификационных уровней общего владения языком, учебные пособия по русскому языку как иностранному и профессионально ориентированные тексты по специальности, мы выявили наиболее продуктивные лексические единицы выражения субъективной модальности в научной речи, которыми должны владеть иностранные учащиеся. Далее нами была предпринята попытка структурировать полученный материал. В результате этого были созданы 14 семантических карт, имеющих следующие названия: источник информации; порядок изложения информации; ссылка на предыдущее высказывание; общеизвестная информация; иллюстративный материал: присоединение одной мысли к другой; противопоставление; степень обычности ситуации; следствие; вывод; семантическое подчеркивание; поиск оптимального способа передачи информации; предположительность; уверенность.

Семантические карты будут усложняться от курса к курсу, пополняясь новыми лексическими единицами с учетом лексического минимума 1-2-го сертификационных уровней. Таким образом достигается совершенствование навыков владения лексическими средствами выражения субъективной модальности (рис. 1-3).

Рис. 1. 1-й курс. Семантическая карта «Уверенность»

Рис. 2. 2-й курс. Семантическая карта «Уверенность»

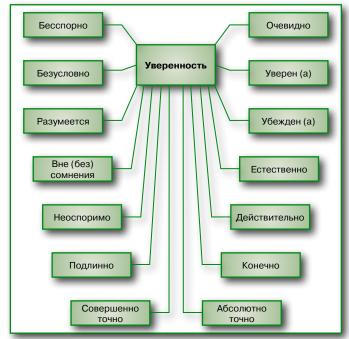

Рис. 3. 3-й курс. Семантическая карта «Уверенность»

Таким образом, иностранные студенты расширяют репертуар лексических средств на теоретическом уровне. На практическом же уровне совершенствование навыков использования лексических единиц в научной речи происходит во время работы над всеми видами речевой деятельности: аудированием, говорением, чтением и письмом.

При аудировании иностранный студент должен уметь распознавать и воспринимать лексические средства выражения субъективной модальности в звучащем тексте, правильно их идентифицировать с определенной семантической картой, привести примеры других взаимозаменяемых лексем, служащих

для выражения такого же субъективно-модального значения. Преподаватель подбирает устные сообщения, произносимые им самим или представленные в аудио-, видеозаписи. Тексты должны быть профессионально направленными и интересными для слушающих.

Говорение является таким видом речевой деятельности, которая реализуется, «когда в сознании говорящего возникает потребность в речевом воздействии на собеседника» [5: 55]. Для студентов 1-го сертификационного уровня одним из требований к монологической речи является «умение выражать собственное отношение к фактам, событиям, изложенным в тексте» [5: 56], а для студентов 2-го сертификационного уровня — «умение предавать содержание чужой речи с разной степенью точности полноты, с элементами оценки, со ссылками на первоисточник; использовать текст для иллюстрации своих мыслей, выражать несогласие, опровержение какого-либо мнения» [5: 57]. При диалогической речи иностранные студенты 1-го сертификационного уровня должны уметь «адекватно реагировать на реплики собеседника; инициировать диалог, выражать свое коммуникативное намерение в речевых ситуациях» [5: 57]. Иностранные студенты 2-го сертификационного уровня должны уметь «участвовать в обсуждении научных проблем, подводить итоги обсуждения, обобщать информацию, воспринятую в ходе диалога (монолога); участвовать в научной дискуссии, разворачивать систему аргументов» [5: 58]. Для реализации в научной речи данных умений так или иначе необходимы лексические средства выражения субъективной модальности. Совершенствованию практических навыков в этой области могут способствовать следующие виды упражнений.

Упражнения по развитию диалогической речи:

- упражнения на наблюдение над образцом и его воспроизведение, например: найдите в диалоге лексические единицы, которые помогают говорящему выразить уверенность в сказанном;
- подстановочные упражнения, развивающие прогнозирование, например: какие лексические единицы Вы будете использовать, если в свой доклад хотите включить примеры, добавить информацию о чем-либо;
- трансформационные упражнения, например: восстановите диалог, используя слова, выражающие неуверенность говорящего в сказанном;
- речевые ситуативные упражнения, например: придумайте речевую ситуацию, в которой можно использовать лексические средства выражения субъективной модальности; спросите у коллег, какие качества, с их точки зрения, необходимы менеджеру для карьерного роста. Выберите одну из предложенных тем (идей малого бизнеса, толменеджер: мечта или реальность и т.д.). Проведите дискуссию в группе по этой теме.

Упражнения по развитию монологической речи:

- Воспроизведите близко к тексту цитату, начав со слов: «По словам,...», «С точки зрения,...», «По сообщению,...» К какой семантической карте они относятся?
- Перескажите текст, расположив предложения в логической последовательности, используя лексические средства, указывающие на порядок изложения информации, например: прежде всего, во-первых и т.д.

Отметим, что тематика, содержание диалогов или текстов к заданиям должны быть максимально профессионально ориентированы, поскольку мы преследуем цель — совершенствовать навыки владения лексическими средствами субъективной модальности в научной речи иностранных студентов.

При работе над чтением в рамках занятий по совершенствованию навыков владения средствами субъективной модальности можно использовать такие виды чтения, как чтение вслух, чтение про себя, аналитическое и синтетическое чтение, поисковое и изучающее чтение. Необходимо стремиться к тому, чтобы «иностранный студент на 1-м сертификационном уровне наряду с прочими умениями мог правильно интерпретировать информацию, вывод и оценки автора, а на 2-м уровне — адекватно интерпретировать коммуникативные намерения автора в целях получения информации, а также для дальнейшей устной и письменной содержательно-оценочной переработки текста и написания оценочного реферата» [5: 68].

Развитию данных умений могут способствовать следующие виды упражнений:

• Прочитайте слова: конечно, безусловно, разумеется. Какую функцию они выполняют в

тексте и чем отличаются друг от друга?

- Найдите в тексте слова, имеющие значение «Выражение вывода». Используя семантические карты, приведите примеры других лексических единиц, выражающие это же значение.
- Найдите в тексте слова, имеющие значение «Выражение источника сообщения».
- Игровое задание: студентам раздаются карточки с предложением, содержащим лексические средства «Выражение сомнения» и «Выражение уверенности». На столе лежат другие карточки; необходимо быстро найти карточку с предложением, синонимичным тому, что написано на исходной карточке.

Безусловно, для закрепления полученных знаний в каждое занятие, содержащее работу по совершенствованию навыков владения лексическими средствами субъективной модальности, следует включать письменные упражнения, поскольку они «помогают лучшему усвоению введенного устным путем языкового материала» [2: 402].

При создании методических основ обучения преподавания лексических средств выражения субъективной модальности мы искали наиболее эффективный способ презентации языкового материала. Таким способом стали семантические карты, показывающие структуру, лексическое наполнение субъективно-модальных конструкций, а профессионально ориентированные тексты отражают специфику их использования в научной речи. Такая работа способствует расширению, закреплению и совершенствованию навыков владения лексическими средствами субъективной модальности в научной речи иностранных студентов.

Литература

- 1. Кожина М.Н. Стилистика русского языка: Учеб. пособие. М., 1997.
- 2. Крючкова Л.С., Мощинская Н.В. Практическая методика обучения русскому языку как иностранному: Учеб. пособие. М., 2009.
- 3. Левченко Е.Б. Возможные способы авторизации научного текста // Функциональные стили и методика обучения. Сб. науч. трудов. М., 1987.
- 4. Малеева В.Е. Речевая личность студента-иностранца в русской культуре. М., 2006.
- 5. Общеевропейские компетенции владения иностранными языками: Изучение, обучение, оценка. Страсбург, 2003.
- 6. Практическая методика обучения русскому языку как иностранному / Под ред. А.Н. Щукина. М., 2003.

N.A. Tyupenko

ENHANCING SKILLS OF MEANS OF SUBJECTIVE MODALITY IN FOREIGN STUDENTS ACADEMIC SPEECH IN RUSSIAN

Subjective modality, lexical means of expressing subjective modality, the state educational standard in «Russian as a foreign language", academic language style.

Contemporary linguists increasingly register large-scale «invasion» of emotional and subjective elements into academic language style and texts. In the course of their studies at higher education institutions, foreign students become exposed to Russian academic speech. Every type of activity in which students are engaged in educational and professional field involves some need for the use of lexical means of expressing subjective modality. Present-day foreign students show low proficiency in using these lexical units which doesn't meet the requirements of the state educational standard in «Russian as a foreign language» corresponding to the 1st and 2nd certification levels of professional language competence. To overcome this deficiency, a system of practice has been proposed to help improve the level of command of lexical means of expressing subjective modality in foreign students' academic speech. Its principal aspects are presented in the article.

Фу Яньцзе

fuyanjie@gmail.com аспирант Нижегородского государственного педагогического университета им. М. Горького Харбин, Китай

Взаимодействие пространственных и временных представлений в эпоху создания национальных языковых картин мира

(на примере русских и китайских слов вчера – сегодня)

Языковая картина мира, соотношение времени и пространства, семантическая структура слова, внутренняя форма слова.

Статья обращает внимание на важность изучения пространственно-временных понятий в вузовском курсе РКИ в сопоставлении с родным языком и культурой учащихся (на примере китайского языка). Подобный подход способствует развитию коммуникативной и лингвокультуроведческой компетенций учащихся. В качестве иллюстрации теоретических положений автора статья содержит анализ близких по значению слов русского языка вчера/сегодня и китайских jintian/mingtian. Наречия рассмотрены с точки зрения их семантики и внутренней формы (мотивированности наименования).

Тространство и время — основные формы существования материи. Они объективны, реальны и отражаются в человеческом сознании. Понятия, связанные с пространством и временем, формировались в разных этнических коллективах в течение тысячелетий. Каждый народ, давая название тому или иному явлению, руководствовался собственным видением его, брал за основу наименования свои представления о предмете, обращая внимание на определенную, наиболее важную или яркую с точки зрения данного этноса черту.

У разных народов возникало желание расположить события на временной оси, взяв за точку отсчета день, в который происходит разговор.

Для обозначения этой точки отсчета в русском языке используется наречие сегодня. Оно возникло в результате сращения словосочетания «сего дня» («сей день») в родительном падеже. Данный падеж часто использовался в древнерусском языке (и используется сейчас) для обозначения времени. Местоимение «сь» (его полная форма — сей) является очень древним. Его корень носит индоевропейский характер. Сь указывал на ближайший к говорящему предмет, на то, что находится в присутствии субъекта речи и видимо им.

В китайском языке понятие «сегодня» передается похожим способом. Слово $\diamondsuit$ Ξ jintian состоит из двух корней-иероглифов. Первый $\diamondsuit$ jin имеет следующие значения: «теперь, настоящее время, текущий момент, нынче»; второй корень тоже многозначен Ξ tian — «небо», «день», «вре-

мя», «сезон», «погода», «стихия, природа». 今天 jintian буквально «нынешний день».

Сравнивая слова сегодня и 今天 jintian, мы можем сделать вывод, что два народа, обозначая день, в который происходит разговор («точку отсчета» на линии времени), воспользовались одинаковым способом.

Русское слово завтра произведено от «заутра» («на следующий день утром»). Слово заутра возникло путем слияния предложно-падежной конструкции заутра. Звук [у] в образовавшейся лексической единице фонетически преобразовался в [в]. Долгое время два слова (заутра и завтра) употреблялись параллельно, затем заутра было вытеснено из активного словаря в пассивный. Связь наречия завтра с существительным утро сохраняется в слове завтрак («утренняя еда»). На ощущении этой связи основано шутливое выражение кормить завтраками, т.е. обещать, все время откладывая выполнение обещанного.

Для обозначения понятия «на следующий день, день после сегодняшнего» в китайском языке используется слово 明天 mingtian. Второй составляющий иероглиф 天 tian такой же, как в слове 今天 jintian «сегодня». Первый иероглиф 明 ming несет в себе несколько значений: 1) светлый, ясный, яркий; 2) понятно; 3) наступило утро, забрезжил рассвет; 4) открыто, в открытую; 5) зрение.

Сравнивая внутренние формы слов, которые обозначают следующий день после сегодняшнего,

мы замечаем, что слова двух языков так или иначе связаны с понятием «утро». Завтрашний день для представителей обоих народов, тружениковземледельцев, - это прежде всего предстоящие труды, которые лучше всего начинать с рассвета, чтобы успеть делать многое, выполнить планируемое. Мысленный взор людей, создававших слова со значением «на следующий день после сегодняшнего», обращен к солнцу, началу этого (предстоящего) дня, когда солнце только встает, освещая землю. Особенно ярко это проявляется в китайском языке, где слова «завтра» и «рассветать, рассвет» передаются одними и теми же иероглифами (с разным расположением их): 明天 mingtian -«завтра», 天明 tianming - «рассвет, рассветать». В китайском языке 明天 mingtian имеет еще одно значение «светлый день».

Общеславянское слово вчера — одна из старых падежных форм существительного вечер. От него же образованы слова вечерять («ужинать»), вечор («вчера вечером») и др.

Говоря о дне, предшествующем сегодняшнему, древние славяне мысленно обращались не к началу, а концу этого дня — к вечеру, когда работы уже завершены и видно, что сделано, готовы результаты. Слово вечер этимологизируется поразному. Одни ученые сближают это слово с веко (вечер буквально — «закрывающее день»). Другие считают родственным с литовским ukanas «сумрачный», толкуя вечер как «потемки».

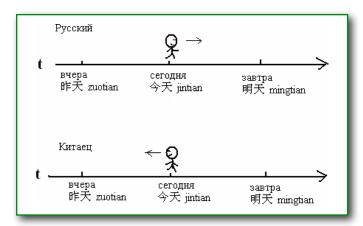
В китайском языке день, предшествующий сегодняшнему, называется 昨天 zuotian. Кроме уже упомянутого tian слово включает корень 昨 zuo. Иероглиф 昨 zuo является идеограммой. Ключего — «солнце». В китайском языке есть еще одно слово-иероглиф 作 zuo. Ключего — «человек», а значение — «достижение, труд, работа, творчество». И если этимологически два слова-омонима zuo связаны, то вырисовывается такая внутренняя форма китайского слова «вчера»: «день, который был благоприятен для труда и принес успехи».

С помощью слов вчера, сегодня, завтра человек располагает дни на линии времени. Описываемая микросистема — одно из выражений линейного представления о времени. Линия — пространственный объект. Ее можно видеть, начертить, провести. По линии можно идти: от прошлого к настоящему и будущему, от вчера — к сегодня и завтра. Указателями на этой дороге являются слова перед и после.

Перед — значит «впереди», «там, куда смотрит человек, куда он обращен лицом». После — «сзади», там, где остались следы прошедшего. Этимология после — сращение трех слов: по («за») + сь («этот») + л ь (частица), буквально — «за этим».

Проиллюстрируем восприятие времени русским и китайцем с помощью следующего рисунка. Наши воображаемые герои (китаец и русский) на-

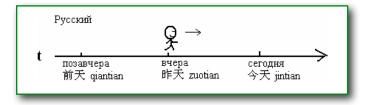
ходятся на воображаемой линии времени в точке «сегодня». Время течет от прошлого к будущему, оно необратимо. Куда смотрят представители двух народов, располагая на данной линии ближайшие к сегодня дни?

Русский обращен взглядом вперед: вчера для него закончилось, осталось позади (см. в пословице «День прошел — и слова богу»). Китаец держит вчера в поле зрения, анализирует, оценивает его. Его взгляд обращен к началу событий, а не к их потенциальному продолжению. В такой позиции нашла выражение архаическая модель времени.

Точкой отсчета при временной локализации событий может быть не только момент «здесь и сейчас», но и время совершения какого-то другого события. Для русских дней позавчера и послезавтра такими временными ориентирами служат вчера и завтра.

Позавчера в русском языке образовано от вчера с помощью редко употребляемой приставки поза- со значением непосредственного временного предшествования. Можно также сказать: позапозавчера. Этимологическое значение приставки поза- «находящийся сзади чего-то» (первичное значение пространственное).

Воображаемый русский находится в точке *вчера*, предшествующий день у него «за спиной».

Китайское слово, обозначающее день перед вчерашним, 前天 qiantian, ничем не связано со словом вчера 昨天 zuotian. Первая составляющая часть 前 qian обозначает «передний», «вперед». Китаец попрежнему продолжает смотреть в прошлое, еще в более отдаленное. 前天 qiantian буквально переводится «передний день, день первый».

Послезавтра для китайцев — 后天 houtian. Иероглиф 后 hou означает «после, сзади». (ср. 后勤 houqin — «тыл», 后门 houmen — «черный ход» и др.).

То, что древние китайцы видят на линии времени, то, что они знают, они называют 昨天 zuotian «вчера», 前天 qiantian «позавчера». То, что для них неизвестно, чего они не видят, они называют 明天 mingtian «завтра», 后天 houtian «послезавтра».

В русском языке от завтра приставочным способом образованы слова послезавтра и пос-

лепослезавтра. Временным ориентиром при обозначении этих дней является не сегодня, а завтра.

Герой наших заметок (в данном случае русский) стоит в точке завтра, а последующие дни у него сзади, за спиной. Взгляд, следовательно, направлен в сторону, противоположную естественному течению времени (от прошлого к будущему). Человек обращен лицом к началу, к тому, что произошло раньше. Следовательно, в русской микросистеме позавчера — вчера — сегодня — завтра — послезавтра архаическая концепция времени тоже отразилась.

Изучение пространственно-временных понятий в этнолингвистическом аспекте в вузовском курсе РКИ способствует развитию коммуникативной и лингвокультуроведческой компетенций учащихся, широкому взгляду иностранных обучающихся на язык.

Литература

- 1. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2000.
- 2. Попова З.Д. Значение слова и его компоненты. Воронеж, 2003.
- 3. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1964.
- 4. 新俄汉词典 (Новый русско-китайский словарь). Пекин, 1999.
- 5. 现代汉语词典 (Современный толковый словарь китайского языка). Пекин, 2005.

Fu Yanjie

INTERACTION OF CONCEPTS OF SPACE AND TIME DURING THE EPOCH OF FORMATION OF LANGUAGE PICTURES OF THE WORLD: (EXEMPLIFIED BY RUSSIAN AND CHINESE WORDS YESTERDAY-TODAY)

Language picture of the world, correlation between space and time, semantic structure of the world, inner form of the word.

The paper draws attention to the importance of studying space&time notions in a university course of Russian as a foreign language in comparison with foreign students' native language and culture (with Chinese as an example). Such an approach contributes to developing students' communicative and linguocultural competences. The author's theoretical standpoint has been illustrated by analyzing the Russian adverbs $suepa/cezo\partial hs$ (yesterday/today) and the Chinese words jintian/mingtian of the related meaning The adverbs are reviewed from an angle of their semantics and inner forms (causativity of names).

О.В. Шалыгина

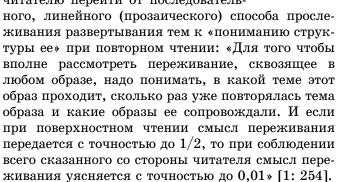
shalygina@hotmail.com канд. филол. наук, доцент Столичной финансово-гуманитарной академии, Владимирский филиал Владимир, Россия

Мюнхенские главы «Сквозных ликов» – ключ к изучению композиции и языка «Четвертой симфонии» А. Белого

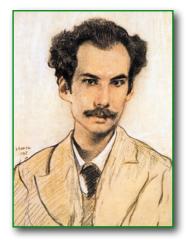
Композиция, комплекс мотивов, тематическое развитие, метафора, новаторство А. Белого, философия языка, философия времени, гносеология.

В предисловии к симфонии «Кубок метелей» А.Белый выделяет три темы второй части (a, b, c), которые, вступая в соприкосновение с темами первой части, образуют ткань всей "Симфонии". В такой последовательности (a, b, c) они присутствуют в главке «Зацветающий ветр». В статье выявлена композиционная последовательность мюнхенских глав второй части «Четвертой симфонии» А.Белого. Изучение структуры вслед за автором позволяет приблизиться к пониманию новаторства Белого не только в эстетической, художественной сфере, но и в области философии языка, теории познания и философии времени.

В предисловии к «Четвертой симфонии», рассматривая, «как совместить внутреннюю связь невоплотимых в образ переживаний <...> со связью образов», А. Белый отмечает, что в начале работы он оказался перед выбором «пути искусства или пути анализа самих переживаний, разложения их на составные части» [1: 252] и выбрал второй путь. Осознавая «конструктивный механизм той смутно сознаваемой формы, которой были написаны предыдущие <...> «Симфонии», он предлагает читателю перейти от последователь-

В «Кубке метелей» А. Белый выделяет «две группы тем: первую группу составляют темы I части; все они, отличаясь друг от друга построением фраз, имеют, однако, внутреннее родство. Вторую группу тем образуют темы II части, которые по конструкции, в сущности, составляют одну тему, изложенную в главе «Зацветающий ветр». Эта тема развивается в трех направлениях. Одно ее направление (тема «а», как я ее привык

называть) более отчетливо выражено в главе II части «В монастыре»; другое (тема «b») — в главе части «Пена колосистая»; третье (тема «с») — в главе «Золотая осень». Эти три темы II части — а, b, c, — вступая в соприкосновение с темами I части, и образуют, так сказать, ткань всей «Симфонии» «[1: 253].

Отдельный образ-символ не может быть мельчайшей единицей анализа в такой художественной системе. С этим обстоятельством связаны неудачные попытки самых различных классификаций символов симфонии,

поиска их генезиса и сопоставления. О. Тилкес-Заоесская эту проблему определила как «затемнение коммуникации»: <...> «дематериализация символистского литературного текста возникает не столько как результат «неопределенности смутных устремлений», сколько как результат приема «затемнения», являющегося практической реализацией установки на создание литературного текста, не опирающегося на конкретные образы, текста, ориентированного на безобразный «музыкальный» текст» [2: 1]. Однако автор надеялся, что изучение структуры симфонии позволит читателю прояснить ее содержание с точностью до 0,01.

Тема, обозначенная Белым как «а» и, по его признанию, наиболее отчетливо выраженная в главке «В монастыре», содержит комплекс мотивов, связанных с воскресением, полнотой времен, созреванием их. Рассмотрим мотивы первой строфы главки (строфически выделенного отрезка прозаического текста) в их композиционном развитии:

«Открыла глаза.

Перед ней виднелся бледно-бирюзовый океан осеннего воздуха.

Ей лицо обдувало душистым эфиром.

Вырос силуэт странника с просветленным жемчужным лицом.

Солнечные кудри и золотая, легко раздвоенная бородка светились на вечерней заре.

Это был он, ее смутный сон» [1: 335].

Глава «В монастыре» организована как описание видения героини. Описание балансирует на грани сна и яви с возможностью символического разрешения темы. Интересно, что А. Белый, используя мотивировку сна, привлекает возможность литературного разрешения этой темы в финале главки: «Белое лицо, омытое шелковым золотом, синими удивленными очами глядело на богомольцев, будто солнечное облако с двумя просветами лазури» [1: 337]. Однако, превращая видение героини в зрительный обман с помощью простого сравнительного оборота, автор придает образам реальности значение обмана большего, чем просто зрительный. Богомольцы лишаются возможности видеть реальность символическую, а видят лишь небо, солнце, облака:

«Над ними простерлись две его руки — два его снежных обрывка.

U богомольцам казалось, что это — не странник, а далекое облако, не риза — а вышина.

Все пали ниц.

Голос странника, как призывной трезвон, еще раздавался над ними из далеких пространств:

«Риза моя — воздушная, золотая.

Горизонт так янтарен».

Но это свистал ветерок, и богомольцы были одни.

Над ними было небо.

Там застыло солнечное облако с двумя просветами лазури» [1: 340].

Так «не воплотимые в образ переживания» находят свое воплощение в оппозиции собственно литературной мотивировки повествования и мистерии воскрешения, совершающейся в индивидуальном переживании героини.

Вторая тема главки — «бледно-бирюзовая». В первой строфе это «бледно-бирюзовый океан осеннего воздуха», во второй строфе «черный клобук склоненной монашки закрыл от нее и странника, и бледно-бирюзовый океан». В третьей строфе «сафирные чаши» плещутся в окно холодным ветром [1: 335]. Затем «на бледной, небесной бирюзе» появляются «многошумные красные березки». Пятая строфа представляет собой вариацию разрешения первой темы. Вторгаясь в явь — видение, границы которой размыты (к чему, например, можно отнести «вереницу монашек, беличек,

белиц и отроковиц»), пейзажный образ представляется как будто репрезентацией реальности: «А березки грустно шумели и сквозили вечно-бледной, осенней бирюзой». Но именно за этим образом следует появление призрака в следующей строфе: «Когда уже все прошли в собор и среди березок перестали мелькать и монашки, и белички, и юницы, и отроковицы, показался он, точно весь сотканный из воздуха» [1: 336]. В восьмой строфе главки основные цвета предыдущей строфы, золотой и красный, сливаются с бирюзовым:

«Неизвестный священнослужитель, точно весь сотканный из воздуха, стоял в золотой, бирюзой отливающей рясе.

Тая, ряса сливалась с небом.

Простирал свою руку в бледно-бирюзовый, далекий мир.

Бледно-бирюзовый, далекий мир отливал янтарно-золотым» [1: 337].

Здесь изображение «далекого мира» подчиняется законам не прямой, а обратной перспективы. Мир между явью и сном в начале главки (от реальности к видению) - это все этот же мир, имеющий психологическую мотивировку, где виднеется «бледно-бирюзовый океан осеннего воздуха», изображенный в прямой перспективе. Видение странника изображается тоже в перспективе. А вот священнодействие «неизвестного священнослужителя» уже в обратной перспективе. Здесь происходит перемена точки зрения: картина рисуется не из этого, соснового и березового мира, а из того янтарного, воскового, медового: «Все было охвачено жидкими янтарями и пропитано ими» [1: 337]. Бледно-бирюзовый — это теперь уже «далекий мир», его сосновые дали кропятся золотом жидких янтарей и спелых колосьев:

«Неизвестный священнослужитель поставил на стол деревянную миску со святою водою; он опустил в воду пучок спелых ржаных колосьев.

Колосом окропил сосновые дали.

Простирал свои руки в бледно-бирюзовый мир: бледно-бирюзовый мир отливал янтарно-золотым» [1: 337].

Знаком свершения мистического действия становится исчезновение бирюзового мира в финале: «Бирюзовая риза истаяла. Она сливалась с небом, отливая жемчугами» [1: 338]. Автор симфонии предлагает читателю пейзажную (реалистическую) мотивировку происходящего: все это было лишь иллюзией игры солнечного света в облаках:

«Над ними простерлись две его руки — два его снежных обрывка.

H богомольцам казалось, что это — не странник, а далекое облако, не риза — а вышина» [1: 340].

Однако сразу же после утверждения такой «реалистической иллюзии» повествование вновь начинает балансировать на грани прямой и обратной

перспективы. Действие богомольцев («Все пали ниц») не связано с их «разочарованием». Причина не в предыдущем, а в последующем, не столько в слуховой иллюзии: «Голос странника, как призывный трезвон, еще раздавался над ними из далеких пространств» [1: 340], сколько в мистической сущности поглощения бледно-бирюзового, соснового мира «жидкими сквозными янтарями» [1: 337]. Бирюзовая риза истаяла, стала золотой. «Риза моя — воздушная, золотая. Горизонт так янтарен», — говорит странник» [1: 340]. Это не захват солнечности, а действие обратное - солнечный захват, поглощение мира солнцем. Финал главки как будто возвращает читателя в «этот», реальный мир. Видения нет, иллюзии тоже нет, есть небо и солнце. Но вместо «возврата» в этот мир возникает ощущение чего-то уже свершившегося в другом мире и неотменимого в своей важности в этом: «Там застыло солнечное облако с двумя просветами лазури» [1: 340].

Итак, тема «а» – это единый динамический комплекс мотивов, порождающий вариации и образы в сочетании с другими темами в их композиционном взаимодействии. Он содержит динамический мотив поглощения мира солнцем (превращения бледно-бирюзового мира в золотой), сюжет воскресения («Смотри: ведь могила пуста» [1: 337]), мотив истощения, засыхания времен, который разрабатывается через следующие метафорические цепи: «листья - золотые пролетающие времена» [1:336] - «красное золото свеянных листьев» — это «вечный водопад времен» [1: 337]; «Времена засохли. Шелестят, как свиток: времена, как и свиток, свиваются» [1: 336]; «все облетит — пролетит»; «все пролетит и угаснет золотое время». Теме «а» сопутствуют мотивы золотой сети, образ странника возникает из солнца, сквозящего в листве берез, и просветов в облаках:

«Медленно шел вдоль березок.

Впереди него сыпались красные, яркие листья. И сзади сыпались тоже.

Словно он был занавешен голубой, вечно пролетающей порфирой, испещренной красным золотом свеянных листьев.

Это был вечный водопад времен» [1: 337].

На символичность такого способа изображения указывает подзаголовок второй части симфонии «Сквозные лики». Вторая тема, обозначенная А.Белым, как тема «b» и разворачивающаяся в главке «Пена колосистая», связана с «преходящим» «образом мира сего» и комплексом связанных с ним мотивов стремительного бега и исчезновения солнца, тени, скользящей по ниве; ветра, несущего «ризы всех вещей», а также сопутствующими темами стремительно летящего, подобно тени, всадника («рыдающего полковника»), черной птицы и обрывающихся звуков рыдающих песен. Основной комплекс тропов, подвергающий-

ся разработке в этой главке, отнесен к композиционному центру и связан с архетипическим уподоблением жизни тени:

«Наша жизнь – улетающая тень.

Вот, как черная птица, несется над морем колосьев.

Вместе с нами летит, неизменная» [1: 329].

Метафора «море колосьев» определяет кольцевую композицию главы. В экспозиции: «Пена волновалась. / Возмущенные колосья словно шатались, склоняясь, то чернея, то золотея» [1: 327]. В финале: «Нива волновалась./ Опьяненные колосья словно шатались, склоняясь, то чернея, то золотея» [1: 329]. К началу главки отнесен более мотивированный традицией языкового употребления образ «возмущенные колосья» — возмущенные ветром колосья. Метафора «опьяненных колосьев» появляется, сопровождая мотив быстротекущего, вечно бегущего времени:

«Солнце — чаша, наполненная золотом, — тихо опрокинулось в безвременье.

И разлились времена волнами опьяненных колосьев.

Налетали — пролетали: о межу разбивались многопенным шелестом.

И неслись, и неслись» [1: 328].

Примечательно, что более стертая в языковом отношении метафора «нива волновалась» отнесена к завершающим главу строкам, а более «затемненная», почти нарушающая правильность речи, метафора к самому началу. Так чисто литературный, искусственный образ «пена волновалась» обретает свою реалистическую (языковую) мотивировку в финале: это «нива волновалась». Автор варьирует мотивированные // немотивированные традицией языкового употребления метафоры и эпитеты в пределах рефрена: «пена» // «нива»; «возмущенные колосья» // «опьяненные колосья», и в том и в другом случае актуализируя океанический комплекс. Вторая часть рефрена объединяет мотивы тени, ветра и океанического комплекса с образом «золотой порфиры» или «ризы всех вещей», «сквозных ликов», возникающих из света и тени, просветов в листве:

«И вдоль нивы бежали теневые пятна, производя волнение.

Точно на ниву бросили золотую порфиру, испещренную пятнами, и вот она мчалась к горизонту» [1: 328].

Здесь на первый план выходит та грань образа-символа «золотой порфиры», которая связана с «образом мира сего». В финале незначительные изменения в оформлении рефрена знаменуют значительные трансформации в содержании, уже не «золотая порфира, испещренная пятнами, мчится к горизонту», а они (пятна) бегут к горизонту:

«И вдоль нивы бежали теневые пятна, производя волнение, точно на ниву бросили порфиру,

испещренную пятнами, — и вот они бежали κ горизонту» [1: 329—330].

Это другое действие мистерии — «захват солнечности», поглощение мира тенью, течением времени. Такие «незначительные» трансформации подготовлены развитием лирического сюжета главки. Характерно для повествовательной системы Четвертой симфонии, что образ персонажа подчиняется не собственному развитию, не сюжетному развитию произведения, а именно микросюжету главки. В четвертой строфе происходит тот самый «незаметный переход» в развитии темы бегущей тени, который потом разрешится в финале главки:

«Рыдающий полковник пролетел где-то вдали, вдали, словно склоняясь, то темнея, то сверкая слезами.

И вдоль нивы бежало его теневое пятно.

И несся... и несся...» [1: 328].

Конкретность изображения снимается рядом невозможных для действия персонажа характеристик — «пролетел где-то вдали, вдали, словно склоняясь, то темнея, то сверкая слезами». Падение полковника, как и сравнение с «усмиренным утопленником», причинно обусловлено не развитием сюжета симфонии, а тематической разработкой образа времен, разлившихся из опрокинутой чаши и разбивающихся «о межу». Образ рыдающего полковника, в этой главе имеющий знаковую природу, корреспондирует с категорией «безвременья». Именно «безвременье» по сюжету симфонии поглощает полковника при жизни.

Начало седьмой строфы варьирует строки второй строфы:

«Когда убежало солнце, небо стало большим зеркалом.

Когда убежало солнце, бледно-сияющие кружева туч засинели и перестали сквозить» [1: 329]. Голос ветра, в свисте проносящего ризы всех вещей, замещает звуки песни, таким образом в художественном плане уравниваются образы, имеющие и не имеющие реалистической мотивировки:

«Когда убежало солнце, ветерок пронес в свисте парчовые ризы всех вещей:

«Дни текут. Времена накопляются. Надвигается незакатное, бессрочное.

Просится: пора мне в этот старый мир.

Пора сдернуть покровы. Развить пелены. Пора открыть им глаза. Налететь ветром. Засвистать в уши о довременном» [1: 329].

Откровенно риторический план повествования в следующей строфе неожиданно получает изобразительное, пластическое выражение. «Лучезарный слепец с открытыми, синими глазами», «точно весь сотканный из воздуха», молится: «О, если б прозрели, о, если б увидели свет. Преходит образ мира сего» [1: 329]. Стертые метафоры «сдернуть покровы», «развить пелены», «открыть глаза» обновляются, корреспондируя с образом «безмол-

вного видения с протянутыми руками в золотом воздухе» и разработкой образов-символов «золотой порфиры» и «ризы всех вещей», «образа мира сего» в контексте главки. В финале объединяются мотивы волнующейся нивы, золотой порфиры и свершившегося «захвата солнечности», тени, с символикой опрокинутой чаши, угасания времен:

«Нива волновалась.

Опьяненные колосья словно шатались, склоняясь, то чернея, то золотея.

И вдоль нивы бежали теневые пятна, производя волнение, точно на ниву бросили порфиру, испещренную пятнами, — и вот они бежали к горизонту.

Закат становился бледно-грустен и золотисто-атласен.

Золотое, пролитое вино гасло, точно его разводили водой» [1: 329—330].

Третья тема («с»), проявленная в главе «Золотая осень», — это тема разлуки, гибели, грусти о прошедшем: «<...> «Солнце закатывается — закатывается». / И оно закатилось» [1: 333], «И вечность погасла на горизонте» [1: 335]. Эта главка диалогически связана с предшествующей. Основные мотивы «Вечного покоя» отражаются в «Золотой осени». Слова: «Я был болен. Уезжаю теперь от вас. Уезжаю на север, к соснам» [1: 331] подхватываются в «Золотой осени» седым мистиком, который приехал к Светловой проститься: «Он ей говорил: «Еще немного./ И я уеду в сосны. Я уйду от вас. / Но вы сами ко мне придете» [1: 333]. И она, получив письмо с теми же словами, повторяет: «Я больна. Я хочу с вами ехать на север, в монастырь. / Уезжаю отсюда к соснам» [1: 333]. Мотив смертельной бледности героини «Она была, как смерть, бледна» [1: 333] в «Золотой осени» также оказывается отражением слов лирического героя¹ «Вечного покоя»: «Я увидел, что вы мертвы — мертвы, как смерть. < ... > / Вы, как смерть, загадочны» [1: 331].

В композиционном и ритмическом отношении «Золотая осень» в целом выстраивается параллельно строкам письма лирического героя:

«Но я еще *глубже задвинусь* книгами» [1: 331] // «Старый друг еще *глубже надвинул* фуражку» [1: 333];

«Так писал. / *И шуршал сухой* бумагой.» [1: 331] // «Шли. / *И шуршали сухими* листьями» [333];

«Мне в вас *открывалось будущее. И, протягивая руки*, я вам говорил, что солнце мое восходит, восходит. / Но *оно закатилось*» [1: 331] //

¹ В данном случае, вероятно, следует иметь в виду именно лирического героя главки, а не Адама Петровича. Если письмо лирического героя главки «Вечный покой» можно интерпретировать как личное, обусловленное разрывом с Л. Д. Блок и отъездом за границу, то отзыв на основные мотивы его в «Золотой осени» переплавляется в художественно-обобщенный образ.

«Им *открылась неоглядная даль*. / *И*, протягивая руки, сказала: «Солнце закатывается — закатывается». / И *оно закатилось*» [1: 333] и т.д.

Предпоследняя строфа письма написана в стиле философской риторики лирического героя:

«Мир не беспеременен. Он мчится вперед. Перебрасывает будущее в прошлое.

У него есть крылья улететь от настоящего. Это значит, что прошлого нет: оно умаля-

Временная струя вытекает из разбитой чаши.

Когда чаша иссякнет, перестанут струиться временные струи.

Меня посетит забвение» [1: 332].

В «Золотой осени» этот пассаж дробится на две части. Первая часть с незначительной вариацией повторяется, но организована уже как авторская речь:

«Мир не беспеременен. Он мчится вперед — все вперед, все вперед.

Перебрасывает будущее в прошлое: летит — да, вперед — да, вперед.

У него есть крылья, чтобы лететь прочь от настоящего все вперед — ах, вперед» [1: 334]. Содержательное изменение включается, как обычно у Белого, в «неприметной» форме, так как приемы композиционного параллелизма и повтора, так намеренно проведенные, вызывают ослабление внимания, скольжение по тексту, но именно здесь и происходит перемена в структурно-содержательном плане главы «Золотая осень». Вместо: «Это значит, что прошлого нет» [1: 332], — звучит обратное: «Но это не значит, что прошлого нет» [1: 334]. Последняя строфа «Золотой осени» представляет собой вариацию второй части седьмой строфы, здесь она представляет собой тему разговора Светловой и старого мистика.

«И вечность погасла на горизонте.

Ходили и говорили о прошлом.

Прошлое растет.

Все, что было, сохранилось в старинной чаше— поднялось.

Все, что было, не умерло: все, что было, плешется на поверхности.

Еще немного.

Остановится время: мир перестанет мчаться вперед.

И прошлое вернется» [1: 335].

Смена способа организации повествования позволяет автору уравновесить напряженность и драматизм переживания безвозвратной разлуки идеей возвращения прошлого. Как обозначение наиболее общей темы «с» «Золотая осень» представляет собой выражение комплекса мотивов разлуки, гибели, угасшего светила и надежды, утешения, «разворота времени»: «Остановится время: мир перестанет мчаться вперед. / И прошлое вернется».

Таким образом, композиционная последовательность мюнхенских глав второй части симфонии², на которые как на ключевые указывает А.Белый в предисловии, может быть выражена в следующей схеме: «б» («Пена колосистая») (бег тени и времени, закат) — «с» («Вечный покой», «Золотая осень») (разлука, смерть, солнце закатилось, разворот: прошлое вернется) — «а» («В монастыре») (восход, воскресение). Изучение структуры «Четвертой симфонии» вслед за автором позволяет не привносить в текст исследовательские концепции, а приблизиться к пониманию новаторства Белого не только в эстетической, художественной сфере, но и в области философии языка и познания.

Литература

- 1. Белый А. Кубок метелей // Белый А. Симфонии. Л., 1990.
- 2. Тилкес-Залесская О. Четвертая симфония Андрея Белого: точки «затемнения фокализации» и неомифологический порядок действия // http://bugayeff.narod.ru/tielkes.pdf.
- Шалыгина О.В. Проблема композиции Четвертой симфонии А. Белого // Литературный календарь: книги дня. 2009. № 5(2).

O.V. Shalygina

THE MUNICH CHAPTERS OF «THROUGH FACES» – A KEY TO THE STUDY OF COMPOSITION AND LANGUAGE OF A.BELYJ'S «FOURTH SYMPHONY»

Composition, complex of motives, thematic development, metaphor, A. Belyj's innovation, language philosophy, time philosophy, gnoseology.

In the preface to the symphony «Cup of blizzards» A.Belyj allocates three themes of the second part (a, b, c) which, entering contact with themes of the first part, form a fabric of all the symphony. In such a sequence (a, b, c) they are presented in the central chapter «Blossoming wind». The article reveals a composite sequence of the Munich chapters of the second part of the symphony. Study of the symphony structure after the author's intention allows to come nearer to understanding A.Belyj's innovation not only in aesthetic and art sphere, but also in the field of philosophy of language, theory of knowledge and time philosophy.

 $^{^2}$ Над окончанием второй части симфонии А. Белый работал в Мюнхене в 1906 г.

Шафаги Марьям

shafaghi@atu.ac.ir аспирант Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина Тегеран, Иран

Коммуникативно-прагматический анализ речевого жанра «покаяние» в русском языке

(с позиции носителя персидской культуры)

Речевой этикет, извинение перед Богом, покаяние.

Употребление речевого акта «извинение» в религиозной сфере, при молитве называют «покаяние». При покаянии обращение приобретает ты-форму: *прости*, *очисти*, *помилуй*. Адресатом речевого жанра покаяния является Бог. Покаяние возможно и через посредников.

Внастоящее время в России возрос интерес к религии и Библии. Русский народ возвращается к идеологии своих предков. Данный процесс оказывает и огромное влияние на орентацию современной русской лингвистики. В том числе очень актуальным считается изучение речевого жанра «покаяние» — как «извинение» перед Богом. Христос призывает людей к покаянию: «покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное» (Евангелие от Матвея, глава 4 стих 17)

Для русских характерно покаяние как форма религиозного извинения, и каются они часто. Каждый человек совершает грехи, и простейший выход из создавшегося положения — это покаяться. Более того, иногда человек вынужден каяться, чтобы стать лучше. Например, покаяние перед смертью, дабы предстать перед Господом Богом чистым от дурных помыслов и совершенных грехов.

Приведем дефиниции слов «каяться» и «покаяние» в русском языке. В Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой дают следующее определение глаголу «каяться»: 1. На церковной исповеди признаваться в своем грехе (грехах) (обычно о тяжелом грехе, требующем искупления). Каяться в грехах. Кающийся грешник. 2. в чем. Сожалея, признавать свою ошибку, вину (разг.). Каюсь, виноват перед тобой [3: 276].

«Покаяние» — 1. Добровольное признание в совершенном проступке, в ошибке (книжн.). Принести покаяние. 2. То же, что исповедь. Церковное покаяние. Покаяние в грехах [3: 566].

Значения слов «раскаяние» и «грех» даются следующим образом:

«Раскаяние» — чувство сожаления по поводу своего поступка, проступка. *Чувство раска-*

яния. Испытать раскаяние. Позднее раскаяние [3: 679].

«Грех» — 1. У верующих: нарушение религиозных предписаний, правил. Покаяться в грехах. Отпущение грехов. Брать грех на душу. 2. Предосудительный поступок. Вспомнить о грехах прошлого. Грехи молодости. 3. в знач. сказ., с неопр. Грешно, нехорошо (разг.). Над старостью смеяться грех. Грех обижаться [3: 146].

Покаяние характеризуется исповедальной, призывающей на помощь, молитвенной тональностью. Каясь, человек осознает свою греховную природу и сожалеет о ней, в то же время молящийся ощущает величие Бога и прославляет Его.

В православии покаяние реализуется в форме исповеди — обряда покаяния в своих грехах перед священником. Исповедь — это горячее покаяние сердца, жажда очищения. Кающийся просит прощения у Господа за то плохое, что он совершил. Он должен очистить свою совесть и должен сказать, что он сделал плохого. Совершение всякого таинства, тем более таинства покаяния, должно быть ощутимо. Человек должен почувствовать облегчение от того, что с души его спал тяжкий груз греха. Он должен уйти от аналоя просветленным, должен почувствовать, что Господь его простил. Так бывает только тогда, когда человек действительно кается.

Языковой анализ речевого жанра «покаяние»

Покаяние — это глубоко личностный акт, в котором человек раскрывает свою душу Богу. Искреннее покаяние без преувеличения можно назвать процессом рождения личности, процессом иногда мучительным, так как человеку приходится что-то от себя отсекать, что-то вырвать из себя

с корнем, но и процессом спасительным и в итоге всегда радостным.

Жанр покаяния втречается в следующих сферах:

- а) в религиозной сфере, в том числе при молитве: Помилуй нас, Господи, помилуй нас; всякаго бо ответа недоумеюще, сию Ти молитву, яко Владыце, грешнии приносим: помилуй нас. (Канон, глас 2-й, Песнь 9);
- б) в обиходном общении: Прости нас, Господи, за чревоугодие, за привязанность, за страстную привязанность к суетным, преходящим вещам.

При покаянии мирянин может адресовать просьбу прощения Богу, Деве Марии, святым силам на небесах, свещеннику или другому человеку:

- адресация к Богу: *Помилуй мя, Боже, помилий мя*:
- адресация к Деве Марии: в православии Дева Мария является неким посредником между Иисусом Христом и человеком. Нет такого греха, который Дева Мария не могла бы простить и после которого отвернулась бы от человека. Христиане называют ее за этот признак «Надежда безнадежных».

Ныне к вам воздежу руце, святии мученицы, пустынницы, девственницы, праведницы и вси святии, молящиися ко Господу за весь мир, да помилует мя в час смерти моея (Канон, глас 6-й, песнь 9);

— адресация к святым силам: в православии считают, что святые на небесах могут помогать человеку, чтобы Бог простил их грехи:

Ныне к вам прибегаю, Ангели, Архангели и вся Небесныя Силы, у Престола Божия стоящий, молитеся ко Творцу своему, да избавит душу мою от муки вечныя (Канон, глас 6-й, песнь 9);

- к священнику: в православии суть покаяния состоит в признании грехов перед священником [7: 245];
- к другому: кроме высокого покаяния просьба простить вину совершается и в обиходе. «Суть ситуации извинения словесное искупление вины, проступка. Это, в сущности, просьба к адресату снять вину. Реакция адресата как прощение («Я Вас прощаю») составляет вторую реплику диалогического единства» [9: 242]. В итоге извинение имеет два значения: 1) просьба: «Я прощу извинения» и 2) прощение: «Я вас извиняю» (как бы в диалоге).

Извинение другому лицу может быть адресовано другому мирянину, умирающему, умершему. Это тоже связано с понятием покаяния, так как если человек повинен перед другим человеком и он его не простит, то Бог тоже может не простить:

— Флегон Флегоныч... ради Христа, прости ты меня... — каялся Спирька, растянувшись на полу. — У всех деньги брал... Я прошу, а они дают. (Мамин-Сибиряк Д. Золотая ночь).

В покаянии, где реплику адресуют Богу, Деве Марии, святым силам, умершим, ответная реплика отсутствует, так как адресат является виртуальным.

От другого мирянина или умирающего можно слышать ответную реплику в виде прощения вины: *Бог простит, прощаю* и т.п.

При покаянии иерархия является вертикальной религиозной: человек — Вышестоящий Бог. Согласно религиозной иерархии духовное лицо также имеет преимущество перед светским.

Рассматриваем частотные формулы покаяния в религиозной сфере.

Прости, Господи!

Две очень популярные формулы просьбы прощения — «извини (-те)» и «прости (-те)». Первая — это извинение за небольшой проступок, а вторую используют тогда, когда просят прощения за большой проступок, за серьезную вину. Человек в обращении к Богу употребляет не форму «извини», а форму «прости». Этим употреблением он одновременно показывает величие Бога и существующую дистанцию между ним и Богом. Ведь Он Создатель, а человек — мирянин.

Повелительная форма глагола «Прости!» — показатель просьбы простить. Это прежде всего звательная форма, это ни в коем случае не может быть императив и приказ. Это обращение с просьбой. Невозможно Богу приказать, можно только просить у Него.

Личные местоимения в религиозном дискурсе играют особую роль. В религиозных текстах нет места вежливым формам местоимений, есть обращение к Богу только на «ты»: «прости», «помилуй», «очисти» и т.п.

«Господи! Укажи, что делать. Дай знак, Господи... Прости меня грешного, ибо... ибо...» Почему-то Святов никак не мог вспомнить молитву, которую еще в детстве разучивал с теткой-староверкой (Качалов А. На грани).

Христиане преимущественно обращаются друг к другу на «ты», потому что они считают друг друга братом и сестрой. Возможно употребление «вы-формы» ко множественному адресату. Роль местоимения «я» очень незначительна.

В отношении к священнику используют обращение на «Вы», как вежливую форму обращения¹.

Местоименный распространитель в винительном падеже делает формулу речевого этикета более личностной: *Прости меня*. При молитве очень

¹ В данной работе все глаголы представлены в повелительной форме ед. ч. — обращение на «ты».

часто наблюдается употребление формы древнерусского языка «мя» вместо формы «меня»: $\Pi pocmu\ ms\ \Gamma ocno\partial u.$

Тогда, Господи, благослови наш союз и даруй нам радость служить тебе как можно дольше. Прости меня, Господи, прости, прости... (Крупп Н.Н. Семейные саги).

«Прости меня, Господи, но не умею я любить врагов своих! Их не любить — убивать надо...» (Качалов А. На грани).

В указанных примерах многократное повторение npocmu, npocmu... усиливает интенциональное значение «простить вину, проявить снисхождение»

Это сейчас слезы, мама... А завтра я не буду... Он и прощенья во всем попросит. — Не буду, — говорит, — Луша, больше никогда, прости ты меня! — и сам заплачет. — Обидел я тебя...

- **Ну и забуду все, прощу**... И отец-то... куда я пойду... разве он примет теперь меня такую? (Фурманов Д.А. Драма Луши).

Полуект Степаныч сразу опомнился, повалился в ноги игумену и, стукаясь головой о пол, заговорил:

- **Прости, святой отец!**.. Вконец меня испортил проклятый дьячок... **Прости**, игумен... Из ума выступил... осатанел...
- Ладно, **прощу**, коли смирение вынесешь, ответил игумен, снимая клобук. (Мамин-Сибиряк Д. Охонины брови).

Общение в анализируемых дискурсах протекает в исповедальной, интимно-доверительной тональности, в ты-форме адресата, по статусно-ролевым характеристикам коммуниканты находятся в координатах «свои» и «вышестоящий — нижестоящий»: в первом диалоге — «мама — дочь», а во втором — административно-церковная иерархия. Извинение, просьба простить имеет постфактумную, ретроспективную направленность.

Ответная реплика «...ладно, прощу», следуя максиме великодушия, проявляет снисходительность и заботу, но ставит условие, при выполнении которого он готов простить проступок своего адресата.

Прости меня грешного!

- **Господи, прости меня грешного!** молился старик, в ужасе закрывая глаза (Мамин-Сибиряк Д., Братья Гордеевы).
- Сисой постоял немного и зевнул: «О господи, прости меня грешного!» (Чехов А.П. Архирей).
- «Господи! Укажи, что делать. Дай знак, Господи... Прости меня, грешного, ибо... ибо...» Почему-то Святов никак не мог вспомнить молитву, которую еще в детстве разучивал с теткой-староверкой (Качалов А. На грани).

В указанных примерах хорошо показана характерная особенность религиозного дискурса в христианстве, где человек, обращаясь к Богу, максимально понижает собственный статус, именуя себя «раб божий» или «грешник»: Прости меня грешного!/Прости нас грешных!

Употребляя выражение «Господи, прости меня грешного», адресант просит прощения за свой грех, с интенциональным значением «простить вину, проявить снисхождение и указать, как быть в будущем». Каясь, человек осознает, что совершил грех, в то же время молящийся ощущает величие Бога и прославляет Его, это прочитывается эксплицитно в значении, что только Бог может простить и направить на праведный путь.

Для русской бытовой сферы характерно употребление формы «Господи, прости!», особенно тогда, когда хотят говорить что-то нехорошое про человека. Данная фраза является ситуативным покаянием:

Чистое наказание с этой девочкой, **господи**, **прости меня грешного!** Не напасешься! (Чехов А.П. Архиерей).

При покаянии важную роль играет «возраст» кающегося: в старости уже больше нет времени возмещать ущерб от греха:

Господи, прости меня грешного! Запутался я, дьякон! Нет мне спасения! И не то, чтобы в жизни запутался, а в самой старости перед смертью (Чехов А.П. Письмо).

Прости нас грешных!

При покаянии характерно употребление формы множественного местоимения «меня» — «нас». Употребляя выражение «Господи, прости нас грешных» в нижеследующих примерах, адресант просит прощения за всех — «нас грешных», с интенциональным значением «даруй нам душевный покой»:

Это я стучал миской вместе со всеми, с теми, кто требовал выбросить пассажиров на шлюпке, обрести их на скорую смерть. И я посмотрел вверх, туда, где на мачте наши ходовые огни мерцали на фоне звезд, и прошептал: «Господи, прости нас, ибо не ведаем, что творим...» (Глушкин О.Б. Обретенные причалы).

Охо-хо-хо... Господи, прости нас грешных! — вздохнула старуха, когда часы в зале пробили два. — Не спится! (Чехов А.П. Ненастье).

Господи, прости нас грешных! — проговорил он и укрылся с головой (Чехов А.П., Крыжовник).

Я искоса, сторожко поглядываю на него — ведь неизвестно, на что способен покойник, — и добросовестно читаю вполголоса:

— «Прости вся, елико ти согреших, яко человек, паче же не яко человек, но горее скота...» (Горький М. Покойник).

Указанный дискурс относится к молитве на похоронах: адресант молит Бога простить усопшего.

Прости (меня) ради Бога/ради Христа!

Прости ради Бога/ради Христа! — это самая сильная просьба, и предполагается, что самая искренная. Когда человек говорит указанную фразу, то будет означать: «если ты верующий и если любишь Бога прости меня»:

Ты что же это, любезный, распространился? Видишь — чужое место, а лезешь! — сказал он сурово. Мужик низко поклонился и с покорной торопливостью затоптался в сторону:

- Прости, батюшка, Христа ради.
- **Бог простит**, сухо ответил старик. (Куприн А. Мирное житие).

Общение в анализируемом отрывке также протекает в исповедальной, интимно-доверительной тональности, в ты-форме адресата, по статусноролевым характеристикам коммуниканты находятся в координатах «чужие» и «равные». Извинение «Прости Христа ради» в данном дискурсе имеет постфактумную, ретроспективную направленность.

В ответной реплике «Бог простим» старик, следуя максиме великодушия, проявляет снисходительность. Нарушена максима такта.

Ответ «Бог простим» можно слышать в традиционной русской религиозной церемонии «Прощеное воскресенье»: каждый просит другого простить его «ради Христа» и в ответ говорят: «Бог простит».

Грамматически употребительны следующие конструкции.

Прости что?

Употребительной является также конструкция простите + винительный падеж неодушевленных существительных. В качестве имени существительного в винительном падеже может быть употреблено: мои/наши грехи, мои прегрешения вольная и невольная, название греха/грехов: гордость, неблагодарность, непокорность, самооправдание, самодовольство, самолюбие, наглость и т.п.

Господи, прости наши прегрешения, вольные и невольные.

- A то?! Ишь, какие глаза. Этот царский род проклят, его исток осквернил пророка, посланца божьего...
- *Прости наши грехи, аминь!* (Гасанов Э.Г.О. Черная черта).

Еще верую, яко сие есть самое пречистое Тело Твое, и сия есть самая честная Кровь Твоя. Молюся убо Тебе: помилуй мя и **прости** ми прегрешения моя, вольная и невольная, яже словом, яже делом, яже ведением и неведением, и способом мя неосужденно причаститися пречистых Твоих Таинств, во оставление грехов и в жизнь вечную. Аминь (Молитва святого Иоанна Златоуста).

Прости кому? что?

Конструкция *прости* + кому? (*мне*) + винительный падеж неодушевленных существительных встречается в речи интеллигентов старшего поколения, которая заметно устаревает [10: 110].

Для данной конструкции характерно употребление неодушевленного существительного в винительном падеже: *Прости мне мои грехи!*

Господи боже наш... благоволивый снити с небес и родитися от святыя богородицы... ведый немощное человеческого естества... прости рабе твоей... (Горький М. Фома Гордеев).

Благодарю за помощь и за уроки, которые ты мне преподносишь. **Прости мне, Боже, грехи мои**, совершённые в годы темноты и невежества и сейчас — по неразумению, несдержанности или человеческой слабости (Крупп Н.Н. Семейные саги).

Анализируемые дискурсы характеризуется исповедальной, молитвенной тональностью.

Употребляя указанные выражения, адресант просит прощения за свои проступки с интенциональным значением «быть к нему нестрогим, невыскательным, простить прегрешения, желать очиститься от грехов, обрести душевный покой и ступить на праведный путь».

Прости меня/грешного, нас/грешных за что?

К конструкциям покаяния можно еще добавить конструкция *Прости + меня/нас + грешного/грешных +* предлог за + винительный падеж неодушевленных существительных. В роли неодушевленного существительного может стоять название греха, за который мирянин просит у Бога прощения: *тимеславие*, *чревоугодие*, *привязанность*, *неблагодарность* и т.п.:

Господи, прости нас грешных за тщеславие.

Прости нас, Господи, за неблагодарность Тебе.

Прости нас, Господи, за раздражительность, за ненависть, которую мы иногда питаем к людям даже без всякой причины, желаем им зла, злорадствуем.

Господи, прости нас грешных за равнодушие нашего сердца к чужой беде, за черствость сердца, за неотзывчивость, за нежелание помочь, за нежелание поддержать, утешить, ободрить!

Прости меня/нас, что... (за то, что...)

Возможно объяснение причины покаяния в рамках сложноподчиненного предложения с помощью союзов «что...» и «за то, что...»:

Господи, прости нас грешных, что, когда мы получаем по заслугам, в своем беспечном ослеплении мы начинаем роптать.

Господи, прости нас грешных за то, что мы настолько привыкли к своим грехам, что они нам и не кажутся уже важными и значительными.

Прости нас за то, что иногда чужая беда вызывает у нас улыбку удовольствия и мы говорим: так ему и надо, он заслужил это.

Очисти меня/нас грешного/грешных!

К числу глагольных форм, которые применяются в целях просьбы прощения-покаяния относится форма единственного числа повелительного наклонения глагола «очистить»: «очисти». Для данной конструкции характерны следующие управления: кого? Очисти меня/нас, грешного/ грешных; что? Очисти мои грехи; кого? от чего? Очисти меня/нас от грехов.

— **Боже, очисти меня грешного**, — молюсь я, укрываясь с головой. — Ангел-хранитель, защити меня от нечистого духа (Чехов А.П. На страстной неделе).

Боже, очисти меня грешного, ибо я никогда не делал ничего доброго перед Тобою. Избавь меня от зла, и пусть будет во мне Твоя воля. Дай мне, не подвергаясь осуждению, открыть мои недостойные уста и восхвалить святое имя Твоё, Отца и Сына и Святого Духа, ныне и всегда и во веки веков. Аминь (Молитва 1-я, святого Макария Великого).

Указанные конструкции имеют молитвенную тональность.

Очисти что?

Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей и по множеству шедрот Твоих очисти беззаконие мое (Псалом 50).

Господи, **очисти грехи наши**. Владыка, прости беззакония наши. Святый, посети и исцели немощи наши, имени Твоего ради.

Очисти меня/нас от чего?

Наипаче омый мя от беззакония моего **u от греха моего очисти мя**; яко беззаконие мое аз знаю, и грех мой предо мною есть выну. Тебе единому согрешних и лукавое пред Тобою сотворих... (Псалом 50).

Царь Небесный, Утешитель, Дух истины, вездесущий и весь мир наполняющий, Источник благ и Податель жизни, прииди и вселись в нас; очисти нас от всякого греха и спаси, Благой, души наши (Молитва Святому Духу).

Помилуй мя/меня (нас)!

Приведем значение слова «помиловать»: 1. Простить кого-н., оказать или проявить снисхождение к кому-н. Решилась помиловать преступного сына. Пушкин. 2. Отменить или ослабить наказание, оказать помилование кому-н. (офиц. право). Помиловать преступника. 3. Повелительное наклонение помилуй (те) употребляется также как выражение несогласия, возражения, желания убедить, в значении да что ты (вы)! [8: 491].

«Помилуй (-те)» — это старое обращение к правителю: князю, царю, старшему человеку, от которого зависит твоя судьба.

Форма Господи Иисусе Христе, помилуй мя! является сокращением: Господи, помилуй! от Апостольских времен. Фразеология «Господи, помилуй!» очень распространена, и она употребляется в виде молитвы, а также в церковной службе, как заключение молитв. При молитве данная конструкция может повторяться в зависимости от молитвы трижды или 12 раз.

Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей и по множеству шедрот Твоих очисти беззаконие мое (Псалом 50).

Еще верую, яко сие есть самое пречистое Тело Твое, и сия есть самая честная Кровь Твоя. Молюся убо Тебе: помилуй мя, и прости ми прегрешения моя, вольная и невольная, яже словом, яже делом, яже ведением и неведением, и способом мя неосужденно причаститися пречистых Твоих Таинств во оставление грехов и в жизнь вечную. Аминь (Молитва святого Иоанна Златоуста).

Помышляю день страшный и плачуся деяний моих лукавых: како отвещаю Безсмертному Царю или коим дерзновением воззрю на Судию, блудный аз? Благоутробный Отче, Сыне Единородный и Душе Святый, помилуй мя (Канон, глас 6-й, Седален, глас 6-й).

Помилуй нас, Господи, помилуй нас; всякаго бо ответа недоумеюще, сию Ти молитву, яко Владыце, грешнии приносим: помилуй нас (Канон, глас 2-й, Песнь 9).

Данная конструкция может сопровождаться определителем «грешного/грешных»; возможно включать название греха, за который просят прощение в рамках сложноподчиненного предложения с помощью союзов, в том числе союза «за то, что...».

Помилуй мя/меня (нас) грешного (грешных)!

И ныне: Госпоже Богородице, помилуй мя грешного, и в добродеятели укрепи, и соблюди мя, да наглая смерть не похитит мя неготоваго; и доведи мя, Дево, Царствия Божия (Канон, глас 6-й, Песнь 4).

Душе моя, почто грехами богатееши, почто волю диаволю товариши, в чесом надежду полагаеши? Престани от сих и обратися к Богу с плачем, зовущи: милосердие Господи, помилуй мя грешнаго (Канон, глас 6-й, Кондак).

Помысли, душе моя, горький час смерти и Страшный Суд Твоего и Бога: Ангели бо грознии поймут тя, душе, и в вечный огнь введут: убо прежде смерти покайся, вопиющий: Господи, помилуй мя грешнаго (Канон, глас 6-й, Икос).

Помилуй за то, что...

Господи, прости меня и **помилуй за то, что** я написал эти гнусные слова (Булгаков М.А. Белая гвардия).

Умоли избавитися от прегрешений!

Данная конструкция более всего используется при молитве — просьба прощения у Бога. Молитва — это обращение верующего к Богу. Использование формы повелительного наклонения глагола «умолить» имеет значение склонить к чему-нибудь униженными просьбами, мольбой.

Волителя милости, Егоже родила еси, Мати чистая, умоли избавитися от прегрешений и душевных скверн верою зовущим: отец наших Боже, благословен еси (Канон, глас 6-й, песнь 7).

Более-менее характерно и популярно при покаянии конструкции «Каюсь!», «Грешен (-на)», «Отпусти мне мои грехи», «Даруй ми прежде конца покаяние», «Прими мое покаяние» и т.д. Они встречаются в речи священников и интеллигентов:

— Вижу, вижу!.. — стенал Иван, в уме которого ярко возникала каждая картина, поминаемая старцем, словно бы наяву он видел все. — **Каюсь!** Грешен! Прости, Господи!.. (Жданов Л.Г. Под властью фаворита).

Отпусти мне грехи мои, вольные и невольные (Жданов Л.Г. Под властью фаворита).

И ныне: Пречистая Богородице, прими недостойную молитву мою и сохрани мя от наглыя смерти и даруй ми прежде конца покаяние. (Канон, глас 6-й, Песнь 8)

Ты Сам, бессмертный Царь, **прими и мо**ё, грешного, покаяние.

Покаяние в православной и исламской религиях

Покаяние толкуется как возвращение к Богу, очищение души от грехов [12: 526]. В священной книге «Коран» Аллах не раз призывает людей к покаянию: (Св. Коран, Гафер: 55) (Св. Коран, Мохамад: 19) (Св. Коран, Фатх: 11) (Св. Коран, Неса: 106).

В суре «Неса» пророк ислама просит у Бога прощения для Своего народа (Св. Коран, Неса: 64).

В суре «Ал-э эмран» Аллах призывает Своего пророка просить Покаяния для народа (Св. Коран, Ал-э эмран: 159).

В Коране есть одна сура, которая называется «Исповедь». В ней Аллах призывает людей к покаянию: «...Аллах примет покаяния тех, кого пожелает, ибо Аллах — Прощающий, Милосердный» (Св. Коран, Покаяние: 27).

113 суры из 114 сур священного Корана начинаются фразой «Во имя Аллаха милостивого и милосердного», ведь Бог милостив, он прощающий. Отсюда и вправде православные при молитве просят у Бога: Помилуй мя Господи!

В исламе условием принятия покаяния считают: а) искренное раскаяние; б) железную волю в неповторении греха [11: 1088].

Как в православии, так и в исламе не один раз подчеркивается действие покаяния. Оно нужно любому человеку. При молитве обеим изучаемым религиям свойственно повторение языковых средств.

В православии повторяются слова «Помилуй мя» то трижды, то 12 раз.

Мусульмане 5 раз в день совершают молитву (намаз). Принято после каждой молтвы 14 раз повторять просьбу прощения у Аллаха.

Если сравнить процесс покаяния у православных и мусульман, то здесь надо упомянуть некоторые основные различия: в православии кающийся должен рассказать о своих грехах священнику. Православные считают, что нет греха, которого Бог не простил бы, а священник является представителем Бога на Земле. Для того чтобы Бог простил грехи, православные должны о них говорить священнику. Важное значение имеет и то, что человек, рассказывая священнику о своих прегрешениях, испытывает чувство стыда, поэтому в будущем он будет стараться больше не совершать подобных проступков и, таким образом, покаяние является «превентивным» действием, предупреждающим повторение греха. «К исповеди надо готовиться заранее: все продумать, вспомнить все грехи, пройти по извилинам своей души и обязательно все записать, а то пойдем к батюшке на исповедь, и враг может мрачить разум — все зубудем» [4: 3, 4].

В исламе тоже Бог (Аллах) прощает грехи людям, но для этого необходимо, чтобы человек искренне раскаялся в содеянном (важен факт «раскаяния»), попросил прощения у Аллаха и вознамерился больше не совершать этого. Здесь также делается акцент на то, что человек после раскаяния больше не будет повторять то действие, за которое просит у Аллаха прощения. Здесь он непосредственно кается перед Аллахом.

В исламе не принято распространяться о своих грехах среди людей, чтобы минимизировать распространение грехов на Земле. Считается, если,

совершив грех, люди начинают рассказывать об этом друг другу, то общество понемногу начинает привыкать с подобным негативным действиям, а со временем эти действия воспринимаются как нормальные, обычные явления.

Среди традиций, которые имеют большое значение для православных, можно назвать «Прощеное воскресенье». Это последнее воскресенье перед Великим постом или 7-е воскресенье перед Пасхой. В России также считается последним днем Масленицы. В этот день все православные просят друг у друга прощения, чтобы приступить к посту с доброй душой.

Любой мусульманин прежде чем совершать религиозные поездки (иногда и путешествие), особенно перед поздкой в Мекку — Дом Аллаха, должен просить у всех родственников, друзей, соседей прощения. Если он без этого пойдет в Мекку, его молитва считается непринятой. Либо в исламе Аллах может простить все, кроме того, что касается прав других.

В исламе и в христианстве важную роль играет акт извинения перед смертью как умирающего перед другим, так и других в отношении к умирающему: «В русской культуре принято на похоронах просить прощения у умершего за все неправильные по отношению к нему поступки: как на светских похоронах, так и на церковных церемониях погребения умершему говорят «прости». Во время похорон в конце прощальной речи оратор произносит, обращаясь к умершему, как принято, на «ты»: Прости, прости нас или же Прости за то, что не уберегли/что не берегли/не жалели/не понимали тебя/недостаточно любили/не были достаточно внимательны. В церкви

священник говорит собравшимся верующим: «*Теперь прощайтесь*», после чего каждый подходит к умершему, тихо произносит «*Простии*», крестится и встает на колени. В этой ситуации человек нередко просит прощения более развернуто: *Ты прости меня за то, что не...; Прости нас за то, что мы тебя не замечали/что мы с тобой грубо обращались/что мы несправедливо...; Прости меня, если я тебя чем-нибудь обидел...» [6: 177].*

В обеих религиях считается, что на Страшном суде Бог откроет все сделанные грехи мыслимо и действием: «Сам Ты верно знаешь все мои тайные прегрешения, но не обличай меня, не являй моих грехов ангелам и человекам — всей вселенной, к моему стыду и поношению!» [4: 30; 12: 527].

Выводы

Религия проникает повсюду — в образ мышления народа, в его национальный менталитет, в языковую систему, в национальную культуру, в национальную картину мира.

Образ мышления разных народов из разных религий бывает разным, и это оказывает большое влияние на их языковую систему. Так, например, используемые языковые средства при покаянии, адресация и др. отличаются в исламе и православии. В то же время в обеих указанных религиях в религиозном контексте обращение происходит на «ты».

Учитывая рост слов и выражений, выражающих веру людей в современном русском языке, изучение данного вопроса является очень актуальным, и без него нельзя обойтись для понимания современной жизни русских.

Литература

- 1. Библия.
- Биолия
   Коран.
- 3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992.
- 4. Пособие к исповеди. В помощь кающемуся. М., 2009.
- 5. Православный молитвослов. 2004.
- 6. Ратмайр Ренате. Прагматика извинения: Сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры // Языки славянской культуры. М., 2003.
- 7. Словарь русского языка в 4 т. Т III. М., 1984.
- 8. Толковый словарь русского языка // Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. ІІ. М., 2001.
- 9. Формановская Н.И. Речевой этикет в русском общении. Теория и практика. М., 2009.
- 10. Формановская Н.И. Русский речевой этикет в комментариях. София, 1977.

11. ابوعلیالفضلبنالحسنالطبرسی. ترجمه تفسیر مجمعالبیان، جلد چهاردهم، تهران: سازمان چاپ و انتشارات وزارت فرهنگ و ارشاد اسلامی، 1380؛ 12. ملااحمد نراقی. معراجالسعاده، تهران: انتشارات امین ورشیدی، بی تا.

Maryam Shafaghi

COMMUNICATIVE & PRAGMATIC ANALYSIS OF THE SPEECH GENRE «REPENTANCE» IN RUSSIAN (FROM THE POINT OF VIEW OF BEARER OF PERSIAN CULTURE)

Speech etiquette, apology towards God, repentance.

The use of the speech genre «apology» in religious sphere, while praying, is called «repentance». In this case the address is in the *ty*-form: *apologize*, *purify*, *have mercy* etc. The addressee of the speech genre «repentance» is God. Repentance is also possible through intermediaries.

А.А. Юнусова

anna04-21@mail.ru

аспирант Государственного института русского языка им. А.С.Пушкина

Душанбе, Таджикистан

Основные черты языковой ситуации в Таджикистане

Языковая ситуация, языковая политика, государственный язык, двуязычие, заимствование.

На основе социолингвистического подхода к установлению и оценке типов и форм двуязычия в статье рассматриваются основные черты языковой ситуации в Таджикистане, отмечается важность исследования функционального и внутриструктурного развития таджикского языка в сфере образования и культуры. Важен также лингвистический анализ лексики таджикского и русского языков, ее взаимопроникновения и образования общего лексического фонда.

В последнем десятилетии XX в. углубился кризис в области межнациональных отношений. Возросло стремление народов к защите и возрождению этико-этнических ценностей: языка, культуры, традиций, обычаев; в политике образования определились новые ценности. Произошла регионализация проблем образования. Одна из них — языковая.

Республика Таджикистан многонациональна. По статистическим данным, в ней проживают представители более чем 86 наций и народностей, представляющих так называемое русскоязычное население, большей частью в лице русских, украинцев, узбеков, корейцев, немцев и др. В производственно-трудовой, социально-культурной, научно-образовательной, бытовой сферах общение происходит на русском языке. Эта исторически сложившаяся и бытующая в настоящее время языковая реальность сосуществования языка коренного населения республики с русским языком во многом определяет сегодня языковую ситуацию.

Между таджикским народом и другими народами, населяющими республику, шел и продолжает идти процесс взаимообогащения культур. И здесь решающую роль играют как таджикский, так и русский языки. Усвоение таджиком русского и русским — таджикского обогащает культуру каждого из них. Это позитивный процесс. Не случайно культура личности во многом определяется знанием различных языков. Следует отметить, что, изучая неродной язык, человек получает не только способность к коммуникации в той или иной сфере, но и «...одновременно проникает в новую национальную культуру, получает огромное духовное богатство, хранимое изучаемым языком» [3: 4].

Проводимая Советским Союзом языковая политика, согласно которой русский язык как язык межнационального общения занимал более высокий статус, чем национальные языки, привела к неизбежному асимметричному двуязычию или даже к диглосии, т.е. к ситуации, когда один язык является «высоким», обслуживающим сферу политики,

образования, СМИ, а другой — «низким», используемым в межличностном общении. Во многом такая политика была направлена на достижение максимального взаимопонимания в многонациональном государстве. Национально-русское лвуязычие. преобладавшее в Советском Союзе, не вызывало неодобрения у большей части населения и воспринималось как отражение реальных процессов сближения наций и народностей, контактирования и взаимообогащения языков и культур. Однако при этом функции национальных языков были значительно ограничены, что привело к стиранию культурных особенностей и, как следствие, к тихому недовольству определенной части населения. Явное доминирование русского языка и его особый статус ставили во многих ситуациях русское население в более привилегированное положение, однако с обретением независимости ситуация изменилась в пользу русско-национального двуязычия, и уже русские стали ощущать необходимость в изучении национальных языков [15: 71].

Существует разное понимание, что считать двуязычием. Классическое определение двуязычия принадлежит У. Вайнрайху, автору психологических и лингвистических основ теории билингвизма. Он писал: «Двуязычие — практика попеременного использования двух или нескольких языков одним и тем же индивидом» [5: 62, 63, 68].

В российской литературе прежних лет двуязычие рассматривается как «знание двух языков в известных формах их существования в такой мере, чтобы выражать и излагать свои мысли в доступной для других форме независимо от степени проявления интерференции и использования внутренней речи двуязычным индивидом в процессе письменного или устного общения на втором языке, а также умение воспринимать чужую речь, сообщение с полным пониманием» [9: 35].

Эту точку зрения разделяют М.М. Михайлов, В.З. Панфилов, М.И. Исаев. М.М. Михайлов пишет, что «под двуязычием мы понимаем способ-

ность отдельного индивидуума или народа в целом или его части общаться (добиваться взаимопонимания) на двух языках» [14: 51-59].

По мнению В.А. Аврорина, «...под подлинным двуязычием с научной точки зрения следует понимать одинаково свободное активное владение двумя и более языками» [1: 28]. «О наличии двуязычия, — писал К.Н. Ханазаров, — мы можем говорить там, где люди владеют вторым языком в степени, достаточной для согласования своих действий с носителями второго языка для обмена мыслями» [17: 123].

В работах Л.В. Щербы под двуязычием понимается способность отдельного индивида, тех или иных групп населения общаться (добиваться взаимопонимания) на двух языках независимо от степени проявления интерференции [19: 313—318].

По определению А.А. Леонтьева, быть билингвом — это значит «уметь осуществлять речевую деятельность (точнее, отдельные виды речевой деятельности или их комплекс), пользуясь в зависимости от ближайшей социальной среды, цели общения, информированности о собеседнике и тому подобного языковыми средствами не одного, а двух...языков, имея более или менее свободный выбор языка для общения» [13: 25].

В исследованиях А.А. Дарбеевой также обосновывается положение о том, что при двуязычии главным должен служить критерий коммуникативности, второй язык призван обеспечивать главную функцию языка — быть средством общения между людьми. Если участники коммуникативного акта могут выразить свои мысли на втором языке и воспринимать то, что высказывается на нем, есть основание говорить о состоявшемся двуязычии [8: 20].

Выделяя психологическую сторону двуязычия, Е.М. Верещагин понимает под билингвизмом «психологический механизм» (знания, умения, навыки), позволяющий воспроизводить и порождать речевые произведения, последовательно принадлежащие двум языковым явлениям [4: 134].

Таким образом, определяющим фактором сформированности билингвальных умений является не просто степень владения иностранным языком (которую зачастую бывает достаточно сложно определить), а результативность его использования; при таком понимании «даже примитивный акт вербальной иноязычной коммуникации, закончившийся взаимным пониманием партнеров, является актом билингвального поведения, и человек, совершивший его, действует в этом случае как билингв» [11: 5].

Проблемы языковых ситуаций в странах мира начали активно разрабатываться с 70-х гг. XX в. и нашли свое отражение в трудах таких советских и зарубежных социолингвистов, как В.А. Аврорин, Р.Т. Белл, В.Д. Бондалетов, Ю.Д. Дешериев, М.И. Исаев, У. Лабов., Л.Б. Никольский, Г.В. Степанов, Ч.А. Фергюсон, А.Д. Швейцер и др.

Широкому обзору языковых ситуаций в СССР и бывших союзных республиках посвящены работы В.М. Алпатова [2] и М.Н. Губогло [7].

В постсоветский период в свете новых реальностей появилось множество работ, посвященных переосмыслению принципов языковой ситуации (Н.А. Баскаков, Н.Б. Мечковская, В.Ю. Михальченко, В.М. Солнцев и др.). Были выделены критерии языковой ситуации (этнолингвистические, социолингвистические, собственно лингвистические), компоненты (языковая общность, языковая традиция, языковая компетенция, речевая практика, ценностные ориентации, юридический статус языка, функциональный статус языка), парадигматические соотношения, раскрывающие языковую ситуацию (язык — нация, республика — язык, государство — язык, общественно-исторические изменения — язык, политика — язык, браки — язык).

Первое постсоветское десятилетие повернуло руль языковой политики в сторону национальных языков. В конце 80-х — начале 90-х годов маятник качнулся в сторону национальных языков.

Для объективной оценки языковой ситуации большое значение имеет соотношение понятий «национальность» и «родной язык». Известно, что сегодня среди ученых нет единого мнения относительно понятия «родной язык». В существующих лингвистических словарях О.С. Ахмановой, Д.Э. Розенталя, В.Н. Теленковой и др. подчеркивается, что родной язык усваивается бессознательно, независимо от воли индивида в младенческом возрасте. Так, В.К. Журавлев определяет родной язык как «язык, на котором формируются первичные навыки речевого взаимодействия, впервые устанавливается коррелятивная взаимосвязь между определенными языковыми единицами и элементами внеязыковой действительности» [10: 65]. В.М. Алпатов предложил называть родной язык материнским языком [2:11].

Чаще других в текстах законов встречаются термины национальный язык и государственный язык. Национальный язык — это этнокультурная категория, которая имеет как личностное, так и групповое выражение. Если родной язык входит в компетенцию отдельной личности, является предметом ее компетенции, национальный язык находится в поле зрения одной нации, а государственный язык – это этнополитическая категория, которая всегда остается в пределах ответственности социальных институтов государства. Именно государство призвано обеспечивать такой уровень взаимопонимания граждан, который будет способствовать стабильному и эффективному его развитию и сохранению гармоничных межличностных отношений. Толерантное взаимодействие, взаимопонимание и уважение возможны только в том случае, если государство обеспечивает полноценный диалог своих сограждан во всех сферах общения не только друг с

другом, но и с властными и социально-общественными институтами. Получение и передача информации в устной и письменной форме через надежные и понятные всему населению средства коммуникации — гарантия стабильного мира в государстве.

Таджикско-русское двуязычие — это ныне осознанная объективная необходимость.

Вопрос таджикско-русского двуязычия рассматривался учеными Я.И. Калантаровым, Н.А. Масуми, Д.Т. Таджиевым, Б.Н. Ниязмухаммедовым, Х.К. Каримовым, Н.А. Шароповым, Ш. Рустамовым, Т. Бердыевой, В.С. Расторгуевым, Б.С. Асимовой и др.

Проблеме таджикско-русского двуязычия посвящено монографическое исследование Р.И. Хашимова «Таджикско-русское двуязычие (социолингвистический аспект)» [18]. На широком историческом фоне в нем рассмотрены условия возникновения, становления и развития таджикско-русского двуязычия на основе научного анализа социальных, этнических, демографических факторов, экономического и культурного строительства в республике. В работе Хашимова нам представляется важным исследование проблемы функционального и внутриструктурного развития таджикского языка в сфере образования и культуры, лингвистический анализ лексики таджикского и русского языков. Ее взаимопроникновение и образование общего фонда важно для установления и оценки типов и форм двуязычия в Таджикистане.

Исключительная ориентация на русский язык и национально-русское двуязычие за годы советской власти привели к всеобщему, во многом небезосновательному, страху за судьбу национальных языков [12: 44]. Сегодня часто можно услышать о пагубной роли русского языка в бывших союзных республиках, принижавшего языки других республик.

Осознавая, что каждый народ видит в своем языке олицетворение всех своих культурных достижений, свое этническое своеобразие и уникальность, нельзя не замечать, что тенденции глобализации приобретают все большее значение в социальном развитии современного мира. Двуязычие (многоязычие), как бы ни хотелось этого тем, кто поддерживает идеи этноцентризма, сепаратизма, изоляционизма, все больше распространяется по всему земному шару, обусловленное возрастающим взаимодействием экономических, научных, культурных и политических интересов. В этом отношении интересно высказывание В. Гавела: «Цивилизации, в традиционном смысле этого слова, имели весьма ограниченные взаимные контакты, а если и оказывали воздействие друг на друга, то весьма постепенное и непрямое, и многие из них о других вообще ничего не знали. Сегодня положение радикально изменилось: практически весь мир пронизан тысячами политических, хозяйственных и коммуникативных нитей; мы все друг о друге знаем и все пользуемся тысячами общих приемов, технологий, моделей поведения, ставим общие цели. Поэтому мне представляется более подходящим воспринимать сегодняшний мир как единую глобальную цивилизацию» [6: 44].

За всю историю существования республики в составе бывшего СССР таджикский и русский языки функционировали на равных началах, полнокровно развивались таджикская национальная культура и литература, не проявлялось тенденций русского «засилья» и в сфере образования. Если и наблюдалось известное превалирование русского языка в системе высшего образования, то это касалось преподавания специальных дисциплин, среди которых большинство требовало изложения научного материала на русском языке, так как специалисты получали информацию из научной литературы на русском языке. Сейчас в вузах осуществляется перевод обучения на государственный язык: учебники, учебно-методическая литература издаются на таджикском языке.

В городах в ряде семей, где родители выросли в сельской местности, в семейном общении предпочитали использовать таджикский язык, тогда как дети говорили преимущественно на русском. Однако на данный момент ситуация меняется, так как дети, обучающиеся в школах и университетах на таджикском языке, часто в отличие от русскоговорящих родителей владеют таджикским языком.

«Закон о языке», принятый в 1989 г. в Таджикистане был направлен на сокращение, а затем и на свертывание функций русского языка во всех сферах общественной жизни. За годы независимости русский язык в значительной степени утратил роль доминирующего средства общения, а также сократил сферу своего функционирования.

С принятием «Закона о языке» постепенно стали возрождаться национальные школы с родным языком обучения, дети разных национальностей стали массово изучать таджикский язык. Обучение некоренного населения государственному языку во многом осложняется возрастными, психологическими, организационными факторами, несмотря на то что его подавляющее большинство положительно отнеслось к необходимости изучения государственного языка. Пока еще недостаточно эффективно действует организованные курсы по изучению государственного языка, остро ощущается дефицит учебников и учебных пособий, квалифицированных преподавателей.

Сейчас уже русские люди, проживающие в странах СНГ, вынуждены изучать языки титульных наций. Возникла проблема разделенных народов, так как несколько миллионов русских, как охарактеризовали В.М. Солнцев и В.Ю. Михальченко, оказались «иностранцами у себя дома» [16: 39]. Нельзя не отметить и тот факт, что рус-

ский язык признает родным и значительная часть нерусских народов, проживающих в странах СНГ.

За годы независимости языковая ситуация в Таджикистане развивалась весьма динамично. Языковая ситуация по-прежнему остается нестабильной, а языковая проблема — актуальной. В коммуникативном пространстве продолжают сосуществовать русский и таджикский языки.

Учитывая положение и статус таджикского языка на современном этапе развития и тесную взаимосвязь русского и таджикского языков в условиях сохранившегося билингвизма в таджикском обществе, следует отметить, что после получения таджикским языком статуса государственного идет активный процесс перевода всей терминологии на таджикский язык. В процессе перехода на национальную терминологию происходит не всегда оправданная замена устоявшихся в языке интернационализмов арабизмами. Многие слова принимаются в таком виде, в каком они проникли в таджикский язык, что, конечно, приводит к разнобою в толковании значений этих слов. Иногда переводы не точно передают значение слова. Появляется проблема перевода как с таджикского на русский, так и с русского на таджикский.

Языковые традиции устойчивы, и русский язык в этом смысле не составляет исключения,

выполняя функцию общения. Он не ограничивается ею, а по-прежнему обеспечивает надежные контакты с мировой цивилизацией, предоставляя народам возможность получения самой разнообразной информации. Русский язык обеспечивает многим народам единство с мировым сообществом. Повышенный интерес к изучению русского языка проявляется как устойчивая и прогрессирующая тенденция во многих странах всех континентов.

Россия входит в современное мировое сообщество не только в качестве партнера рыночных экономических отношений, но и как равноправный участник планетарного диалога цивилизаций, как носитель самобытной многонациональной педагогической культуры.

Русский язык, стихийно выдвинувшийся в ходе интеграционных процессов в истории СССР на роль языка межэтнического общения, и после распада государства остается единственно возможным полноценным средством связи в постсоветском пространстве.

Взаимовлияние и взаимообогащение культур посредством языка — непреложное условие роста культуры народа в целом и каждой отдельной личности. Это неоспоримое условие и прогрессивная тенденция в развитии всей цивилизации.

Литература

- 1. Аветисян Э.С. Круглый стол // Педагогика. 1999. № 3.
- 2. Алпатов В.М. 150 языков и политика. 1917—2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. 2-е изд. М., 2000.
- 3. Верещагин Е. М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 4-е изд. М., 1990.
- 4. Верещагин Е.М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). М., 1969.
- 5. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. Вып.6. Языковые контакты. М., 1992.
- 6. Гавел В. Конфликт цивилизаций одно из представлений о будущем. Как ему воспрепятствовать? // Новое время. 1995. № 1.
- 7. Губогло М.Н. Языки этнической мобилизации. М., 1998.
- 8. Дарбеева А.А. Влияние двуязычия на развитие изолированного диалекта (на материале монгольских языков). М., 1978.
- 9. Дешериев Ю.Д., Протченко И.Ф. Основные аспекты исследования двуязычия и многоязычия // Проблемы двуязычия и многоязычия. М., 1972.
- 10. Журавлев В.К. Экология языка и культуры // Функционирование языков в многонациональном обществе. М., 1991.
- 11. Каспарова М.Г. Иноязычные способности как психологическая предпосылка формирования билингвизма // Психология билингвизма / Отв. ред. И.А. Зимняя. М., 1986.
- 12. Костомаров В.Г. Мой гений, мой язык. М., 1991.
- 13. Леонтьев А.А. Психологические и социолингвистические проблемы билингвизма в свете методики обучения неродному языку// Психология билингвизма / Отв. ред. И.А. Зимняя. М., 1986.
- 14. Михайлов М.М. Двуязычие в современном мире. Чебоксары, 1998.
- 15. Сергеев Ф.П. Языковые ситуации и языковая политика в странах мира. Волгоград, 2001.
- 16. Солнцев В.М., Михальченко В.Ю. Языковые проблемы и мировой опыт решения языковых проблем // Социолингвистические проблемы в разных регионах мира. М., 1996.
- 17. Ханазаров К.Х. Проблемы двуязычия и многоязычия. М., 1972.
- 18. Хашимов Р. И. Таджикско-русское двуязычие (социолингвистический аспект). Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Душанбе, 1986.
- 19. Щерба Л.В. К вопросу о двуязычии// Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

A.A. Yunusova

MAIN FEATURES OF LANGUAGE SITUATION IN TAJIKISTAN

Language situation, language policy, state language, bilingualism, loan-word.

The article is based on a sociolinguistic approach to establishment and evaluation of types and forms of bilingualism as applied to main features of language situation in Tajikistan. The author considers importance of research on functional and internal structural development of the Tajik language in the sphere of education and culture. Also of importance is analysis of Tajik and Russian vocabulary, its cross-penetration and formation of the joint lexical stock.